

«Женщина привносит своим присутствием добро, теплоту, ласковость, сердечность и нежность, а также пробуждает в душе надежду, радость и вдохновение. Без женщины нет любви, а без любви нет жизни на земле».

Федор Гуринович

«Всевышний не случайно сотворил женщину именно из мужского ребра. Не из спины, чтобы всю жизнь быть навьюченной, не из кулака, чтобы быть вечно униженной и побиваемой, а из-под руки, чтобы чувствовала защиту, возле сердца, чтобы была любимой, из бока, чтобы идти бок о бок...»

Анатолий Аврутин

«Слабость, нежность, ум, чуткость — несомненно украшают женщину. Но главное, чем наградила Господь женщину, — способностью жертвенно любить. Счастлива обладательница этого дара. И от ее любви мир наполняется светом».

Людмила Багданович

«Женщина — мостик от земли к небу. Только она может превратить отчаянный крик земного быта в нежную песню голубой мечты. Такая женщина — Счастье».

Анастасия Кузьмичева

«Хвала Всевышнему за то, что сумел сотворить Женщину. За них, женщин, мы, мужчины, готовы отдать жизнь, за них льет звуки наша лира. Ведь именно Женщина способна спасти мир от гибели».

Роман Айзенштат

«Да святятся на земле красота, любовь и милосердие женщины».

Вадим Спринчан

«Богатство Беларуси — не только в ее лесах и полях, реках и озерах, городах и селах, достойно оснащенной армии. Оно, прежде всего, — в духе, стойкости и любви женщин, дающих жизнь новым поколениям и воспитывающих будущих президентов, полководцев, первоклассных хирургов, ученых, писателей, строителей и пахарей. Женщина Беларуси была и остается примером стойкости и мудрости».

Тамара Ковальчук

«Ночь. Свет фар ложится на полотно дороги, которая кажется бесконечной. Показываются мерцающие огоньки какой-то деревни. Вот уже можно разглядеть контуры хат, деревьев, электрических столбов. Страшно хочется, чтобы это была моя родная деревня. Чтобы хоть на миг очутиться в юности, где старые деревья в лунной паутине, полузамёрзшие лужицы на стылой прошлогодней траве, высокий забор со скрипучей калиткой, за которой живет Она...»

Анатолий Резанович

«Приятно, что 2026 год в Беларуси объявлен Годом белорусской женщины. Это должно было случиться. Белорусские женщины заслуживают не только одного праздничного дня в году — 8 Марта, но и целого года, и даже тысячелетия. С удовольствием повторю известную цитату финского писателя Мартти Ларни: «Быть человеком — это много, но быть женщиной — еще больше».

Александр Ануховский

**ВІКТАР КУНЦЭВІЧ
«ВЫБРАНЫЯ ТВОРЫ»**

В книгу избранных произведений лауреата Национальной литературной премии Республики Беларусь Виктора Кунцевича вошло лучшее из прозы и поэзии, написанное им за годы творческой работы. В произведениях писателя соединяется реальное и мистическое. К слову, мистика в его текстах выглядит как органичная часть нашей повседневности, а добиться такого эффекта удается далеко не каждому писателю.

**МІХАСЬ ПАЗНЯКОЎ
«СМАЧНЫ ЦУД ПРЫРОДЫ»**

В новую книгу лауреата Национальной литературной премии Республики Беларусь, литературных премий имени Василя Витки, Янки Мавра, международных литературных премий имени Александра Пушкина, Виталия Бианки, Марка Твена, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь Михаса Познякава вошли стихи, скороговорки, загадки, которые знакомят юных читателей с ягодами — лакомством белорусских лесов, садов и огородов. Книга для детей младшего школьного возраста.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия и проза

4

ФЕДОР ГУРИНОВИЧ.

Умение удивляться.
Лирические миниатюры.
Перевод с белорусского
автора

10

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.

Евфросинья.
Фрагменты служения.
Поэма

15

АНАСТАСИЯ КУЗЬМИЧЕВА.

Дедукция счастья.
Стихи

17

ЛЮДМИЛА БАГДАНОВИЧ.

Моисеево озеро.
Повесть

59

РОМАН АЙЗЕНШТАТ.

О прошлом не сожалею...
Стихи

Наследие

62

ФЕДОР КОНЕВ.

Опасный жених.
Роман

Чернобыль и время

40 лет после катастрофы

92

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ.

Сонеты Чернобыля.
Перевод с белорусского
Натальи Советной

95

ВИТАЛИЙ КИРПИЧЕНКО.

Дни стояли жаркие...
Рассказ

101

ВАДИМ СПРИНЧАН.

В безлюдной зоне — цезий
и плутоний...
Стихотворение

102

ТАМАРА КОВАЛЬЧУК.

Здесь тихо бьется
в берег Припять.

Стихи

105

АНАТОЛИЙ РЕЗАНОВИЧ.

Боль души.

Новелла

107

АЛЕКСАНДР АНЮХОВСКИЙ.

Подвиг твой бескорыстен
и светел!

Стихи

110

НАТАЛИЯ КОСТЮЧЕНКО.

Возвращение к жизни

Культурный мир

118

**«Я СТАРАЛСЯ ДЕЛАТЬ
В ИСКУССТВЕ ТО, ЧТО
МНЕ НРАВИТСЯ».**

*Интервью с художником
Валерием Слауком.*

Беседовал Кирилл Мельник

Напоследок

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗДАНИЯ

132

НИНА КОСИЛОВА.

За строкой автографа

ЭТО ИНТЕРЕСНО

135

АНДРЕЙ СУХАРЕВ.

Настоящее или мнимое

142

Авторы номера

АПРЕЛЬ 2026

Нёман

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

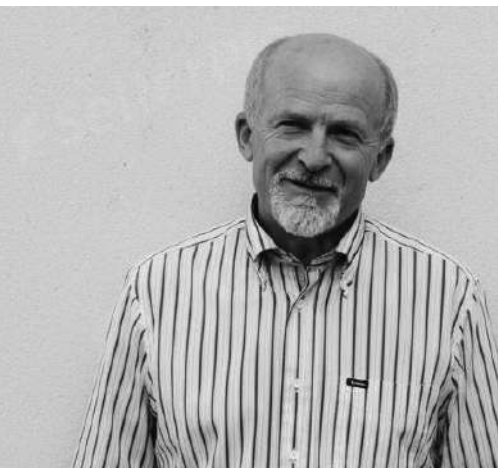
04 // 2026
апрель

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

*Редакционная коллегия:
Алесь Бадак, Виктор Васильев,
Мария Воинова-Стреха,
Вадим Гигин, Александр Коваленя,
Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков,
Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип*

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Издается с 1945 года
Минск

Федор Гуринович

УМЕНИЕ УДИВЛЯТЬСЯ

Лирические миниатюры

ПРОЗА

Плывет по улицам и щекочет нос дрожжевой запах опавших яблок. «Колесом вам дорога!» — выкрикнул какой-то недоброжелатель вслед тупоугольному журавлиному клину.

И птицы развернулись, свились в кольцо, закружились на месте — и столько несказанной печали в их обычных трубах! И сизокрылым прореженным светом окутывает вожак околицу, и смотрит из-под руки на птиц сочувственное село, и журавлиная боль щемит душу.

Нет, эта досада не минет и тогда, когда наступит черемуховая весна. Такой печальной когда-то давно была разлука с любимой.

Словно древнее чудище, ковыляет по отлогому берегу, гремит зубатым ковшом экскаватор, перемешивая цветущее разнотравье с илом и змеевидными корнями. Вместе с водным убежищем вышвырнул на изувеченный берег трех бобрят. Словно комья мокрого торфа, они сгрудились вместе, заляпанные черной грязью — что чертенята.

А на противоположный берег выполз старый бобер в лохматой коричневой шерсти — скорее всего, бобриха. Привсталла, опершись на широкий хвост, безмолвно плачет, как это умеют бобры. А перед ней, тараша глазницу пустой фары, распростерло ржавое черпало громоздкое страшилище...

Пронзительным молчаливым бобровым плачем вертит меня, словно перышко на водовороте: «Боже, неужели не видишь, не слышишь, как задыхаются в тине бобрята?!» Стонет и сотрясается берег, скрежещут тросы, гремят цепи...

Только что это для человечества, если наш век не постиг сочувствия? Разве только Бога и попросишь, чтобы не прощал людских грехов.

Анатолий Аврутин

ЕВФРОСИНЯ. ФРАГМЕНТЫ СЛУЖЕНИЯ

Поэма

ПОЭЗИЯ

1

Ей двенадцать только лет... А величава,
Очи ясные, речения тихи.
Расцветает в граде Полоцке Предслава —
То-то нынче зачастили женихи.

— Князь Георгий, дочка старшая прелестна,
Выдавайте-ка за сына вашу дочь.
Будет ворогам в пенатах наших тесно —
Как по-родственному в битве не помочь?

— Ну а ты сама что думаешь, Предслава,
Кто тебе из этих отроков милей?
О тебе уже пошла в округе слава —
Женихи-то знатных княжеских кровей.

— Не скажу тебе я, батюшка, иного —
Честь свою навек мечтаю соблюсти.
Я не княжая невеста, а Христова,
И не мучай ты меня, а отпусти.

— А куда же отпустить, моя отрада?
Без тебя душа подобна на пустырь...
— Мне мирских и грешных радостей не надо,
Только к Богу... И к молитве... В монастырь...

— Без подмоги мы врагов не *побиваха*...
Не неволю... Но потом не пожалей.

Анастасия Кузьмичева

ДЕДУКЦИЯ СЧАСТЬЯ

Я во сне ее вижу нередко.
Говорю с ней молчанием глаз.
И любая кленовая ветка
По плечу проведет мне не раз.

Безупречность традиций коварна.
Я за эту стабильность держусь.
И на кладбище розовый мрамор
Простоит сотню лет еще пусть...

Я ее берегу как умею,
Хоть дожди, листопад или снег.
О земля. Я тобою болею.
Моя Родина в сердце навек.

Зачем же огрызаться, убегая,
Коль прав сегодня попросту не ты.
Что яблоки кидать в ворота рая?
Я б не ломалась, строила б мосты.

Но это трудно. Не сумеет кто-то.
А кто-нибудь — подножку втихоря.
Там каждый миг: и пытка, и работа.
И мыслями — отчет у алтаря.

Хоть холодно, я на земле останусь.
Вросту своей настырностью в строку.
Улыбки и мечта — поднимут градус.
И от себя уже не побегу.

Людмила Багданович

МОИСЕЕВО
ОЗЕРО

Повесть

К церкви тянулся народ — принаряженные мужики и бабы: воскресная литургия в Божьем храме. У Михалёвых сын родился — радость молодым родителям. Исаак Иванович Михалёв был добрым хозяином, сельчан не обижал. Кто работал у него — доволен оставался. Набожен был молодой владелец Михалёвки и справедлив. Вон Макару-горемыке и зерно ссудил под весну, когда у того дети голодать стали, коней дал с плугом — вспахать надел. И то сказать — наделил Господь семью Макарову испытаниями: то осенью корова издохла, то сенокос его вымок — разлилась в паводок река. Не оставлял Исаак и вдову Костылёву. Видели, что заходил к ней приказчик Михалёва. Хлеб потом пекла Авдотья и в лавку с Митькой-соседом напросилась. Отрезы привезла, мануфактуру.

Зазвонил колокол, к церкви подошел Исаак Иванович. Высокий он был, на голову выше приказчика своего, Онуфрия. А уж тот слыл на всю округу великаном. Да в роду Михалёвых все рослые — отец молодого хозяина, Иван Архипович, тоже был двенадцать вершков ростом. Он и хозяйство оставил сыну крепкое: хутор с большим домом, покосные луга, конюшню со столбами из красного кирпича по углам.

Добрые кони, досмотренные, стояли по стойлам. Конюх Евсей задал им корм — в воскресный день отдохнут. А завтра — кого в упряжку, кого в плуг. Особняком стоял любимец Исаака Ивановича — Орлик. Этот конь был не для тягловых работ — скакун. Его хозяин купил в позапрошлом году еще молодым жеребцом в Буда-Кошелево. К нему уже подкатывал пан Ильинский из Демидовки:

— Исаак, продай коня, какую хочешь, цену даю. Пятьсот рублей не пожалею.

Роман Айзенштат

О ПРОШЛОМ
НЕ СОЖАЛЕЮ...

Синдром Спинозы

У меня синдром Спинозы —
Обещаниям не верить,
Все обдумать, все примерить,
Даже смех и тот сквозь слезы.
Подвергаю все сомнению,
Критикую даже власти,
Целое делю на части,
К общепризнанному мненью
Прихожу не очень часто.
Даже то, что непреложно,
Для меня порою ложно,
Неприемлемо, неясно.
Сквозь логическую призму
Провожу чужие взгляды.
Оппоненты мне не рады,
Подвергают остракизму.
Оппонируют невежды,
Что живут в плену у догмы,
Потакать таким не смог бы...
Не оставляю им надежды!
Слышатся порой угрозы
Тех, кто мною недоволен.
Что поделать, я ведь болен,
У меня синдром Спинозы.

Федор Конев

ОПАСНЫЙ ЖЕНИХ

Роман

НАСЛЕДИЕ

По рассказам старой Маньки, которая была его повивальной бабкой, Прокопий родился в белую ночь с открытыми глазами. Манька разрезала ножницами пуповину, сполоснула ребенка теплой водой над деревянным корытом и закутала в шкуру молодого олешка, хотя роженица на этот случай припасла фабричные пеленки. Мальчик не плакал, как все новорожденные, а пристально смотрел на женщину, тогда еще не такую седую и страшную, и на лице его изобразилась мука. Ей приходилось принимать детей и прежде, но этот случай старуха вспоминала до последних дней и все говорила, как ей стало не по себе, когда черные глаза мальчика стали голубеть, а с лица сошло страдание. И так уж Маньке тогда неладно стало, что она вышла на улицу и только там успокоилась.

Бабушка Прокопия Лукерья умерла рано от какой-то странной болезни. Она часто кричала, будто ее черти разрывали изнутри. Старая Манька говорила, что бедную женщину погубила порча. Старуха слышала, что такие случаи бывали в старину. Видимо, старая Манька подумала и о том, что порча может передаваться по наследству. Уж очень странно, по ее мнению, появился на свет ее внук.

Мать Прокопия звали Ульяной. До материнства она была довольно живая, подвижная и смешливая девушка, очень работающая, из тех, что без дела не могут сидеть, а постоянно хлопочут, забываются недолгим сном и снова суется, крутятся, неумоимо чего-то ладят.

Неизвестно было, от кого понесла семнадцати лет девушка, которая никуда последние годы не ездила, а женихов по всей округе не было, одни медведи шастали по тайге. Правда, водился, по слухам, лешак в лесу... Но мало ли что болтают!

Эта неизвестность больше всего заинтересовала отца Ульяны, деда Прокопия. Это был пришлый человек. Он

появился в стойбище в самом начале пятидесятых годов. Никто не сомневался, что он человек беглый, о таких людях ходило много слухов. Осевший оленевод Ефимка сам видел в тундре длинные постройки за колючей проволокой. Он с оленьим стадом каслал мимо и все запомнил. Он говорил, что в тех бараках, по слухам, живут плохие люди, поэтому весь поселок окружен колючей проволокой, по углам стоят вышки и на них дежурят солдаты с автоматами. Ефимка даже видел, как этих людей вели колонной куда-то, может, на работу, тогда через тундру строилась железная дорога. Они были похожи на стадо оленей, потому что за ними шли конвоиры, как пастухи, и лаяли собаки, которых держали на поводках, потому что эти псы были очень злые в отличие от брехливых, но не кусачих лаек.

Поселяне пришлого человека выдавать милиции не стали, он был очень измучен и чуть не помер, а когда женщины выходили доходягу, им стало жалко его. Он оказался очень добрым, безобидным и работающим. К тому же он оказался своим, то есть тоже коми-зырянского роду. А разве своих выдают!

Этим беглым человеком был Матвей Мезенцев.

Все у него могло сложиться иначе, ходил бы в профессорах, жил бы в достатке, судьба для этого только разве ковровую дорожку не постелила. Но вот надо ж было ему с молодых лет увлечься поиском истины, что не всегда приводит к добру.

Родился он в городе Сыктывкаре в тридцатом году прошлого столетия. Был выходцем из пролетарской среды — сын техника лесозавода и разнорабочей того же предприятия. Этим анкетным данным в те времена придавали большое значение. Мальчик смог окончить школу и поступить в институт без всяких проволочек. К тому же Матвей оказался смышленным и старательным, в институте на него обратил внимание один из преподавателей. Этот человек занимался историей коми народа, его мифологией, его духовным развитием, имел научные публикации, был еще достаточно молод и многие надежды питал, будучи одержим наукой, иначе и не скажешь. Матвей стал его лучшим учеником.

В своей дипломной работе студент Мезенцев написал об огромном значении миссионерских стараний Стефана Пермского. По словам дипломника, выходило, что принятие христианства для коми было важнейшим, судьбоносным событием. Коми край стал частью Великого княжества Московского, а духовная жизнь народа вошла в надлежащее русло общечеловеческого развития.

За неделю до защиты дипломной работы арестовали учителя, обвинив его не то в национализме, не то в шпионской деятельности в пользу Англии. Замели еще несколько человек из института для полной профилактики. И, конечно, любимого ученика не могли оставить в стороне. На допросах все просили объяснить, почему дипломник столь большое значение придает какому-то попу и ни слова не говорит о спасительной роли Октябрьской революции в судьбе народа. Тогда было принято говорить о том, что большевики спасли северные народы от вымирания. Матвею так не казалось, потому и не писал.

Отбывать «заслуженный» срок Матвея отправили за Урал, в Лабитнанги. Так назывался небольшой поселок, окруженный лагерями, находился он недалеко от Оби. Туда довели ветку воркутинской железной дороги. А по ту сторону Оби продолжалась прокладка дороги в

сторону Енисея. Потом ее забросили. Но пока еще требовалось много леса. А вокруг же одна тундра. Матвей попал в команду заключенных, которую забросили на барже в верховья реки Сыни, где предстояло валить сосны и сбивать плоты, чтобы сплавить потом строительный лес по большой воде до самого Лабытнанги.

На лесозаготовке Матвей Мещеряков впервые увидел Уральские горы. Когда готовил дипломную работу, то читал в архивах о том, что часть его народа не приняла христианства и ушла в сторону Урала. Он даже мечтал со временем организовать научную экспедицию, пройти по следам предков. Его мечта сбылась — он оказался рядом с теми горами.

Казалось, они близко. Молодой ээк часто вечерами сидел у общего костра. Но слушать разговоры сотоварищей, чаще всего глухую грызню, (униженные всегда пытаются унизить себе же подобных) Матвею надоедало, он отходил в сторону и садился на поваленное дерево. Тайгу окутывал тяжелый сумрак, а солнце еще освещало снежные вершины гор, и они сверкали так радостно, будто там был рай. Всю зиму Матвей с товарищами валил лес, всю зиму он видел недалеко, казалось бы, горы, но до них было добрых полсотни верст полного бездорожья. Когда стала приближаться весна и кончились лютые морозы, в душе Матвея все сильнее стала пробуждаться мечта. Вершины гор так призывно сверкали, словно до Матвея тянулись от них живые лучи, окутывали душу и притягивали к себе.

Охрана оказалась не такой лютой, как в самом лагере, ее и меньше было, да и понимала она, что ээкам бежать некуда, никто не пройдет через тайгу до воли, скорее всего — достанется волкам. Но Матвея горы тянули с такой силой, что в одну лунную апрельскую ночь, когда все крепко спали, он скоренько собрался, да и пошел в сторону гор. Он даже не осознавал, что это побег, просто не мог иначе поступить. Днем на солнце снег отсырел, а ночью морозец прихватил его ледком. Шагать по насту было легко, и главное — следов не оставалось.

На третьи сутки истощенный Матвей вышел на кручу, с которой увидел долину с желтыми ядовитыми на вид дымами и догадался, что перед ним незамерзающие болота, через которые ему не пройти. Каторжная работа на лесозаготовке высосала его силы, он был худ и слаб настолько, что не решился идти дальше. Он смотрел на горы и впервые плакал. Он и в детстве не был нюней, а тут не сдержался.

Несколько успокоившись, Матвей заметил засечку на стволе сосны. Такие метки делают охотники на память. Он стал вглядываться и заметил вторую в шагах десяти. Но они вели в сторону от Урала. Однако другого пути не было, и по этим затесам он вышел к стойбищу, в котором обитало всего несколько человек. Его поначалу приняли настороженно, но вскоре привыкли.

Стойбище состояло из трех юрт, в ту пору жили в них четыре женщины и три старика. Кто моложе был, уехали куда глаза глядят из этой замшелой глуши. До этого стойбища летом на лодке не добраться, река быстра и порожиста, разве зимой на оленях, которым любые снега не помеха. Но никому на всем свете не было нужды до обитателей юрт. Если же самим понадобится дела в селе справить, так они знают дороги через тайгу, прогуляться труда не составит. Хотя до ближнего жилья далеко, тридцать верст, а то и больше.

Прижатое к реке тайгой стойбище находилось на высоком берегу, на холме, юрты не теснились, расположились вольно и при них были лабазы, амбары на столбах, как избушки на курьих ножках.

Микола Метлицкий

СОНЕТЫ ЧЕРНОБЫЛЯ

1

Судьбы тропу опутала полынь,
И жизни путь навеки горечь скрыла.
И осенью пустынною уныло
Летел печальный журавлиный клин.

Воспоминанья, словно из картин,
Стремилась в лоно счастья легкокрыло,
Там память дни былые закружила,
Пунцово рдея гроздьями калин.

Вдруг безвозвратное вернулось время,
И словно смертное исчезло бремя,
Сельчане шли протоптанной тропой.

Я видел их. И день их разгорался.
Наш Бабчин песней жизни упивался.
И не было реальности другой.

2

По лиственному ситцу — в лес, молчком.
Хрустит дорога скудно, сиротливо.
Стеною ели, как мираж тоскливый,
Горбатятся за ближним озерцом.

Течет река Судьбы. Ее пловцом
Признать себя душа все не желает.
А ветры грозно шепчут, завывают,
Как будто божий свет — перед концом.

Виталий Кирпиченко

ДНИ СТОЯЛИ ЖАРКИЕ...

Рассказ

2 7 апреля 1986 года было воскресенье. Я вернулся в субботу из командировки и решил позаниматься с машиной. День выдался на славу. Такие редко бывают в Беларуси. Тепло, солнышко. Благодать! Я снял колесо, и тут меня позвала к телефону жена.

— Товарищ полковник, вам предстоит срочно убыть в командировку, — говорил мне дежурный по управлению. — Командировка может быть длительной. Захватите с собой средства индивидуальной защиты.

— Но средства в штабе! И что это за срочно-бессрочная командировка? Куда? Зачем?

— Украина. Район Чернобыля. Там что-то случилось на атомной электростанции. Не исключена диверсия.

«А я-то тут причем? — хотел я возмутиться. — С каких это пор я стал специалистом по атомным станциям или диверсиям?» Но не возмутился. Значит, какая-то связь, еще не понятная мне, есть.

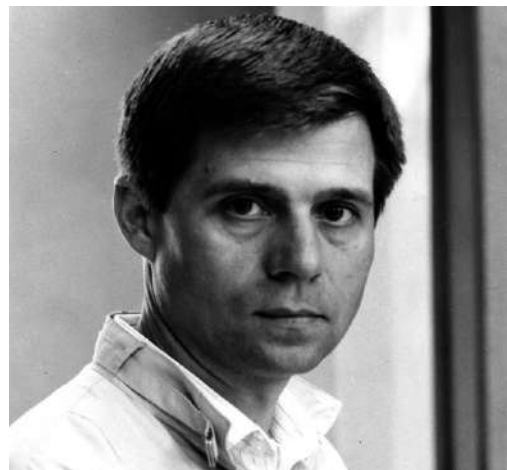
— За вами уже вылетел вертолет Ми-26, через полчаса он будет на «Липках».

Быстро приладив колесо, я побросал в сумку под зудение жены свои привычные вещи, попросил соседа проехать со мной до аэродрома и загнать потом машину в гараж.

Мчались мы по проспекту со скоростью, за которую бы меня наказали гаишники, но их, на мое счастье, нигде не было. Так же лихо влетели на поле аэродрома, на котором выделялся наш вертолет. Около него прохаживался, поглядывая на часы, полковник Маслов.

— Запуск! — кивнул он экипажу и обратился ко мне: — Средства защиты взял? Плохо. Принесите чей-нибудь противогаз! — Это уже к замполиту эскадрильи майору Мочанскому. Тут же мне принесли противогаз, и мы взяли курс на Чернигов.

Вадим Спринчан

В безлюдной зоне — цезий и плутоний...
Над хатою подобием креста
Нависла ель. И вспомнил я Христа
И кровь его на лбу и на ладони.
Неужто путь к спасению — тщета?

Над перекрестком четырех дорог
Клубилась в поле атомная пыль.
Там всюду чертов страх — чертополох
И гибелью чреватый чернобыль.

И был вдвойне печален там погост,
Средь поля жизни, а вернее — смерти.
В ту ночь Господь затеплил свечи звезд
На траурной небесной тверди.

...Случится ль чудо в ядерную эру,
Воскреснут ли земля, река и лес?
Дай, Господи, спасительную веру.
Мы все теперь несем незримый крест —

С одною целью, сердцу не чужою
На скорбном человеческом пути, —
Не просто выжить — выстоять душою,
Любовь и свет бессмертья обрести.

26 апреля 1990

ЧЕРНОБЫЛЬ И ВРЕМЯ

Тамара Ковальчук

**ЗДЕСЬ ТИХО БЬЕТСЯ
В БЕРЕГ ПРИПЯТЬ**

Деревня, которой почти что и нет

Кто рискнет такую веру развенчать и низвести,
Тот не мерил эту меру и не пробовал нести...

И. Царев «Тобол»

Без проблем в деревню еду, чтобы вновь увидеть свет
Материнского обеда через уйму дней и лет,
Только стены магазина да стоят в рядок столбы,
Свесив провода невинно на акаций колких лбы.

Где с тревогой в берег бьется Припять — милая река,
И, как прежде, к солнцу рвется вся семейка ивняка.
Где от улиц, переулков лишь остался пепла смрад,
Журавлиной песне гулкой старый клен-кряхтун не рад.

Где стоял дом, там лишь ветер лижет сочную траву,
Оставляя ряд отметин, над которыми реву.
Из земли нога колонки, потеряв свой вид, торчит,
Будто памятник сторонке, будто вечный страж и щит.

Только аист ладит деток, кормит с раннего утра
И кричит лисица где-то у заросшего двора
Старожила дяди Коли, здесь оставшегося жить.
Он любовью к предкам болен. Не порвать той связи нить!

Анатолий Резанович

БОЛЬ ДУШИ

Новелла

В жизни проходит все. Но остается память. Она стучится в душу, будит мысли, плачет о былом. И я вспоминаю.

Хата на отшибе, сад, крапива у плетня.

Я еще сплю, а уже чувствую запах меда и свежего парного молока. Слышу голос бабки: «Потише, старый!..» Дед, накурившись, приглушенно и виновато кашляет. Мне становится жалко его, и я встаю, выбегаю на крыльцо и долго гляжу, как из-за сада выкатывается желтовато-красное, похожее на огромный спелый шиповник солнце. Его свет золотит листья деревьев, играет на перезревших тяжелеющих вишнях, искрами рассыпается по росе.

— Внучек! — зовет бабка.

Я будто не слышу: стою и увлеченно смотрю на горделивый подсолнечник, сохнувший лук, белолобого лопухого щенка, играющего с концом веревки, которая висит на плетне...

Увы, время безжалостно. У меня уже нет бабки с дедом. Совсем постарела, покосилась их хата. Высыхает некогда цветущий сад.

Осталась от стариков память да Библия, глядя на которую, слышу набожный голос бабки: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки...»

Память не изменяет. Ее не хочешь, не принимаешь, ее прогоняешь, а она все равно приходит.

И я опять вспоминаю.

Паводок.

На многие-многие километры вокруг разлились талые воды. В их густой синеве весело плещутся мириады солнц. Они игриво кружат вокруг деревьев и кустов, на ветках которых распускаются зеленые, желтые, багряно-коричневые

почки. Только-только появившись на свет, они смотрят на мир большими и добрыми глазами, с нежностью отдаются в объятия каждому теплому дыханию ветерка, радуясь, что родились и живут на этом свете.

Вешние воды отдают первым теплым дождем. Они успокаивают и придают силы.

Лишь у закрытого шлюза, где лежит грязновато-красная куча ядохимикатов, как-то пустынно и неуютно. Не видно зелени и почек. Из воды торчит одинокий почерневший ствол то ли осины, то ли ольхи, да плавает большой дохлый линь, выставив кверху взбухший гнилой живот — немое, скорбное свидетельство беды.

Густая синева вешних вод медленно окрашивается здесь в цвет ржавого железа...

Память постоянна, как мир. Она во мне. Она вокруг меня.

И я в который раз вспоминаю.

Поле. Необъятное поле. Оно уходит за горизонт и где-то там, далеко-далеко, как будто сливается с небом.

Поле только что вспахано. Земля на нем черная, жирная, пахнет свежим жнивьем. По низинам стелется пар. Гляжу на него, и мне кажется, что поле дышит. Оно — живое!

— Э-ге-гей! — радостно кричу я, заглушая птичий гомон.

За мной наблюдает отец. Довольный, он улыбается, замечает:

— Хорошо на поле, просторно.

— Хорошо, — соглашаюсь.

— Жалко, что многие не видят этой красоты, уезжают в города, — продолжает как бы между прочим отец. — Отвыкают от наших сельских забот, забывают свои корни. А человек без корней что щепка на воде. Куда ветер, туда и плывет. Так-то...

— Я не уеду, — уверенно говорю я.

Отец сомнительно качает головой, долго молчит, тяжело вздыхает...

Память преследует меня днем и поднимает среди ночи. В пространство тьмы она вдруг врывается стремительной звездой, а в прозрачность света входит черной тучей.

И я снова вспоминаю.

Лес.

Последний зимний день. Он киснет, слезится. От радости, взлетев на самую высокую сосну, поет бойкая синица. Внизу, на старом пне, пробует свой картавый голос ворона. Долго, раскрыв веером разноцветный хвост, прохаживается глухарь по поляне, рисуя на снегу опущенными упругими крыльями замысловатые узоры.

Из-за кустов я внимательно слежу за глухарем и, когда он останавливается, настораживается, спускаю курок двухстволки. В мгновение тишина рассыпается. Глухарь нелепо подпрыгивает и падает на бок, кровавая и без того мокрый чернеющий снег...

Вскоре темнеет. На мрачном небе появляется бледная луна. Кажется, что она смотрит на землю из перевернутого глубокого колодца.

Постепенно луна желтеет, наливаясь водянистой краснотой и становится похожей на чей-то зловещий глаз. Становится страшно. Я ускоряю шаг: «Домой, домой...»

В какое-то мгновение оглядываюсь. Кровавый взгляд далекой и холодной луны смеется и как будто говорит: «От судьбы не уйдешь». Я смотрю на часы. Стрелка показывает за полночь. Наступает весна 1986 года, весна, повенчанная с Чернобылем.

Близится непроходящая боль моей души...

Александр Анюховский

**ПОДВИГ ТВОЙ
БЕСКОРЫСТЕН
И СВЕТЕЛ!**

Бей, звонарь, с колокольни в набат

К 40-летию трагедии на Чернобыльской АЭС

Бей, звонарь, с колокольни в набат,
Звон тревожный разлей не жалея,
Чтобы души, в момент цепenea,
Ощутили Чернобыля ад!

Разбуди убаюканных сном.
Мирный атом останется мирным,
Если дать по рукам всем настырным,
Кто играет с ним, как с огнем.

Сорок лет и забылось ужель?
Я не верю, что может забыться,
Как земля зараженная злится
В тот кричащий от боли апрель.

Был убийца коварен и тих.
Были люди совсем не из стали,
Но пред ним как железные стали,
Погибая за жизни других!

P. S.
Пусть слова в утешенье звучат:
«Над Чернобылем фон безопасный!»
Но как хрупок наш шарик прекрасный...
Бей, звонарь, с колокольни в набат!

ЧЕРНОБЫЛЬ И ВРЕМЯ

Наталия Костюченко

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Чернобыль... после черной даты 26 апреля 1986 года стал известен всему миру. Чернобыльник — растение, являющееся разновидностью полыни, которого очень много в междуречьях Днепра, Припяти, Десны и Сожа. Оно дало название этому украинскому поселку, расположенному в низине Полесской низменности, неожиданно ставшему знаком, символом беды.

Нередко именно об этой земле, загрязненной радионуклидами после катастрофы на Чернобыльской АЭС, говорят: «Свершилось», когда цитируют Откровение Иоанна Богослова из Нового Завета: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки...»

Событие, произошедшее 40 лет назад в Чернобыле, действительно трагическое, можно даже сказать, историческое, изменившее не только сознание, но и разделившее саму жизнь людей на периоды дочернобыльский и послечернобыльский.

Что происходило с человеком, с животными, растениями и с окружающей их средой на территориях, прилегающих к Чернобылю? Каким образом возвращаются к жизни? Чем был вызван интерес к этому краю со стороны исследователей и ученых многих стран мира?

Чернобыль... О чем он вещает человечеству сегодня? 40 лет спустя?

Не раз побывав в Хойникском и Брагинском районах Гомельской области, я сделала, пусть и субъективный, анализ некоторых ситуаций, явлений и событий.

— Не, Леонтий Ильич, не продам. Уже как родной он мне, не могу.

Серый в яблоки, с длинными тонкими ногами Орлик нетерпеливо фыркал — ждал, когда его оседлают. Да не о любимце своем пекся в тот день хозяин.

— Доброго здоровьица, Исаак Иванович! — стали кланяться бабы и мужики.

— И вам доброго! — снял картуз Михалёв.

— Благодетель, — слышалось за спиной входящего в притвор новоиспеченного родителя.

Бричка с крестными родителями и младенцем остановилась у церкви. Дитя в белых кружевах мирно спало на руках у Дарьи-свояченицы — Михалёвых из Бушовки. Седой священник отец Николай, узнав дату рождения наследника, прищурясь, водил пальцем в Святцах.

— Крещается раб Божий Моисей во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! — возглас батюшки известил о даровании имени младенцу и святого покровителя — пророка Моисея.

Мария Захаровна, жена хозяина, бегала с блюдами по дому — накрывала угощение ради крестин. В храм роженице еще нельзя. Потому ждали Исаака Ивановича и крестных родителей с дитем в хлопотах и в догадках — как наречет батюшка сыночка? На улице собирали на столы для работников: квасы, медовухи и пироги с капустой, с мясом, с картошкой.

— Евдокия, где узелок с гривенниками? — молодая хозяйка боялась упустить что-то в праздничной суете.

— Лежит в горке, — девушка-сродница из небогатой семьи увидалась, стараясь угодить и во всем поноворить. Отблагодарят, чай, за усердие.

Пан Ильинский вернулся из Гомеля. Банковские дела заставили сразу после Рождества оставить молодую жену в Демидовке. Наталья была на сносях. Раскрасневшийся с мороза Леонтий Михайлович вбежал в столовую. Чернобровая, черноволосая, еще больше округлившаяся Наталья Васильевна с улыбкой встретила мужа:

— Леонтий, так долго! Я скучала.

— Душа моя, я очень торопился. Все думал, как бы без меня не родилось наше дитя.

— На днях уже, — молодая женщина положила руку на живот.

Роды начались в ночь на шестое января. Крещенские морозы сковали землю. 1915 год с метелями и буранами вступал в свои права. Бабка-повитуха была при Наталье, Леонтий уехал за лекарем. К концу обедни, когда пан Ильинский молился о благополучном исходе родов, Наталья Васильевна разрешилась дочкой. Светлые волосенки и голубые глаза — в отца.

Через две недели в Покровском храме отец Николай крестил девочку именем Христина — в честь праздника Крещения. Приехали паны Вислоцкие — родители Натальи. Имение их было совсем близко от Демидовки. Привезли подарки: ожерелье дочке и золотой крестик внучке. Молодой отец купил жене соболью шубу — его счастье и любовь теперь увеличились вдвое. И что там скакун михалёвский, у него, пана Ильинского, такое чудо — дочь похожа на него как две капли воды!

Моисей уже большой — отец его брал на покосы, разрешил ходить на конюшню. Конюх Евсей показал восьмилетнему мальцу сбрую, рассказал, как кличут коней, как за ними ходить. Мальчик шибко полюбил лошадей и в свободные минуты забегал к ним. У него недавно появился братик — Василий. Смешной карапуз неуклюже ползал и уже пытался встать на ножки. Отец принес из чулана еще Моисеевы ходунки, но у малыша не получалось в них ходить.

— Васятка, ты ножку сюда поставь, — учил братика Моисей.

— Бу-бу, — надувал щеки Василий, силясь что-то сказать.

— Маленький он, сынок, — Мария Захаровна погладила старшего сына по голове. Мало ему ласки перепало — все ее время занимал малыш, да и на сносях снова была. Теплая майская погода позволяла гулять на улице, и Михалёвы вынесли в сад кресло. Для маленького постелили одеяло на травку. В самый Иоанов день на свет появился третий сын Исаака Ивановича — Иван.

«Три сына — три помощника, опора в старости. Будет кому хозяйство передать», — думал, глядя на детей, Исаак Михалёв. Мария хотела дочку, но тут уж как Бог даст.

В один из дней запыхавшийся Евсей вошел в дом.

— Хозяин, Орлик не встает.

Вбежал Исаак Иванович в конюшню. Его любимец лежал. Из больших глаз скатывались крупные жемчужины слез.

— Что, худо тебе совсем? — Михалёв погладил по твердому лбу коня. — Евсеич, распорядись насчет ветеринара.

— Хорошо, хозяин.

Ветеринар осмотрел Орлика и не обнадежил:

— Сап у него, если я не ошибаюсь.

— Сделайте что-нибудь, вылечите, прошу вас! Отблагодарю! — Михалёв достал кошелек.

— Оставьте! Что смогу... — ветеринар сделал укол, дал указание конюху и обещал быть завтра.

Смотреть на страдания коня было выше сил, и Исаак Иванович ушел на покосы. Моисей, завидев уходящего отца, догнал его и напросился с ним.

Друг за другом двигались косари. Шуршала, падая, скошенная трава. Хозяин взял косу у Леньки Хитрого и косил прокос за прокосом, пока не устали натруженные руки.

— Иваныч, хватит. Дай передышку, — загудели мужики, понимая, что плохо ему.

А Ленька и рад был. До работы-то не больно охоч. Да и держал Михалёв его из жалости — билась его жена Ольга с ребятами как рыба об лед. А что баба одна может, коли мужик гультай? Ни в хату нажить, ни возле хаты сложить.

— Ты, Леонид, о жене подумай, о детях. Ить им же есть охота, — выговаривали, бывало, мужики.

— Да все буде добра. Заработаю, — пытался он отвязаться от назойливых сельчан. — Не в церкви, неча меня тут споведать.

Орлик болел долго, и уже было понятно, что не к жизни. Поэтому Евсеич, нервно теребящий картуз в руках, безмолвно всем своим видом сказал то, чего боялись и во что не хотелось верить: нет больше у Михалёва его скакуна. Исаак Иванович только махнул рукой, рассекая воздух, и ушел.

— Подсобите, ребята, — старый конюх взял все хлопоты на себя.

Заболевший конь был в отдельном повете, чтобы не падали другие лошади. Поэтому хозяину будет проще приходить в конюшню — привык к отсутствию там коня.

А жизнь шла своим чередом. Уже просился Василек:

— На яманку!

Ванятка сидел в люльке и пускал пузыри — скоро зубки полезут. Старший Моисей с серьезным хозяйским видом учился запрягать коня в подводу.

На молитве стояли всей семьей. Повторял за родителями правило Моисей, крестился и кланялся, что-то бормоча, Василек, и, глядя на остальных, тянул кулачок ко лбу Ванюшка. «Сыны!» — теплело на сердце у отца. Моисей в Великий пост отодвинул кубок с молоком:

— Не буду. Пост.

— Сынок, ты еще мал, — пробовала уговорить мать.

Но он был непреклонен. «Стерженек у сына!» — радостно теплилось у Исаака в груди.

...Черное горе накрыло семью молодых Ильинских. Леонтий Михайлович занемог. Участились приступы кашля. На платке, коим пан прикрывал рот, проступили алые пятна.

— Чахотка, — осмотрев больного, заключил врач. — Боюсь, что скоротечная, — слова, как удары молота, били молодую женщину.

— Что, что, скажите, можно сделать? Может, на воды? — Наталья лихорадочно искала спасение.

— Он не вынесет дороги. Позаботьтесь о нем здесь. — Врач Лисицкий взял чемоданчик и откланялся.

— Мама, а папа? — маленькая Христя не понимала, почему папа не кружит ее, не подбрасывает, как бывало раньше.

Наталья Васильевна задушила в себе рвущийся крик: нужно быть сильной, дать мужу заботу и любовь, успокоить дочку! Нужно, нужно...

— Господи, подай силы, укрепи, умудри, наставь! — она горячо и слезно молилась, плакала, просила. И почувствовала, что сердце затихло, закаменело.

Леонтий слабел, все меньше ел, почти все время лежал. Вскоре даже сил говорить у него не осталось. С трудом прошептал просьбу:

— Приведи дочь.

С помощью жены положил руку ей на голову, прижал к себе. Наташа понимала, что это прощание. Христю увезли к себе дедушка и бабушка Вислоцкие. После похорон они забрали к себе и Наталью, оставив дом на своего приказчика. Молодая вдова дни проводила в молитве и занятиях с дочкой. Вышивала покровы в церковь в память о покойном муже, раздавала милостыню за упокой дорогого Леонтия.

...Недобрые вести в конце 1917 года доходили до западных окраин Российской империи. Говорили, что Царя не стало и власть у Временного правительства. Затем и того хуже: какие-то большевики в Петербурге сами сели во дворце и всем панам скоро конец.

Белая Русь жила еще по старинке, но как волны морские достигают берега, оставляя ракушки и пену, так и бурление в столице доходило отголосками до границ государства. Все понимали: как раньше уже не будет. Уже не поминали Царя с Семейством на службах церковных, куда-то исчезли городовые из Буда-Кошелево. Анастасия и Василий Вислоцкие рассчитали работников, захотевших уйти. Большую часть пашни

оставили под пар. Продали выезды. Оставили себе бричку в церковь ездить и внучке возок. Прекратили приемы, визиты и охоту. И в отношении приказчика что-то поменялось. Григория Леснеева они сами отправили в Демидовку — после смерти зятя нужно было управлять имением. Однажды он попросил аудиенции и после путано-долгого вступления попросил руки Натальи Васильевны.

— Ты, Григорий, известно, хороший работник. Дело знаешь. Но Наташа — пани! Она образованна, благородна и вправе рассчитывать на подобающую своему положению партию.

Поклонился и вышел. Проглотил обиду. Но от пани Ильинской не отказался. Объяснился с ней по приезду в Демидовку:

— Наталья Васильевна, я испытываю к вам самые нежные чувства. И если вы когда-нибудь изволите на них ответить, я буду безмерно счастлив. Насчет Христины не извольте беспокоиться — сиротку не обижу никоим образом.

— Я не могу так скоро думать о замужестве, — дерзость приказчика поразила пани Ильинскую. Она ушла в дом, села в кресло и задумалась:

«Ах, Леонтий, Леонтий, не уйди ты так рано, разве я обязана была бы выслушивать подобные предложения?»

Тревожные разговоры у родителей, дурные вести из столиц... Было о чем задуматься. В Могилевской губернии участились грабежи господских имений, случилось даже убийство пана из Рогачева.

Неприятно удивила настойчивость Леснеева:

— Наталья Васильевна, прошу меня простить, — вновь завел разговор приказчик. — Я, понятное дело, не из господ, языкам и манерам не обучен. Но извольте видеть, какой теперь расклад насчет господ вышел. Теперь, я бы даже осмелился сказать, опасно господам-то. А со мной вам нечего бояться. Я хоть из простых, но понятие имею-с и уважение к вашему происхождению. Ежели вы окажете мне честь и соблаговолите ответить на мое предложение, завсегда буду помнить ваше снисхождение.

Родители, которые в другие времена не допустили бы и мысли о подобном мезальянсе, ответили уклончиво:

— Смотри сама, Наташа.

Поняла молодая Ильинская, что спасать нужно не только себя, но и дочь. Ничего не чувствовала она к приказчику, кроме благодарности за заботу. Но благодарность в чутком женском сердце порой посильнее любви. И Наташа согласилась. Только условие поставила: обвенчаются тихо. Не время для пышных приемов, да и второе замужество.

Подрастали дети у Михалёвых. Высокий, крепкий — в отца, Моисей вбирался в доброго парня. И хоть шел ему тринадцатый годок — помощник отцу был во всем: на покосе старался не отставать и на конюшне справно коней обиходил. Шибко любил их парнишка. Да и Евсей стар стал — воды натаскать тяжко уже было. А ночное любил! Отпускал его отец с конюхом. Васятка с Ванюшкой возятся с мамкой на кухне, старший братик войдет за узелком — они к нему:

— Масей, возьми с собой, мы тихо будем.

— Не, малые вы, там ночь не спать надо, коней стеречь. Вот подрастете маленько, будем вместе ходить в ночное.

Ох и чудесно в ночном! Мир ночью был совсем другим: темный шатер неба украшали звезды. Стрекотали кузнечики, фыркали стреноженные кони, нарушая тишину крепко спящей земли. Сидели

возле костра Евсеич и Моисей. Затеяливо рассказывал старик о своей жизни:

— Я ить, паря, тоже молодой был, да! Ох и озорной! На скачках у пана Огневского состоял. Почитай, ни разу меньше четвертого места не брал. Да-а-а! Все больше в первой тройке. Оченно пан надежды на Факела возлагал. Был такой конь — ох и красавец! А быстрый — как ветер. Да что уж приключилось-то, не пойму и по сей час. Одному Богу ведомо, что сделалось с конем. Болтали, что подсыпали чего-то ему перед скачками. А меня пан Огневский выгнал, мало не убил в ярости. Спаси Господи, дедушко твой, Иван Архипович, взял меня к себе в услужение. Да-а-а... Век Господа за него молю. И папаша твой, Исаак Иванович, — добрый хозяин.

И текли рассказы под хрумканье редиски со свежим хлебом, под обжигаше-горячую, только из костра, картошку, посыпанную крупной солью. И вкусно, и тепло, и загадочно было Моисею ночами самому с Евсеичем в лугах. И слушал он рассказы конюха о скачках, больших городах и былинных богатырях. А сам прикипал крепкой любовью к этой земле, к жизни вольной деревенской. Потом они вместе молились на ночь и укладывались спать возле тлеющего костра, накрывшись теплыми свитками. «Господи, сохрани мамку мою Марию Захаровну, папку Исаака Ивановича, братиков Васятку и Ванюшку, конюха Евсея и всех работников», — мысленно просил Моисей, смыкая отяжелевшие веки.

Тихо жили в доме Леснеевых. Зимой Наталья родила двойню — мальчика и девочку. Григорий ходил довольный, щеки аж раздувались от гордости. Как же, жена у него пани, да деток родила ему! И в доме он не приказчик уж — хозяин! Хотя богатства, кроме дома и пахотной земли да пасеки, почитай, и не пришлось, все ж не в прислугах теперь. За дальней пасекой уже были владения Вислоцких, да что уж — дочка-то ихняя, все одно ей достанется. Значит, уже, почитай, и его все. А тут и слухи пошли, что увозят панов, все отбирают. Вот и суди: может, и не шибко разживеешься, свое бы сохранить. Христину не больно жаловал Григорий. Хоть и обещался не обижать, но полюбить не смог. Уж больно на покойного отца похожа. А уж как свои дети народились, как бельмо стала девчонка Леснееву: и не ласкова, и не услужливая.

Христя мало помнила отца. Не забывалось только ощущение радости и счастья, которые окутывали теплым облачком, когда папа был рядом. Помнила исходящую от него любовь, когда отец брал на руки и прижимал к себе, целуя ее личико. Чужим был ей Григорий. Хоть и велела мама звать его отцом, слово это застревало во рту и через зубы выходило уже выхолощенное, безличное и холодное. Никогда не видела она ласки от отчима — сухие приказы и выговоры. Вчера смотрела за малыми, а они вцепились ручонками друг другу в волосики и заревели. За обедом отчим дал Христе только хлеб.

Часто убегала она на пасеку, а там уж рядом имение дедушки и бабушки. Накормят, приласкают внучку любимую, вот и легче ей. И ничего, терпит. И молиться она любила с бабушкой. Дома-то не случилось домашней церковки. Отчим на общей молитве только слова повторял, как по привычке. Потом и вовсе не стал: «Вы без меня тут...»

— Девочка моя светлая, — бывало, гладит ее мама, когда отчима нет дома. — И какие ж мы с тобой неприютные...

Обнимутся и сидят. Поплачут и тянут дальше воз свой жизненный.

— Мамочка, я на пасеку сбегаю, на пчелок взгляну — так жужжат, труженицы.

— Ну, иди, моя доченька, — нехотя отпустила любимицу Наталья. Машка с Мишкой пищат — требуют заботы.

Христина бежит на пасеку — сегодня велели дедушка с бабушкой непременно быть там, как отобедают. Прибежала — уж ждут ее, что-то загадочное в лицах. Ведут в дальний край поля, к трем соснам.

— Христиночка, деточка, запомни хорошенько место это. И никому, слышишь? Не говори того. Здесь в земле хлеб спрятан.

— Как — хлеб? — большие голубые глаза девочки совсем округлились.

— Не спрашивай теперь, Христина. Место запомни. Мы немолоды, и всякое может случиться. А у тебя жизнь долгая впереди. Когда умирать будешь от голода, тогда сюда придешь и хлеб достанешь. Запомни: когда совсем плохо будет.

— Я запомню. — Все произошедшее сильно удивило Христину. И то, что только ей доверена эта тайна, и странные слова, что все может случиться...

А оно и случилось. Минуло несколько дней, и в покои влетел Григорий:

— Наташа, родителей увозят!

— Господи спаси! — побелевшая Наталья бросилась на улицу. — Запрягай, едем! Успеть бы!

Никто не вспомнил про Христину и малышей. Они испугались и заплакали. Старшая сестра приласкала, дала по ломтю хлеба, и они затихли. Так вот оно что! Вот чего боялись дедушка с бабушкой. Увозят. Кто? Куда? Зачем? Этого девочка понять не могла.

Григорий гнал коня. Бричка остановилась возле дома Вислоцких в тот момент, когда с узлами к телеге подошли постаревшие на глазах ее родители.

— Мама, папа! — страшно закричала Наталья.

Молча стоял собравшийся народ: хмурые мужики, заплаканные бабы. Неслыханное творилось. Непонятное. Отобрали бы имение, увозить-то зачем пожилых панов? Они и не злые были, не обижали крестьян, не пороли никогда.

Тронулась телега. Зашлась в рыданиях Наташа. А родные все благословляли ее, пока не скрылись за поворотом.

Стоял дом панов Вислоцких с настезь раскрытыми дверями, без хозяев, словно осиротел. И не было сил зайти закрыть двери...

— К бабушке,— ослабевшим голосом попросила Наталья Васильевна.

— Как же так, отец Николай? За что? Кому они дурное сделали? Не дали дожить на своей земле. Вернутся ли? — сердце молодой женщины рвалось из груди и заходило от невыносимой боли.

— Неисповедимы пути Господни. У всякого свой крест в жизни. Сейчас много кто восходит на Голгофу, кресты нынче тяжелые. Молись, чадо, укрепляйся молитвой, — старенький батюшка утешал скорбящую душу Наташи и горячо молился.

Отлегло на душе у Натальи. Может, и вернутся еще. Надо надеяться.

— Иди к детям, милая, к мужу, — батюшка перекрестил ее, благословил, и она пошла нести свой крест.

Дома обвили шею теплые ручонки, прижалась Христина — и сердце немного оттаяло, самый краешек.

Не клеилось у Григория с Натальей, робел он перед ней. Боялся сказать не то и не так. Нет, она никогда не проявляла превосходства, не глядела свысока, не поправляла и не упрекала. Даже когда оставлял в наказание Христину без обеда — молчала. Взглянет только влажными глазами — и ни слова. Другой бы мужик мечтал о такой покорной жене, а Григорий извелся. Уж лучше бы ругалась. А этот холод молчания... Наташа и не обещала ему любви, но не так он представлял их супружество. Как будто ручей был меж ними, а мостка через него не построилось. И хотел Григорий любить и баловать жену, и к девчонке чужой притерпелся, да не выходило. Хоть и была ему женой Наталья, а как будто изо льда красавица вырезана или из камня... и хотелось от обиды поколотить ее, чтобы просилась, умоляла, да не мог. И не за что было. И Григорий зачистил в кабаке. Выпьет вина, и легче вроде. И смелей себя чувствует: «Уж поговорю я с ней!» Еще его мужики задорят:

— Что, Гришка, не люб ты Наталье?

Сожмет кулаки Леснеев, затрясет ими:

— Уж я ее поколочу!

Домой пришел за полночь. Света в окнах не было — спали все.

— Наташка! — громко выкликнул жену.

— Тише, Григорий, детей поднимешь, — жена вышла из спальни и попыталась успокоить пьяного супруга.

— Вот ведь я каков! Не по нраву таков, а? Говори! — гремел и добивался ответа.

— Гриша, ты ложись, я приготовила постель. Тебе поспать нужно, — голос Натальи был ровным.

И Леснеев сник. Если бы она хоть слово поперек — побил бы, может, и полегчало бы... Заплакал безутешными пьяными слезами. Да что уж. Ведь Машка с Мишкой любят же его.

— Тятя, тятя, — кличут, бывало, малые.

Зацепившись за думки о детках, Григорий умилился, лег и скоро уснул.

Следующий день принес свои тяготы. К полудню подъехала повозка с уполномоченным — новым начальством. С ними Ленька из Михалёвки. Объявили, что уплотняют Леснеевых. Шибко большие, мол, хоромы для семейства. Выделили им гостевой домик и велели вещи выносить. А дом будет для нужд просвещения — школу, значит, устроят.

Наталья Васильевна известие об уплотнении восприняла спокойно, собрала детскую одежду и повела детей в домик. Оставила старшую дочку с ними и вернулась складывать посуду.

Исаак Иванович запрягал коней во дворе — нужно было ехать за картошкой в поле. Урожай засыпали в мешки и возили в погреба частями. В освободившиеся вновь насыпали картошку. К дому подъехала телега. Среди сидящих Михалёв узнал только Леньку Хитрого. Мужчины в кожанках соскочили с воза и подошли к хозяину:

— Исаак Иванович Михалёв?

— Он самый, — отвечивал тот.

— Нам нужно подсчитать вашу скотину и описать инвентарь, — заявление человека с портфелем озадачило Михалёва.

— Это с какого перепугу? По какому такому праву?

— Мы — уполномоченные советской власти. Все переписанное имущество, а также скотину вы должны передать колхозу.

— Да, кончилось ваше время. Теперича все обчее будеть, — с важным видом заявил Хитрый.

— А ты что? Тоже уполномоченный? — насмешливо спросил его Михалев.

— А хоть бы и так. Я — представитель угнетенной бедноты.

— Как же тебя угнетешь, гультая.

Лицо Леньки стало багровым. Он поднял сжатый кулак к лицу Исаака Ивановича, который был чуть не вдвое выше его, и потряс им:

— У-у-у, мироеды! Кровопийцы!

— Так вы согласны вступить в колхоз и передать добровольно имущество? — снова приступил уполномоченный.

— Нет, не согласен. Все трудом и потом нажито.

— Не отдашь сам — заберем! — не унимался Хитрый.

После отъезда комиссии Михалёв сел на лавку и задумался. Какой такой колхоз? Почему у него отбирают? Он не пан — крестьянин. Спину гнет с утра до вечера. И разве его скотину в колхозе досмотрят чужие люди, как свою? Все это понимал Исаак Иванович, как понимал и то, что не отступятся от него. Раз уж вцепились — заберут все. Сел в телегу и поехал за семьей на поле.

— Кончай работу, — подошел к согнутым в рядах жене и сыновьям. — Домой едем.

— Так полдень еще. К вечеру управимся. Все выпаханное соберем.

— Отсобирали уже... — тихо, с тоской проговорил и пошел к телеге.

Знали Михалёвы, что Вислоцких увезли. Но с панами давно такая история. Крестьяне же трудились, хоть сдавали большие налоги советской власти. С них же, крестьян, и кормилась Россия.

Долго не ложились в тот день Исаак Иванович и Мария Захаровна. Тяжкие думы одолевали. Как все обернется? Но в самых своих тяжелых догадках не могли предположить того, что произойдет с ними очень скоро.

...Во дворе Леснеевых стучали молотки — работники сбивали столы и лавки для школы. Наталья Васильевна занималась стряпней. Дети прильнули к окнам и с интересом смотрели на происходящее у их дома. Мама сказала, что теперь это не их дом и ходить туда нельзя. Подросшие Маша и Миша уже учили буквы. Христина исподволь превращалась из угловатого подростка в нежную, хрупкую девушку. Золотистые волосы аккуратно заплетены в косу, большие голубые глаза, обрамленные черными длинными ресницами, смотрят вдумчиво и серьезно. Она учила с детьми молитвы, но стук молотков отвлек, и вернуть их внимание было невозможно.

Наталья Васильевна ничего не знала о родителях. Где они? Живы ли? Но она ждала, надеялась на их возвращение и молилась за здоровье Василия и Анастасии. В родной дом она заходила только раз — сложить в сарай носильные вещи. Нужно же будет во что-то одеться родителям, когда вернутся. Для себя взяла на память кружевную шаль, пахнущую матушкиными духами, и отцовскую трость. Понимала, что дом будет разграблен.

Григорий пропадал на новой работе. Он вступил в колхоз и был назначен бригадиром. Ходил с аршином, измерял отошедшие колхозу новые наделы, записывал колхозников и распределял их на работы. Но скоро Леснеев лишился этого назначения и был разжалован в рабочие. Всею виной стало его пьянство. Тяга к вину прочно завладела Григорием и грозила разрушить жизнь не только его, но всей семьи.

— Господи, спаси душу мужа моего Григория, избави его от страсти винопития! — молитва Натальи Васильевны изо дня в день возносилась в небеса.

Жили бедно, еле сводили концы с концами. Вся деревня так жила. Только бы все были живы. Только бы вернулись родители да Григорий одумался — о другом и не просила Бога Наталья.

Михалёвы сидели за обедом. Горячая картошка, яичница, сало, лук. Все свое, выращено в хозяйстве. Четверо мужчин дома — кормить нужно сытно. Все уже работники. Василий и Иван еще вполсилы, но растут. Вот и едят много. Звук подкатившей телеги заставил всех повернуть головы к окну. В горницу вошли трое. Двое — с оружием. Милицейские, значит. Третий — в очках и с папкой. Достал бумагу:

— Михалёвы Исаак, Мария, Моисей, Василий, Иван... — начал зачитывать постановление очкастый.

В конце значилось: раскулачить и выселить. Гробовое молчание повисло в хате.

— У вас на сборы десять минут. Возьмите теплые вещи и еду на два дня.

Собрались, перекрестились на иконы. Вышли из хаты. Все делали как во сне, не совсем понимая, что происходит. Деревенские собрались у их дома. Исподлобья глядели мужики, зажимали уголком платка рты бабы. Кланялись. Крестили. Небо, дотоле ясное, вдруг стали заволакивать темные тучи, грозившие скорым обильным дождем. Михалёвы погрузились в телегу, тронулись. Из Бушовки и других окрестных деревень потянулись еще повозки. Лишь изредка слышны были сдавленные рыдания какой-нибудь бабы. Все словно окаменели. Разверзлись небеса и хлынул ливень. Возницы хлестали лошадей что есть силы.

На станции милиция и конвойные с оружием приказали грузиться в вагоны. Дощатые, без сидений и полок, они набивались людьми под завязку. Скоро раздался свисток, и вагон дернулся и покатил Михалёвых в страшную неизвестность. Обессиленные и насквозь промокшие обитатели вагона, вымотанные и уставшие, постепенно засыпали.

Несколько дней везли кулаков. Из еды давали лишь немного хлеба и воду. Мария Захаровна непрестанно молилась. Исаак Иванович, осунувшийся и поседевший, сидел между сыновьями и то дремал, то смотрел в одну точку. В углу у молодой женщины постоянно плакал ребенок. Наконец, поезд остановился. Люди выходили из вагонов, и конвоиры строили их в колонны. Семья Михалёвых благодаря знатному росту — даже Вася с Ваней уже догоняли отца и брата — не разделилась. Всех определили в одну местность. Мать почти несли сыновья, взяв с двух сторон под руки. Пройдя несколько верст, тянувшихся через поле, переселенцы вошли в село Соснянка. Временным пристанищем стал сарай возле пустующего дома.

Утром следующего дня голодных людей распределили на работы: Марию Захаровну — в колхоз на полевые работы, Исаака с сыновьями — на постройку барака. Зимы на Урале суровые и длинные — с сентября по май. Поэтому барак строили для всех прибывших в село.

Коренные жители смотрели на ссыльных сочувственно, ведь по селу тоже прошелся катком указ «О раскулачивании». Но бедная уральская деревня мало чем могла помочь вырванным из родной почвы, обездоленным людям.

В неотопливаемом бараке было холодно. Уже начинались заморозки. А всего ссыльных поместили триста человек. Сообща попросили разрешения у бригадира сложить печь, хоть одну на весь длинный барак. Разрешение было получено, но заниматься обустройством барака можно было только в свободное от работы время. А оно, это время, бывало только ночью и изредка в воскресенье. Да еще глину найти надо, выбить ее из подмерзшей земли и доставить. И норму дневную выработать необходимо: не дашь норму — не получишь обед. Теперь на лесоповале трудилась вся семья. Марию Захаровну тоже перевели с сезонных полевых работ в женскую бригаду. Младшие сыновья получили норму выработки немного меньше, но трудились весь день. До барака еле доходили и падали без сил.

Смерть как будто ходила следом за людьми — пряталась в углах барака, наблюдала из-за каждого дерева в лесу за своей добычей. И важно было удержаться, зацепиться за жизнь, избежать ловушек, которые приготовила костлявая: голод, холод, истощение, болезни. Избегать не выходило — приходилось балансировать, чтобы ни одна из этих напастей, ставших неотъемлемыми спутниками ссыльных, не парализовала бы тело и волю.

Однажды Исаак Иванович в лесу отлучился недалеко, наткнулся на притаившегося под елкой человека. Он был оборван, изможден и напуган.

— Не выдавай меня. Я из-под Челябинска иду.

— Так поймают ведь, да и холодно тут, на земле, — Исаак понимал всю обреченность человека.

— А мне все одно. Уж лучше замерзну или собаки загрызут — все один конец, чем терпеть такие мучения от Рябова. Бригадир он, знаешь, какой кровожадный? Ему в радость мучить людей. Особенно над женщинами измывается. Уж лучше бы сразу убил.

— Куда ж ты пойдешь и как?

— Ночами бегу, когда здесь нет никого. По сараям ночью. Мне верст триста до дома — тагильский я.

— Помогай тебе Господь! — Михалёв ушел, зная, что могут самого хватиться.

Не оставляли молитву родители и сыновья. Просили у Господа помощи и защиты. Не показывали вида перед другими, но в уме повторяли: «Господи, спаси! Сохрани! Дай сил!»

В разгар зимы ударили морозы — не чета белорусским, –35. Днем старались идти быстро до своей делянки и работать на пределе сил, чтобы тело разогревалось. Из сучьев жгли костер на перерыве, ели возле него. Все бы терпимо, кабы не ночи. Холод царил в бараке. Не помогала и печка. Ссыльные возле печки спали по очереди. Но с началом болезней возле тепла клали больных. На длинных нарах люди ложились вплотную друг к другу, чтобы сохранять тепло.

Первым заболел Василий — кашель и озноб измучили парня. К вечеру ему стало хуже. Вернувшиеся с работы родные принесли сосновых шишек, веток малины и поили больного отваром весь вечер. За Василием один за другим слегли Иван и Моисей. Лечили теми же снадобьями — других лекарств не было. О медицинской помощи и не помышляли. И отец, и мать вымаливали своих сыновей и в бараке, и в дороге, и в лесу. Каждое дерево, каждая колодка и ветка распиливались с молитвой. Вымаливали и лечили, вставая ночами к озлобленному и

отчаявшемуся Тимофею, схоронившему жену и сына здесь. Ухаживали за метавшейся в жару Дарьей, ребенок которой умер в приюте. Через пятеро суток и она ушла вслед за ним. Отпели, похоронили скорбную душу. Мария Захаровна и Исаак Иванович, еще не старые люди, обликом стали походить на пустынников: худые тела, бледные постнические лица и глаза, глядевшие по-особому. Взгляд этот был как бы сквозь предметы и лица, что-то не от мира сего было в нем. Не обреченность, не покорность. Это была вера, доверие Господу даже в таких нечеловеческих условиях. Они уже познали жизнь, видели смерть, понимали, что призваны к особому кресту вместе со всей Россией. И от того, как они понесут бремя испытаний, зависит не только их судьба, но и судьбы других людей. Вся история страны — набеги и войны, порой такие разрушительные, что только Божие вмешательство спасало Россию на краю гибели. Непомерный труд и непоколебимая вера простого человека, всего народа, способного выстоять, выдюжить, созидали и вели к процветанию страны. Вот и они, Михалёвы, стояли там, где поставил их Господь, имея цель — выстоять.

Сыночки поднялись, дней до десяти отлежали. И хоть слабы еще были, но выздоравливали. Потихоньку вливались в общий ритм работы. Весна, лето, осень, зима... Несколько раз сменяли они друг друга, пока не пришел указ об освобождении. Спокойно восприняли Михалёвы это известие. Нельзя сказать, что они не были рады — отвыкли от эмоций в суровой и запредельно тяжелой своей жизни. Но в сердце затеплилась надежда. И только у матери предательски выступила влага на глаза.

...Серое утро ранней весны бросало колючие редкие снежинки в лица идущих по деревне людей. Христина, которой минул девятнадцатый год, торопилась в правление. С полевых работ перевели ее в учетчицы — грамотные люди нужны колхозу. Христя — работающая, арифметику знает, да и пишет красиво.

— Доброго дня, Христиночка! — уважительно приветствовали ее сельчане.

Тоненькая, большеглазая, с выбившейся из-под платка золотистой косой, девушка улыбалась в ответ:

— И вам доброго!

Наталья Васильевна, даром что пани, выучилась шить, когда нужда пришла. Да так ладно у нее это получалось, что скоро отбоя от заказов не стало. И заплатку накрепко приладить, и из старой вещи перешить для ребенка — на все рядилась портниха. Вот и пригодилась старая нянюшкина машинка. Так и выживали. Маша и Миша ходили в школу — в свой родной дом через сад. Да и не помнили уже, что их он был.

Не вернулись родители Натальи Васильевны. Сгнули в сибирских лесах. Болело сердце у дочери, тоска точила, да куда денешься? Все надеялась и ждала.

Григорий в колхозе работал, но выпивать не бросил. Дома он был как по принуждению. Разговаривал с женой, с падчерицей, но теплоты в их отношениях так и не появилось. Не появилось и радостного блеска в глазах Натальи при появлении мужа. Ровно-холодной она была с ним. И еще хуже Григорий чувствовал себя после попойки. Только в часы, проведенные в пивной, чувство значительности появлялось в душе Леснеева. Но стоило ему переступить порог дома — холод и плохо скрываемое отвращение к пьяному сквозили в отрешенном взгляде жены. Даже от Миши с Машей отдалился отец. Казалось, они тоже смотрят на

него с осуждением. Григорию бы взять их в сад да в лес сходить, поиграть с ними — дети и потянулись бы к нему. Но слишком занят был он собственными переживаниями и несбывшимися надеждами. Да и вино овладело его душой, и без него уже плохо было Григорию.

...По пыльной дороге к Михалёвке шла группа людей — четверо мужчин и женщина. Все были худы, даже измождены, одежда ветхая и в заплатках. Постаревшие супруги Михалёвы с сыновьями возвращались домой после двух лет ссылки. Им посчастливилось выжить в уральских лесах.

Летнее солнце грело сухие тела. Пели утренние птицы. Искрилась росой трава. А они вошли в деревню и свернули по улице в сторону дома. Туда, где их пристань, где прадеды заложили основание их семейного гнезда, устремлялись думы всех пятерых. Но что это? За домом Власовых, где была их усадьба, зияла пустота. Ни стен, ни забора... Глаза их расширились, как по команде все остановились. Двинулись дальше. Нет дома! Как будто и не было. Засеянное поле вклинилось в село в том месте, где был дом Михалёвых. Молча стояли, будто оглушили. Сюда рвались думами из ссылки, сюда добирались, стремились...

— Батюшки-светы! — из оцепенения вывел голос за спиной.

Старушка Костылёва стояла с ведром на дорожке.

— Исаак Иванович, Мария Захаровна, вернулись! Слава Господу! Чего ж вы стоите, нет уж дома вашего. Идем ко мне, благодетели вы мои, — причитала одна Авдотья Ивановна.

Накормила горячей картошкой, квасом с хлебом. Растопила баньку — парни воды натаскали. Одежонку нашла кой-какую.

— Дом-то ваш сожгли. Как забрали вас — растащили много чего. Ленька Хитрый с дружками позарились. Митька Кривой, Санька Лапоть. Другие не шли. Неможно это: ить люди-то вернутся, жить станут.

— А подпалил кто?

— А кто ж, как не они, окромя ить некому. Как сгорел дом — растянули уголья, да и распахали под поле. Вот ведь как случилось... — Авдотья вздохнула, и глаза ее повлажнели. — Но вы ничего, не кручиньтесь, у мене живите. Хата-то невелика, да ничего. Хлопчики, покуда тепло, в сарайчику могут или в баньке. А там утрясется, наладится. Нешто ж будет.

Отмылись, отпарились и уснули. Сказались усталость и потрясение дня. Пока отдыхали, Костылиха прошла по деревне, оповестила о возвращении семьи. Небогато жили михалёвцы, но не оставили в беде своих. Несли кто одежды — остались от мужа, кто посуду — на разживание. Размягчились закаменелые в горе сердца Михалёвых. От заботы и тепла людского оттаяли.

...Михалёвы записались в колхоз — родители и Моисей. Василий и Иван — в школу. Несмотря на насмешки из-за почти двухметрового роста, учились старательно. Приучены были с малолетства все делать на совесть, да и уральский период лишений не располагал к легкомысленному отношению к жизни. Они уже много о ней знали, эти долговязые подростки, в сущности, еще дети по годам. Только четырнадцать минуло Василию и тринадцать Ивану.

Костылиха не отпустила, да и куда им было идти?

— Живите! Некуды вам. Авось с часом колхоз лесу даст — постройтесь. А покуда — и хата, и свиран, и банька. Где пожелают хлопцы. А вы уж немолоды — в хате. И мне что поможете.

— Дай бог тебе, Авдотья Ивановна, за твою доброту!

— Дак ить што тут такого? Вы меня из бедствия такого спасли, деток поднять помогли. Живут от Палаша и Тиша с семьями. А я, что ли, ирод какой? За доброту да не отплачу малостью? Живите, и мне веселей. Углам-то не жмет ваше пребывание.

Работали в колхозе много и тяжело: и косили, и за сеялкой ходили, и бульбу сажали. Ходили на место своего дома. Стояли там. Запахано, засеяно оно было. Да не родилось ничего там, где дом стоял. Откуда-то из недр земли выходила вода и заливала посеvy. Аккурат по площади дома. А кругом росло жито, и ничего не делалось ему...

— Не пойму я, Авдотья Ивановна, а чего ж это мокнет там, где дом наш был? Ведь не на топкой земле построен, никогда не бывало там сырости, — недоумевал Исаак Иванович.

— Видать, нет воли Божией на то, чтобы место это сгнуло. Отмечает Он его хоть озерком.

— Чудно-то это...

— Милость Господня с вами, видать. Вот и со ссылки возвернулись все, а паны-то Вислоцкие сгнули — ни весточки, ни письма.

И засевали на следующий год землю подсохшую колхозники. А вода опять заполняла место дома Михалёвых. И все больше ее становилось. Уж и не пытались больше пахать то место, даже когда в жару высыхало оно. А оно совсем превратилось в озеро с бирюзовой водой, какая только в море бывает. И никто объяснить не мог, отчего оно так: то ли ряска да травка по дну растут и дают цвет воде, то ль еще отчего. Любил ходить на озеро Моисей. Стоял там задумчивый. А поодаль конюшня со столбами из красного кирпича по углам. Одна она уцелела из всего двора. Вспомнился Орлик, конюх Евсеич и ночное под звездами... И годов-то немного минуло, а как будто давно-давно было... и помнится все ясно. Вот ведь память людская — воспоминания давние, а свежи, как вчерашние...

Христина возвращалась домой позже обычного. Из правления забежала к церкви. Давно закрыли ее, батюшку убили, а душа вела девушку к храму — постоять у стен, помолиться. В Демидовку шла через поле, проходя по Михалёвке наискось. За конюшнями тропинка была протоптана прямо к первым домам деревни. А там по саду — и дома. Возле озера стоял высокий парень. Слышала Христина, что вернулись из ссылки Михалёвы. Наверное, сын их. Услышав шаги, он обернулся. Христя опустила глаза и заторопилась свернуть на тропинку, но взгляд ее уловил облик незнакомца: густые черные волосы волнами, высокий лоб, ясные серые глаза и широкие плечи. Да, это был Моисей Михалёв. Роста он показался огромного. И что он делал возле озера? Вспоминал о доме? Тосковал? Того не ведала Христина. Видать, душа томится, коль ходит на то место.

Солнце клонилось к горизонту. Его багровый шар уже опускался к лесу за Бушовкой. Уже пастухи загнали колхозное стадо в загоны. Тихо шелестели листья на осинах от легкого ветра. Стояли в ожидании косилок налитые питательными соками хлебные колосья. Христина шла к дому и спиной чувствовала взгляд парня у озера. Что-то неведомое и теплое поднималось в ее душе, как будто росточек в холодной земле, прогретой солнцем, проклевывался. В нем начиналась новая жизнь: после холода и сна он набирался сил, креп и тянулся к свету и теплу.

Дома сидели за ужином. Наталья Васильевна в косынке, из-под которой выбились седые пряди, наливала хозяину в миску затирку. Потом

Мише и Маше. Они уже в пятый класс пошли. Озорники! Христина могла опаздывать — работница для семьи. За трудодни получала то, что полагалось: зерно, картошку. Когда и денег немного давали.

Моисей стоял и смотрел вслед уходящей девушке. Голубые глаза на бледном тонком лице, золотая коса, хрупкая маленькая фигура... Что-то воздушное сквозило во всем ее облике. Если бы не ее простая бедная одежда и следы, оставшиеся на дороге, Моисей бы подумал, что она ему привиделась — из его мыслей и дум, будто промелькнула тенью. И откуда она так поздно шла, ведь работы уже закончились давно?

Авдотья Ивановна на его расспросы ответила вполне определенно. Из ее рассказа парень убедился: нет, не фея, не видение.

— Да вить это Христя Ильинская, падчерица Леснеева. Отец ее, пан Ильинский, давно уж помер. Совсем дитем она была. А они в Демидовке живут. Их дом под школу забрали, так они домик садовый приспособили, в ем и живут. Как вышла пани Ильинская за приказчика Гришку — миновала ее ссылка. А паны Вислоцкие, родители Натальи, пропали в сибирях тех где-то... Сурьезная девушка. Николи не видывала ее без платка, да и с парнями и девками по вечерам не важдается. Меньших доглядает, почитай, их и вырастила. Пани-то Ильинской вельми тяжко-то пришлось — из пани в простые бабы. Да научись-ка всему: и стряпать, и стирать. Да и то сказать — Гришка не больно-то муж хороший. И Христина от него ласки не видала, вот наказать-то он скор.

Много узнал о золотоволосой девушке Моисей из рассказа старушки. «Дивная» — слово для нее само возникло.

— Али ты не видал ее раньше? В правлении она учетчицей, — баба Авдотья вывела из задумчивости.

— Нет, не видел.

— Кажин день она там. Справная девка. По правде, одна и работница на семью. Гришка-то мокнет все в корчме.

Вечерело. Моисей шел к церкви. Душа томилась и просила молитвы. Тропинка в обход соседней Бушовки вывела его напрямиком к храму. Поруганный, без крестов, он сиротливо и будто с укором смотрел пустыми глазницами окон. Большой амбарный замок висел на дверях, словно говоря: теперь только тишина и забвение. Заныло сердце у Моисея, стянул шапку, перекрестился... и упал на колени. Горячая молитва принесла покой. Поднялся и пошел вокруг храма. У алтарной стены стояла молитвенница — та золотоволосая девушка, которую он встретил возле озера. Услышав его шаги, она вздрогнула и обернулась.

— Не хотел напугать тебя, прости. Я помолиться пришел. Вижу, и ты — за этим. Моисеем зовут меня. А ты — Христина?

— Да, — ответила девушка. — Я не ожидала никого здесь встретить.

— Так вот куда ты так поздно ходишь, — Моисею хотелось подольше задержать Христину, и он продолжал разговор. — Веруешь, значит?

— А как же не веровать?

— Что с батюшкой Николаем случилось?

— Служба тогда шла в храме, когда люди с оружием ворвались. Отец Николай велел им выйти и не пустил в алтарь. Народ заступился. Они дождались, когда люди разойдутся, вернулись и убили батюшку. Вилами пронзили.

— Упокой, Господи, душу мученика Твоего! — перекрестился Моисей.

Молодые люди молчали. Звенящую тишину нарушал только шелест осин, что росли неподалеку.

— Пойду я, поздно уже, — Христина впервые улыбнулась. Какое-то чувство доверия затеплилось в ее сердце: вот ведь незнакомец совсем, а она так разговорилась.

— Ты не серчай, но провожу тебя. Всяко может случиться в такую пору, испугает кто...

— Хорошо, проводи, — неожиданно для себя согласилась девушка.

Они шли молча, совсем не чувствуя неловкости от этого. Сумерки понемногу спускались на окрестности, затихали звуки. Земля погружалась в ночную дремоту. А молодые люди шли рядом по тропинке и совсем не думали о сне. Им было хорошо вот так молча идти. И каждый из них втайне от другого хотел, чтобы эта тропинка не кончалась. Возле школы Моисей остановился:

— Ну, бывай. Добрых снов тебе.

— И тебе хорошо почивать. — Теплым светом озарили Моисея голубые в пол-лица глаза.

Девушка ушла, и ему ничего не оставалось, как, проводив ее взглядом, возвращаться домой. Возле озера Моисей задержался. «Я возьму ее в жены», — подумалось вдруг.

— Стало быть, женишься? — Исаак Иванович испытующе глядел на сына. — Что ж, девка, по всему видать, хорошая. Но ты, парень, не торопись. Посвататься — дело нехитрое, а жену куды приведешь? К Авдотье Ивановне? Я уж ходил в правление насчет леса — избу ставить надо. Так теперь уж две надо! С мужиками потолкую, к зиме миром сложим, под крышу выведем. Авось и две осилим!

— Дело доброе, — согласился сын. — Уже и братья помогут.

Как ни противилась Костылёва, строиться стали.

— Тебе спокой нужен, а нас тут такая орава, — убеждал старушку Исаак Иванович. — Не оставим без помощи. Покуда твои-то доедут, будем навещать. Что принести, покосить, подправить — без сомнения.

— Да привыкла уж к вам, как и век жила.

— Недалече будем — свидимся. Хлопцев присылать буду. Подсобят.

Моисей провожал Христину после работы, когда стройка не затягивалась дотемна. И обо всем-то говорили они: и о божественном, и о жизни, о родных. Как будто ниточка от сердца к сердцу протянулась меж ними. И крепла день ото дня.

— Христина, ведь хату строим мы. Жениться хочу. Пойдешь за меня?

Опустила глаза, зарумянилась. Еле слышно проговорила:

— Пойду...

Решено было после Покрова идти записываться в сельсовет.

— Оно, конечно. Обвенчаться бы нужно. Да где? — Моисей думал об этом давно.— У людей поспрошаю, может, в Гомеле храм открыт какой...

Стройка шла споро. Мужики из Михалёвки и Демидовки пришли в помощь. Захаровка только и крутилась на Авдотьиной кухоньке — обеды работникам стряпала. Небольшая хата в два окна за неполные два месяца выходила под крышу. Быть ей Моисеевой, родители поживут пока у Авдотьи Ивановны.

...Теплые лучи через окна падают на пол. Раннее бабье лето балует последним теплом. Погрузневшая Христина вяжет носочки и улыбается чему-то своему. Моисей вернулся с работы пораньше, субботний день.

— Как ты, голубушка?

— Слава богу, ворочается. Скоро уже. К Покровам, должно...

— Ты уж не усердствуй, полежи. А к вечеру, коли захочешь, к озеру сходим. Завтра к нашим зайдем, к твоим.

Завтра никуда не пошли, ведь у Христины начались роды. Прибежали Мария Захаровна с Натальей Васильевной, пришла Пелагея-повитуха. Моисей был выдворен из дома. Он ходил без цели, потом взялся строгать топорнице. Работал сосредоточенно, но слух был напряжен, а голова постоянно поворачивалась в сторону дома.

Солнце повисло над Бушовским лесом, зацепившись за вершины сосен. Вечерняя тишина, нарушаемая только стрекотом кузнечиков, разливалась вокруг. И в этой вечерней дымке колышущегося густого воздуха раздался крик — самый сладостный и долгожданный. Моисей побежал в хату. Его не сразу впустили:

— Мужичок у тебя, богатырь!

Сияющий, как начищенный самовар, молодой отец принял на руки дорогой кулечек. Розовое личико, голубые глазки, маленький носик. Сынок шевелил губами и собирался заплакать. Моисей поднес его жене, еще бледной и слабой, поцеловал ее:

— Голубушка моя, какую ж радость ты принесла!

Пока мама кормила маленького, вышел тихонько. Улыбка не сходила с губ. «Эх, заживем теперь, такое счастье Бог послал! — думалось. — Завтра уж придут тетки, дядья с подарками. Отдохнуть бы надо Христинушке... Тяжкий день был, да и радостный».

...Маленький Данилка складывал домик из чурбачков, вырезанных и отесанных отцом. Моисей растворился в заботах и радостях семейных. Христина сообщила, что опять непраздна. Дед с бабкой Михалёвы захаживали часто. По душе им была кроткая и трудолюбивая невестка. Во внуке души не чаяли. Малыш еще совсем внучок, а настырный: кот поймал и, сопя, нахлобучивал ему свою шапку. Кот пятился и мяукал, но Данилка победил — шапка была надета и завязана. И в домиках внука из песка во дворе видели они трудолюбие и основательность.

Наталья Васильевна тоже часто приходила. Она поседела, осунулась. Искушила ее тоска по родным да жизнь с пьющим мужем.

— Ты, моя золотая, будь счастлива, за себя и за меня, вдвойне, — говорила дочери. В ней видела она черты мужа своего любимого Леонтия.

Жалела Христина мать — не выпало ей доли женской. Только и познала счастье чуть более трех годков. Теперь в детях вся, Маша и Миша почти взрослые, школу заканчивают. Мария смешливая, быстрая, матери во всем помощница. Михаил — добряк и тихоня, мать любит, но к отцу льнет. Мужской работе у того учится. Забегают к Михалёвым Данилку побаловать. Маша посекретничает с сестрой, Миша воды натаскает, дров, пока Моисей на работе. Заходил и Григорий как-то. Потоптался, петушка на палочке малышу дал:

— Ну, как вы, Христя, тут, ничего?

— Слава богу, благодарим за заботу.

— Ну, хорошо, коли так...

Хотел взять Данилку на руки, но не пошел малыш, спрятался за маму.

— Ну, бывайте. Дай вам Бог! — И ушел.

А чего приходил, он и сам не знал. Не чужая ему Христина, хоть и нескладно все как-то получилось. И жалел Григорий, что нельзя все вернуть. Авось и вышло бы что по-другому, коли б он повел себя иначе...

...В зиму 1936 года в семье Моисея родилась дочь — Надежда. Роды были нетяжелые. Девочка вышла вся в отца: темные глаза, упрямый подбородок, большой лоб. Данилка с любопытством смотрел на сестричку, хмурил лобик и пытался понять, откуда она взялась.

Христина с радостью несла труды материнства: кормила, купала, стирала. Со старшеньким учила слова. Удивительно, но после двух родов молодая женщина сохранила стройность стана, а лицо ее озарялось той особой зрелой красотой, которую дарует материнство. Хоть и жили небогато, но старалась супруга накормить вкусно и сытно. Пока маленькая спит, займет сыночка чем, а сама и постирает, и тесто заведет.

В деревне, дело известное, в колхозе весь день работаешь, но и в доме нужно все успеть: дров наколоть, скотину обиходить, приладить, что нужно. Хоть дом-то на женских руках держится, да без мужских не обойтись. А и приходиться мужу в дом, где пахнет хлебом и младенчиком да жена улыбочивая, — душе услада. И усталость проходит, коли дома лад и мир. Сыночка расцелует, доченьку подержит на руках, с женой поговорит — вот и счастье. Думал ли о таком Моисей?

Весной новость: в колхоз трактор привезли. Андрей Самосадов ездил в район учиться, чтобы работать на нем. Ждали, когда подсохнет земля, чтобы начать вспашку. Весна вступала в свои права теплым солнцем и длинными днями. В один из дней Моисей особенно тщательно умылся, причесался. Ему доверено было стоять за сеялкой трактора. Забежали Василий с Иваном, взяли Данилку с собой. Пусть малец посмотрит на трактор. Христина с Наденькой тоже пошли к правлению. Там уже собрался народ из окрестностей. Надо ж такое чудо — конь железный! Трактор украсили красными лентами, цветами. Двинулись к полю, за правлением рукой подать. Председатель поставил по центру трактор с сеялкой. На ней стоял улыбающийся своим Моисей. По бокам, на своих полосах — впряженные в сеялки кони в цветочных венках. По команде тронулись. В толпе одобрительно загудели: трактор вырвался вперед. Пока кони прошли полосу, он, закончив вторую, пошел на третью.

— Папа, папа! — кричал Данилка, сидя на шее у Василия.

— Товарищи, мы видим с вами заботу советской власти о нас, колхозниках. Совсем скоро будет у нас не один, а три трактора. Еще больше хлеба вырастим на наших полях, — сказал речь председатель.

...Размеренно, в трудах и заботах текла жизнь деревни. Шел 1940 год. В семье Михалёвых родились еще две девочки — Мария и Анна. Христина занималась детьми. Платьница шила внучкам бабушка Наталья Васильевна. Да и много ли ребенку надо? Кусочек материи — вот и обновка. Худо-бедно коровку купили Михалёвы, родители помогли. Детишкам молоко ведь нужно. Курочек держали, индюшку — все подспорье.

Василий и Иван — рослые парни, возмужали. Родителям опора и помощь. Да и Наташины Мария и Миша выросли. Григорий постарел, угомонился с выпивкой. Сердце пошаливать стало. Как не пьет — вроде и полегче. Да вот Наталья беспокоит — слабость у нее. Полежит, отойдет — и опять по дому работает или за машинкой сидит. Шьет одежды внучатам или наряды Марье. Но все чаще усталость одолевает Васильевну, все больше клонит лечь. Дети заботы взяли на себя, немогутся мамке. Таять стала Леснеева. И так весу малого была, так совсем светится уж. Упросили Григорий с детьми к доктору съездить.

— Не могу утешить вас, — доктор с глазу на глаз сказал Григорию. — По-видимому, у больной внутренняя опухоль. Медицина бессильна.

— Что за напасть такая? Как это лечить? — известие как будто выбило почву из-под ног Григория. В голове загудело, сердце забухало.

Доктор развел руками:

— Я сожалею...

Наташа слегла. Мало ела. Временами стонала, и по каплям пота на лице было понятно, что у нее сильные боли. Мария и Михаил взяли на себя всю работу по дому и уход за больной. Болезнь матери их придавила, но нужно было ее мыть, кормить, давать лекарства. Сжав волю в кулак, молодые люди делали все, что должны и что могли. Заходила Христина. Посмотрела на мать и осознала, что не поднимется уже ее драгоценная.

— Христиночка, — слабым голосом позвала ее. — Там, в комнате, машинка, забери.

— Но, мама...

— Забери, мне не шить уж, а тебе пригодится, деток обшивать. Приведи мне внучат.

— Приведу...

Ходил как неприкаянный Григорий. Временами подступающие рыдания прорывались звериным рыком. Уходил тогда в конец сада и там пытался унять боль. Дорога ему была его Наташа. И так неправильно он жил с ней. Не так. Чего изводил пьянством и придирками? Знал ведь, что идет без любви за него. Соглашался на это. Почему тогда просто не дарил заботу и любовь? Глядишь, и оттаяла бы его Снегурочка и озарила бы улыбкой. А теперь уходит, и ничего, ничего не вернуть уже. Но ведь тут еще! И бежал в дом:

— Наташенька, — падая на колени, просил, — ты прости меня, любил я тебя и теперь люблю. Так ведь любовь-то моя нескладная вышла... Через это все так и сложилось... Не умел я любить тебя. А хорошая ты.

— Встань, Гриша. Все хорошо. Ты меня прости, не смогла я быть доброй женой.

— Но...

— Молчи. Время мое близко. Дети наши с тобой. Наклонись ко мне, — поцеловала мужа, едва ли не во второй раз за все годы. — Устала я... Иди...

К вечеру привела Христина деток. Благословила их бабушка, поцеловала каждого. А следующим днем ее не стало. Маша при ней была: все реже дыхание становилось, вздохнула — и затихла.

Горе великое принес тот год и Леснеевым, и Михалёвым. И не ведали они, что страшное черное горе уже нависло над всей страной. И 1941 год, так скорбно начавшийся, отсчитывал недели, дни до трагической даты...

...Раннее утро дышало прохладой, легкий туман стелился по земле. Маша и Миша Леснеевы, Василий и Иван Михалёвы с одноклассниками возвращались домой. Они уже встретили первый взрослый рассвет после прощания со школой. Уже из мечтаний обрисовались контуры будущего у каждого, прозвучали первые признания в любви... Молодые, красивые, счастливые и уставшие, они шли домой. Вдруг до слуха донеслись странные звуки: то ли гром, то ли разрывы. Где-то со стороны Гомеля...

— Наверное, учения, — решила молодежь.

Звуки эти были слышны и на следующий день. Днем из репродуктора возле правления прозвучало сообщение о войне...

В оцепенении стояли сельчане, пытаясь вместить в сознании услышанное. Но оно никак не хотело восприниматься. Вскоре приехал военный комиссар и стал записывать добровольцев на фронт. Записались Михаил Леснеев, Василий и Иван Михалёвы в числе других мужчин деревни. Моисей подошел к столу:

— Моисей Михалёв.

— Что у тебя, Михалёв, с глазом? — увидев белое пятно, поинтересовался комиссар.

— На обмолоте льна попала соринка, так пятно вышло.

— Видишь этим глазом?

— Не так, как другим. Но это ничего, я могу воевать.

— Отставить! Поступаешь в распоряжение председателя.

— Товарищ комиссар!

— Отставить, я сказал. Следующий.

— Ты это, Моисей, не взбрыкай, — подошел к нему председатель. — Я к тебе дело имею чрезвычайной важности. Можно сказать, государственное!

— Мое дело мужицкое — по врагу стрелять.

— Так ведь с глазом-то не больно поцелишь. А вот болото ты знаешь, как свой огород, можа, и лучше. И проходы через его. Спасать тебе табун колхозный!

Собрал Моисей пожитки на первое время: телогрейку, спички, котелок, радюшек пару. Коней связал веревками, чтобы шли колонной — носом в круп, — и повел в болото. Перекрестила его Христина, помахали ручками дети. С тяжелым сердцем уходил он. Его Христина и четверо деток останутся без него. А что их дальше ждет? Вести с фронта приходили неутешительные: отступали наши. Город за городом занимали немцы.

— Господи, спаси, сохрани, помоги!

Ушел Моисей, а через Демидовку потянулись на восток потрепанные и изрядно поредевшие части Красной армии. Выносили бабы солдатикам бульбу вареную, молоко, яйца.

— А как же это? Ворогу нас покидаете? Али нечем стрелять вам? Али смелости не достало? — стала их увещевать вышедшая из дома Костылиха.

— Прости, мать, — шли опустив головы. Потемневшие лица, сжатые губы. Пыль поднималась по дороге от сотен сапог. А они шли, не зная, до каких пределов отступать.

...Несколько дней прошло в гулкой тишине. Замерла Демидовка. Не ходил никто на покосы, не пололи поле, опустел колхозный двор. Осталась без мужских рук деревня. Пожилые да малые — какие тут силы? И кому теперь достанется все, что посеяли?

Увезли документы из правления. Пусто там, даже флаг сняли, не достался чтоб ворогу. А потом застрекотали мотоциклы, заскрежетали гусеницы, немцы вошли в деревню. Новая власть установила свои порядки: комендантский час, выезды только по пропускам, выходы в лес по разрешению. Комендатура была в Ясовке. В Михалёвке назначили старосту — Якова Янкеля. И старшего полицая — Володьку Сомова. Яков не особо притеснял. Объявлял, кому сколько продуктов сдавать для немецкой армии, да ходил с полицаями изымать. А вот Володька лютовал. По приказу немцев составил списки коммунистов. Школьного учителя Розова, комсорга Валюшу Дымову и нескольких активистов кол-

хоза увезли в лес, и Сомов лично их расстрелял. Заходил и к Христине, расспрашивал о муже:

— Где твой Моисей, а? Ушел в болота? Ведь дознаюсь.

— Да кто знает, куда он подался? Не ведаю.

— Ой, смотри, Христина, коли чего замечу, — пригрозил Володька.

Когда ушел, наказала детям строго: коли чужой кто на порог — прятаться в подпечь. А свои-то и ходили редко. Когда родители Моисея зайдут на минутку. Обязали власти работать в поле. Старики и тянули как могли. Все ждали, что соберет силы Красная армия и погонит этих супостатов с родной земли.

...Моисей вывел коней через топи в дальние леса. Отпустив их пастись, стал рыть землянку. Пока было тепло и ночью, но сколько продлится эта война, не знал никто. А ему коней сберечь нужно, позаботиться, чтобы им и себе в холода было где укрыться. Инструмент маломальский взял — лопата, пила. Поискал, где сваленные деревья. Натаскал на крышу землянки. Внутри меж бревен утеплил мхом, сверху заложил ветками. Да, забот хватало у Михалёва, это словно как обживаться на новом месте да с хозяйством. А хозяйство-то немалое. И думок было в голове, что не уложить в ряд:

— А ну как не выгонят фашиста до зимы? Это ж надо стойла сделать коням теплые да сена на корм накопить. И косить-то нужно немеряно. Конь — это тебе не корова: съедят-то, съедят! А и о себе озаботиться надо. Грибов там на похлебку, ягод, травок на чай. Работы — только поворачивайся.

Как накрыл землянку себе, стал печурку складывать. Нашел на опушке глину, камней немного. Вот и готова его кормилица и сугрев. Теперь за заготовки. Пока не отошли черника с малиной, надо в мешочек в землянке развесить, возле печурки высохнет. А пока из свежего — чай ароматный.

Как Христя с малыми там? Уходил, сказал: «По ночам приходиться буду, если никого около не окажется». Выходил вечерами, когда туман по болоту стелется, смотрел на Демидовку, слушал. Не слышно немцев в селе. И Моисей решил: этой ночью пойдет домой. Отнесет травок и веточек с ягодами деткам. Отвел коней на другое пастбище, проверил, надежны ли пути, заложил ветками ход в землянку и пошел. Михалёв был опытный ходок по болоту, знал все топи и сплавины, потому не боялся сбиться с дороги. Через поле шел с остановками, бесшумно ступал, весь обратившись в слух. Через жерди ограды перемахнул и прокрался к дому. Тихо, спит деревня. Дверь заперта. Постучал в оконце, мелькнуло белое — Христя вскочила. Отперла дверь, впустила. Моисей обнял жену, вдохнул родной запах... Поцеловал спящих детишек.

— Нужно идти мне, милая. Я буду приходиться. Ночами. Не больно часто, как уж смогу. Как тут немцы? Лютуют?

— Убили много людей. Володька полицаем у них, он и расстрелял. Сам выхвалялся.

— Ах ты ж зверюга, — сжал кулаки Моисей. — Пойду я, Христинушка. Береги себя и детушек.

...Возвращался Моисей еще затемно. Слава богу, его все живы. Увидел деток, жену. Узнал, что немец ушел далеко и нет пока ему заслона сильного. Надо готовить коней к зиме, строить им стоянку теплую. Две кобылы должны ожеребиться. Тоже забота — и от волка защитить

молодых, и с умом обустроить все, чтобы с самолета не заметно было строение. Не ровен час бомбить станут.

В трудах и молитве пребывал Моисей в своем отшельничестве. Резал и таскал лес, рыл основание под зимнюю стоянку. Не совсем в землю решил делать, ведь лошади не пойдут в глубокую землянку. Наполовину возвышаться должна конюшня. Сверху — настил из бревен, ветки, мох. Если снег пойдет, совсем не заметно будет. Работалось споро. Михалёв жил в своем отдельном мире: почти не слышны были никакие звуки, кроме лесных. Только самолеты изредка нарушали тихое уединение. «На восток летят», — понимал, и горечью заливало грудь.

— Господи, помоги воинам нашим, чтобы прогнали врага с родной земли!

Молитва помогала, согревала и давала надежду: не оставит Он, поможет! Всю свою заботу отдавал Моисей лошадям. С детства была привязанность у него к этим умным животным. Вспоминались Евсеич, ночное и те чувства, пережитые в детстве. И огонек загорался в душе: это его земля, здесь его семья, родители. Не годен он воевать, так сослужит здесь посильную службу. Сохранит табун, авось и приумножит. Вот натаскает леса на постройку и сходит опять домой, хоть на несколько часов. Да мяса отнесет — Лина хромает, немолода уже, придется прирезать. Себе засолит на пропитание и Христине отнесет.

Совестился в душе Моисей. Братья младшие ушли воевать. Деревенские в страхе живут. Да и поубивали сколько. Вот ведь Володька каким гнилым оказался. А ведь как власти советской угождал: и крест с храма лез скидывать, и двери заколачивал в церкви. А тут сразу к немцам кинулся, служит им. Да хоть бы там надзирал просто да грабил, а то доносит и убивает своими руками! Своих же! Не мог понять Михалёв такого. Тут и лошадь жалко, когда заболевает. Как человека жизни лишит, ежели он безоружный и не воюет против тебя? Вот и вылезает нутро из людей в этой войне.

— Вот, Радушка, как оно оборачивается, — гладил любимую кобылу Моисей.

...Христина затопила печь, натаскала воды, чтобы деток искупать. В окно постучали. Григорий. Открыла дверь — вошел, задыхаясь:

— Христина, беда, Машу забирают.

— Куда, кто?

— В Германию увозят, на работы. Уже машину подогнали.

— Данилка, смотри за сестричками. Я скоро.

Выбежали на улицу. Шел мелкий осенний дождь. Мгла затянула небо. Следы колес на дороге понемногу заполнялись водой. Возле правления стояла машина, вокруг нее немцы с автоматами. Володька держал в руках список и зачитывал фамилии:

— Леснеева Мария, — Христина рванулась, но окрик «Хальт!» и удар прикладом преградили ей путь.

— Маша, — глухо простонала женщина, подхваченная Григорием.

— Христя, что ж это? Как это? — потерянный Леснеев стоял с непокрытой головой. Глаза его расширились, из груди доносился утробный звук, похожий на рык.

Мария стояла в кузове и смотрела на них. Их взгляды встретились и не отрывались друг от друга, пока машину не закрыли и она не скрылась за поворотом. Люди стали голосить и плакать. Раздался выстрел, поли-

цай Сомов приказал расходиться. Напрасно тянула Христина Григория за рукав, он будто врос в землю.

— Отец, — впервые с участием и теплом произнесла Христина.

Глаза его ожили и задвигались, попытались найти человека, назвавшего его так.

— Пойдем, там дети одни...

Глаза Григория остановились на Христине. Он попытался осознать то, что услышал, но тело уже обмякло, и он дал увести себя с опасной площади.

Дома внучата облепили деда с расспросами, сунули ему в руки чурочки и пряничные куклы. И Леснеев забылся, прижимал к себе ребятшек, играл с ними, помог падчерице по хозяйству. Только поздно вечером вернулся в свою одинокую избу.

...Стройка потихоньку двигалась. В вырытое прямоугольное основание Моисей затаскивал бревна, соединяя их. Нетолстые — внутрь землянки, покряжистой укладывал над землей для сохранения тепла. Дни тяжелой физической работы приходилось чередовать с отдыхом. Стояла осень, зачастили дожди, мешавшие работе. Сено было засушено, Михалёв надеялся, что его хватит. Закончить бы до морозов конюшню, а там можно будет и дрова для печки резать.

Неспокойно на душе у Моисея. Тянет домой его. Завтра переведет на другую поляну коней, стреножит и под ночь выйдет из болот. Следующий день прошел в тревоге. И работал, и молился — она не уходила. Затихнет на время и снова сжимает сердце. Понял Моисей: неладно дома. Короткий осенний день затухал, уступая место сумеркам и идущей вслед за ними ночи. Михалёв с мешком за плечами и шестом шел через болото. Пройдя топи, остановился и ждал, когда ночь покроет землю своим черным пологом. Бесшумно передвигаясь, он подкрался к дому и постучал. В этот раз свидание с женой было коротким.

— Моисей, Марию забрали на работы в Германию. Вчера вернулись Степан и Агата. Они выпрыгнули на перезде из вагонов и убежали. Мария тоже прыгнула. Но прийти не смогла — она совсем ослабела. Степан и Агата зарыли ее в стог сена возле Самоличей, третьем от последней избы.

— Я пойду за ней.

— Возьми хлеб, оголодала она. В Буда-Кошелево комендатура, нельзя туда заходить.

— Я обойду вокруг, дороги знаю.

Взял хлеб, воду, теплую кофту. Поцеловал спящих ребят, жену и ушел. Слава богу, Марию не увезли и она жива. Неизвестно, вернулась бы она из той Германии. Путь был неблизкий — до Буда-Кошелево километров семь и оттуда до Самолич не меньше тридцати. До рассвета не успеет. Моисей шел быстро, огибая деревни. От этого его путь удлинился. К рассвету дошел до Самолич. Из перелеска наблюдал за деревней — нет ли немцев. Было тихо. Нужно было перейти на другой конец деревни и отыскать стог.

Христина накормила детей. Данилка уже совсем самостоятельный мужичок — семь годков стукнуло. Смотрит за сестричками. Надюша тоже подросла — скоро шесть. Анюта и Машенька уже щебечут. Две сестрички как две подружки, не разлей вода. Ходят друг за дружкой. Все одна за другой повторяют. Смешные. Носики пуговкой и темненькие — в отца. Данилка им ложечки подаст — сами уже и хлебают суп.

— Сыночек, я закрою дверь, схожу к деду Грише. Ты уж за сестричками приглянь.

— Хорошо, мама, иди.

— Я тоже большая, я тоже досмотрю, — Надюша вызвалась помочь брату.

— Большая-большая, моя доченька, — поцеловала ее Христина и вышла.

Григорий сидел в избе и глядел в одну точку. Вздогнул от звука шагов.

— У тебя не заперто, — Христина окинула взглядом сиротливо скукожившуюся избу: не топлено, кругом пыль и беспорядок. — Я с хорошим известием: Маша скоро вернется.

— Как? — Леснеев оживился, глаза загорелись. Секунду назад напоминавший статую, сейчас он весь подался навстречу Христине.

— Она прыгнула с поезда. Но ослабла сильно. За ней Моисей пошел. С Божьей помощью доберутся домой.

— Слава тебе, Господи! — вдруг упал на колени под иконы Григорий и разрыдался.

Не замечала раньше такой чувствительности падчерица у отчима, всегда бывшего сухим и отстраненным. Да, сильно он изменился после смерти жены. Видать, сильно любил ее, а выказать не умел. Теперь же, проведив Мишу на войну и лишившись Марии, он совсем потерял интерес к жизни. Только с внуками оживал на короткое время и снова становился безучастен. Отправив его к детям, Христина затопила печь и вымыла хату. Манечка придет, нужно окрепнуть ей. Какие ж тут уборки? Пока мыла, поставила в печь чугунок со щами и насыпала мытой картошки в другой. Распарится, с солью добавлю к щам — и покушают. Когда-то доберутся Моисей с Маней, а готовить надо. И им поесть, и Григорий отошал. Все управив, закрыла хату и пошла к себе. На дороге ее остановил Сомов:

— Христя, где Моисей твой, а?

— А откуда ж я знаю?

— Ты жена ему и не знаешь, где муж? Ушел с конями, говорят.

— Ушел, да и нету.

— И не приходил?

— Как ушел, так и не видала с тех пор.

— Смотри, дознаюсь, что врешь — худо будет, — пригрозил полицейай.

— Да уж знаем, — Христина шла к дому, пытаясь унять озноб, появившийся помимо ее воли после разговора с Володькой.

Вот ведь выслуживается, все вынюхивает. «Господи, сохрани рабов Твоих Моисея и Марию», — губы шепчут молитву, и сердце бьется ровнее.

Вот он, третий стог, сбоку словно лаз для кота. Догадавшись, что сельчане сделали его, чтобы человек внутри мог дышать, Моисей стал разрывать сено.

— Маня, Манечка.

Мария дремала, когда он нашел ее. Веки задрожали, глаза приоткрылись.

— Не бойся, это я, Моисей. Попей воды, — приподнял ее голову. Напоил и по кусочку давал ей вареную картофелину.

— Все, больше нельзя пока. Ты поспи немного.

Моисей дождался темноты, взвалил на плечи Марию и пошел. Обратная дорога заняла больше времени: несмотря на худобу девушки и рослость мужчины, идти с поклажей в обратный путь было нескоро. Но ничего, за две ночи управились. Днем хоронились в лесах, в жите. Один раз чуть не напоролись на немцев. Недалеко шла дорога, и по ней ехали несколько мотоциклов. Немцы гоготали что-то на своем языке совсем рядом и могли бы обнаружить. Но девушка, подкрепившись из рук Моисея, засыпала. К исходу второй ночи Моисей постучал в окно своей хаты. Занес Марию в комнату, положил на топчан, обнял жену и двинулся к болоту. Надо до света дойти до топи. Тело гудело, ноги налились свинцом, сильная усталость и напряжение клонили в сон. Организм, работавший на пределе сил, слух и зрение, пытавшиеся уловить малейший шум и тень, — все просило отдыха. Но Михалёв шел. Он спас Маню. Слава богу! Еще одно усилие — дойти до топи и перейти болото. И Моисей шел. Небо уже серело с первыми лучами, несмело пробивавшимися через плотную темноту, когда мужчина, взяв оставленный шест, двинулся через трясины. Метр за метром, впотьмах. Как же пригодилось теперь ему знание этих мест. Еще сотня метров по лесу, другая... Вот и силуэты коней. Они всхрапывают и, узнав его, прядают ушами. Землянка, топчан. Моисей падает на него и засыпает.

...Старики Михалёвы жили вдвоем. Авдотья Ивановна умерла два года назад. Василий и Иван ушли воевать. Моисей где-то в болотах. Христина говорила, что приходил ночью несколько раз, все у него хорошо. Только и остались у Исаака Ивановича и Марии Захаровны внучата да невестка. Довольны они были Христиной: и жена добрая, и мать заботливая, и им под старость как дочь. Сама прибежит, расспросит, поможет. А теперь, в лихую годину, что хочешь можно ожидать от новой власти. Сколь людей поубивали, пожгли в домах. Сказывали, что идут стеной, к Москве уж подбираются. Но и то говорили: собирают в столице войско огромное, пушек, танков изготовили. Господь поможет правому делу — изгнать фашистов с земли русской. Где-то их сыночки, что с ними? Один Бог ведает. У самих здоровье стало сдавать: руки, ноги болят, опухают. Особенно в осеннюю распутицу, в сырые дни крутит кости. Захаровна тогда лопух сушеный заварит, примочки сделает или баню натопит, замочит веник березовый в кипятке да пройдетя им от души. Аж кожа красная делается. Глядишь, и полегчает. Когда Мария, сестра Христины, заглянет, да иногда с Данилушкой. В мать лицом и в деда, покойного пана Ильинского — беленький, голубоглазый. Да и норы у мальчика материнский — легкий, необидчивый, даром что маленький. У Моисея потяжелше будет, попрестальней к людям приглядывается.

Переживали старики и за Марию, как узнали, что забрали ее в Германию работать на немецких хозяев. А вчера прибежала запоздно Христя, поскреблась в дверь. Шепотом рассказала, что спаслась Маня, только ослабла. Моисей ее нашел в Самоличах, да две ночи на плечах нес домой. Просила взять к себе, пока оправится. А то не ровен час Володька нагрянет. Все неймется ему, извел допросами о Моисее. А там придумается что... Разбомбили поезд, да пришли потиху домой Маня, Степан, Агата да бушовские, кто спрыгнул тогда. Что ж, помочь надо, как не помочь? А забота, как известно, лучше всех лекарств тоску прогоняет. Хоть и на время, а получилось, что дочь у Михалёвых появилась.

...Зима 1942 года выдалась тяжелой. Сильные морозы, вьюги будто сковали жизнь в деревне. Работы поубавилось. Одна забота у селян —

выжить, прокормиться и дожидаться светлой години, когда погонят с родных земель супостата — немца.

Христина все дни в заботах — дети, мужнины старики, да когда и к Мане с отчимом забежать. Сестрица и сама заходила, но больно не хотелось ей встречаться с Володькой. Он и так донимал расспросами вернувшуюся Марию: «Как получилось, что уехала в Германию, а вернулась в село?» Но об этом беглецы договорились отвечать одно: поезд разбомбили, они уцелели и добрались домой. Да подозрительный Сомов все буравил глазками, словно желая найти подтверждения своим подозрениям. Как спали морозы и потекли ручьи, к Христине приходил. Недобро усмехаясь одним уголком рта и приставив автомат к округлившемуся животу женщины, выпытывал:

— И откель же пузо растет? Не приходил, говоришь, Моисей?

— Нет, не было с того лета.

— Ветром надуло, никак? — мерзко хохотнул полицай.

— Ветром не ветром, а тебе докладывать не обязана.

— Неужто такая верная жена да с кем спуталась?

— А хоть бы и так, тебе что за дело?

— Так, может, в таком разе и мне не откажешь? — по-жеребьячи заржал и попытался обнять Христину.

— К жене иди. А у меня детей полна изба, не срамись.

Как уж жила Алевтина с таким извергом, понять не могли. А и рассудить: куда ж ей деваться теперь? Порешит и ее, коли взбрыкнет. И не ведал никто, как просила она, как в ногах у него валялась: не стрелять людей, не творить греха кровавого.

— Молчи, дура! — пнул ногой и вышел.

Понимала женщина: некуда ей деваться. И для всех она — жена полицая. Такая уж доля женская — терпеть. И замуж-то шла — не видала до венца мужа. Приехал за ней в Боровку и увез сюда, в чужую сторону. Мирно жила с соседями: тихая, трудолюбивая Алевтина никому не назолила, привечали ее. Однако ж теперь отвернулись. Володька-то и до войны задиристым нравом отличался, все не по нем было: и работа в колхозе не по чину, и обхождение не по нраву. Власть любил он и услужение. Теперь вот этой властью упивался: хочу — казнь, хочу — милую. Немцы-то, почитай, село в полное подчинение ему отдали. Заслужил доверие у новой власти расстрелами своих же сельчан.

...Для Моисея зима тоже была непростой и долгой. Кони стояли в стойлах. Кормить их надо было: из стогов сено носить, что накошено с лета. Да жеребиться стали кобылы в морозы — тоже работа. Жеребятюк надо обтереть, кобыл раздоить. У вороной кобылы Дины слабенький жеребчик родился — на ножки не вставал, все вздрагивал. И облизывала мать его, и мордой подталкивала, побуждая подняться, но не мог малыш. Так и лежал. Поднес его Моисей к вымени, покормил. Принес постилки из землянки, накрыл жеребенка. Вскипятил воду в чугушке и в ведре принес, чтобы теплее было в стойле. Траву заваривал и поил. Дней через пять поднялся малыш. Постоял на дрожащих тонких ножках — и лег. Погодя немного опять попытался встать. На исходе второй недели жеребенок уже бегал, как другие дети лошадиные. Вот и забота к весне: надо конюшню расширять. Война войной, а лошади исправно плодились, выполняя данную всей твари заповедь. Совсем старую и ослабевшую Нану пришлось зарезать. Но и пропитание для Христины с детками будет. Себе немного оставил, а в семью носил полную котомку.

Христя, умница, и старикам снесла, и свое мясо с умом использовала — похлебки, да супы, да драники приправляла, мачанки.

Зимой не часто ходил Моисей домой. Как заметит, что тучи снежные собираются, тогда идет, чтобы следов не было к дому, не доследил бы Володька. А бывали долго ясные дни, тогда совсем не добраться.

...Подходил к концу 1942 год. Христина в бабье лето родила сыночка Степана. Пятые роды прошли быстро и легко. Данилку отправила за свекровью, девочек заняла в другой комнате — смотреть, когда братик воротится. Не успела Мария Захаровна на порог ступить — уж внук рожденный кричит на всю избу. Завела выбежавших было внушек назад в комнату и наказала мамку не беспокоить. Достала воду из печи, обмыла младенца, спеленала и отдала матери.

— Христюшка, с пополнением. Слава богу, здоровенький, крепенький. Уж скажу Исааку, вот обрадуется! А Моисей-то, Моисей когда обещался?

— Да, должно быть, придет скоро.

В это тревожное время появление сыночка наполняло все существо Христины теплом и радостью, как бывает всякий раз, когда молодая мать дает жизнь своему чаду. И весь дом преобразился, наполнился новыми звуками, новым запахом — сладкий аромат младенца витал в избе. Даже дети стали как будто другими. Часто подходили и смотрели на маленького с любопытством. И так чудно им было его маленькое тельце, смешное беззубое личико, неумение говорить и беспорядочные движения ручек и ножек. И еще новое пришло к ним, даже к младшим Анечке и Маше: они уже не малыши, они — старшие! Сестрички уже помогали матери посмотреть, спит ли Степушка, покачать зыбку, подать пеленки, когда купали братика. Данилка — тот уже совсем мужичок, скоро восемь ему.

— Ты у меня один мужчина в семье, пока отца нет, — говорила ему Христина.

Он и вел себя по-мужски, серьезно. Следил за сестрами, помогал на огороде, мог и кашу сварить, и чугунок достать из печи, и девчонок покормить. Глядя на него, Надюша тоже вела себя по-взрослому: то пол метет, то посуду вызовется помыть, то сестричек причешет. Так и жили в трудах и заботах. На вопросы детей, когда война закончится и папа вернется, мать отвечала:

— Скоро! Нужно подождать.

И все ждали.

...Третью зиму готовился зимовать Моисей в болотах со своими лошадьми. Они и впрямь стали уже как родные в этих лесных чащах, окруженных непроходимыми топями. Лишенный человеческого общения, Михалёв разговаривал с ними, делился своими переживаниями и надеждами. Кони внимательно слушали его, глядя своими большими умными глазами, и, казалось, все понимали и сочувствовали — вот только сказать ничего не могли.

И как будто не было тех лет, что пронеслись с той поры, когда они с Евсеичем ходили в ночное. Где-то сложились в пыльные сундуки памяти и ссылка, и жизнь у Авдотьи в доме, и все лишения. Яркими картинками всплывали ночные посиделки у костра, поздний ужин, фыркающие лошади и звездный шатер над головой. Наверное, это свойство человеческой памяти — извлекать из своих тайников и наполнять яркими красками моменты, которые схожи с теми, что переживаются сейчас. Теперь

не понимал Моисей, почему, приходя к озеру на месте их родового дома, никогда ему не захотелось зайти в конюшню — единственное, что уцелело от усадьбы. И неважно, что она была уже давно колхозной, ведь ее стены помнили его маленького, молодого отца, деда, возможно, и прадеда... И затосковалось ему... Захотелось постоять у голубого озера, потрогать стены с углами из красного кирпича. Но теплое и большое надежно занимало почти все пространство его души и не давало места тоске — его семья, Христина и дети. Как-то они там? Данилушка, девочки и маленький Степушка. Ему-то тут безопасно — как на острове. А они под ворогом живут.

Где-то братья воюют... Живы ли? Вернутся ли?

А того не ведал Моисей, что в эти самые минуты в госпитале брат его Василий умирал от ран. Ничего не смогли врачи сделать, все нутро разворочено было осколками. А Иван не вернулся из своего последнего боя и остался лежать на смоленских полях, совсем немного не дотянул до родной белорусской земли. И что разворачиваются силы русские против орды фашистской, чтобы вычистить, вымести и следы ее. Не доходили вести до оккупированной Белоруссии, не могли дойти и похоронки. Так и жили надеждой и молитвами о здравии родители солдат — Исаак и Мария.

Видать, не больно сладко немцу на фронте, про Москву не трубят уже, и партизаны поезда взрывают. Ищут полицаи и немцы их, облавы устраивают. Бывает, в Михалёвке остаются у Сомова на ночь. Христина наказала — опасно ходить домой. Условный знак она придумала: если беспокойно в деревне, ставит свечку на кухонное окно, обращенное к полю, по которому Моисей пробирался к дому. Оно или запрещало ему двигаться дальше, или, будучи темным, оповещало, что все спокойно и жена его ждет.

Как верующий человек, он не задавался вопросом: почему его землю топчет враг, почему дошел, почитай, до самой столицы и вот уже три года властвует в Белоруссии. Почему Господь попустил это? За что? Столько народу полегло и продолжает гибнуть, а войне конца не видно. Видел Михалёв, что допрежь творили и что накликали на себя... А как же поруганные церкви, а замученный отец Николай, а царь-батюшка с женой и детьми убитые? Ему ведь на верность присягали, а заступиться и спасти некому было? Видать, не исполнилась еще чаша гнева Божия. «Если не покаетесь, все так же погибнете», — слова из Евангелия ответом всплыли из памяти. Молиться должна вся Россия, крепко молиться!

Но и недаром война-то началась в День всех святых в земле Российской просиявших. Стало быть, все Они и встали за землю Русскую в заступление. И стольную Москву оборонили, и не оставят армию, доколе не прогонит вражину из пределов ее. Уж на что тяжелые испытания были во времена святого князя Александра Невского, а бивал же он и немцев, и шведов! Да неужто ж не поможет и теперь? А святые Глеб и Борис, а святой Сергей, игумен Радонежский, а Димитрий Донской? Никакие земные враги не одолеют, коли такие Защитники встали за землю свою.

Все это понимал Моисей, как и понимал, что не близка еще победа, еще дни, месяцы пройдут, пока придет освобождение. Очищение земли от следов сапог вражеских, очищение сердец от безверия, безбожия. Искупление пролитой крови невинной. Грех такой кровью и смывается.

...Деревня замерла. Внешне все было как обычно, но зоркие михалёвские бабы чуяли перемены за версту. Прекратились попойки у Сомова, по железной дороге не шли немецкие поезда на восток. А тут еще Алевтина шепнула у колодца, чтобы молодые бабы в лес уходили днем и не показывались до ночи.

— Никак, наши жмут фашистов? — высказывали догадки Михалёвы.— Ты вот что, Христинушка, деток к нам приводи, а сама с Маней в кошелки хлеба положите, свитки теплые под рубашку — и в лес. Там, на заимке, и схоронитесь в сторожке лесниковской. Володьке скажем, что к знахарке ушли в Ольховку. Путь неблизкий, авось и отвяжется. Не ровен час, угонят в Немеччину, не посмотрят, что семеро по лавкам.

— А как же вы? Справитесь? Шутка ли — пятеро малых.

— Так не титькой кормить. Степушка уж топает вон сам, а уж Данилушка с Надюшей — сами помощники. Иди, милая, не сомневайся.

Никогда не оставляла надолго детей Христина, забеспокоилась. Да куда деваться-то? А ну как и впрямь облаву устроят?

Ночью пришел Моисей. Рассказала все ему.

— Так наступает армия, гонят фрицев! Слава тебе, Господи! Дождались, — перекрестился с радостной улыбкой. — Вам теперь, главное, продержаться, пока уйдут немцы. А они скоро драпать будут, только пятки засверкают. Когда стрельба какая — в подпол прячьтесь. А пока идите в лес. Я проведу через болото — отсидитесь у меня. На заимке опасно: искать могут и в лесах.

Моисей ушел, оставив после себя запах, такой родной и знакомый. Христина вдруг осознала, как дорог ей муж. За годы замужества она настолько срослась с ним, что казалось, он был всегда. Муж вызывал в ней целую гамму чувств, коим она не знала названия. Но теплота в груди появилась тогда, когда она впервые встретила Моисея — это Христина помнила хорошо. Он — ее муж, отец ее детей. И как мелкие ручейки, сливаясь, образуют мощную реку, так и понятие «муж» вбирало в себя множество проявлений ласки, заботы, общий труд для семьи. И он, и она переживали это вместе и отдавали друг другу и детям это тепло. Слово «любовь» не произносилось, но что это могло быть, если не любовь?

...Снег покрывал землю. Он падал и падал не переставая, словно стремясь укрыть, облагородить, спрятать от глаз изрытые поля, сгоревшие дома, подбитую технику. Вместе со снегом пришла тишина, оглушительная и непривычная. Непривычная оттого, что совсем недавно здесь грохотало так, что не слышно было рядом стоящего. Шли бои за освобождение Буда-Кошелевской земли. Больше чем четырнадцать часов стояли насмерть партизанские соединения в Буда-Кошелевских лесах, отражая атаки фашистов. На помощь им пришли дивизии маршала Рокоссовского. Земля стонала от разрывов, плавился металл, горело все, что могло и не могло гореть. Фашисты отчаянно сопротивлялись, но натиск советских войск вынудил их отступить.

В Михалёвку пришла тишина. Люди выходили из подвалов и укрытий и стояли под снегом. Слово привыкали к тишине, белизне и... свободе. Вдыхали морозный воздух и пытались осознать: для них война закончилась. Можно не бояться передвигаться в любое время суток, не бояться грабежей, расстрелов и угона в Германию. Еще будет много дел: и захоронение солдат, и расчистка полей от сгоревшего железа, обезвреживание снарядов и мин. Многие семьи поедут забирать детей, уцелевших в Озаричах. Все это будет... А пока люди стояли и дышали

этим особым воздухом — чистым и прозрачным. Воздухом свободы! Подставляли под снег лица и улыбались.

Еще стонала под фашистом Западная и Центральная Белоруссия, еще долгим был путь к победе.

...Моисей вышел из землянки и вдохнул морозный воздух. Несколько дней были слышны взрывы и грохот орудий. Постепенно звуки канонады переместились в сторону райцентра, затем становились все глуше и откатывались на запад. Наши наступают! Слава богу! Пришло освобождение. Закончилась оккупация и его, Моисея, болотное сидение. Радость горячей волной захлестнула вдруг все нутро, волнами поднимаясь от сердца к горлу. С кем поделиться, если, кроме лошадей и него, никого в лесу? Он пошел в стойла, гладил коней и повторял: «Домой! Свобода!» Кони смотрели умными большими глазами, как будто понимая, терлись о руки человека и громко ржали. Как они могли еще выразить свои чувства?

Начался обратный путь. Во главе колонны Моисей поставил взрослых коней, за ними кобыл с пристегнутыми позади жеребятами, замыкали молодые жеребцы. Длинным шестом Михалёв находил в подмороженной топи проход и повел свое войско.

— Святой Моисей, помогай нам!

Вдруг коновод улыбнулся внезапно пришедшему сравнению. Пророк Моисей изводил из Египта евреев, а он выводит лошадей из болота. Но ведь он — не святой, ему и дело поменьше. Святой выводил умножившийся в неволе народ, и он, Моисей, выводит увеличенный табун: уводил двадцать лошадей, а назад идут уже двадцать семь.

Кони ступали тихо, идя вслед по опасной тропе. Когда болото было преодолено, Михалёв вздохнул с облегчением. Скоро он увидит Христину и деток. Разлука давалась ему тяжело, душа рвалась к семье. Как они там? Не обидел бы кто... И не думалось, что так долго, почти три года, будут врозь... Теперь уже нарадуется, нацелует, наласкает солнышек своих! Вот уже и Михалёвка показалась. Моисей остановился, осенил себя широким крестом и поблагодарил Господа за благополучное перенесение испытаний, за сохраненную семью и освобожденную землю свою.

...Христина вытопила печь, сварила суп, нагрела воды. Проснулись дети. Накормила их молоком и вчерашним хлебом. Степушка уже вовсю топал и ел своими восемью зубками хлебушек. Растут детки. Вон Данилка опять вырос из штанишек, нужно перешить из старых отцовских. За стрекотом машинки Христина не сразу услышала стук в окно сеней.

— Мама, стучат, открыть? — подошел старший сын.

— Я сама, Данилка, — женщина вышла в сени и на секунду застыла: в окне стоял и улыбался ее муж.

Моисей вошел, обнял ее, расцеловал:

— Все, теперь я никуда. Теперь вместе будем.

— Да, — слезы текли по щекам Христины, и она не пыталась их скрывать.

— Папа, — закричал, подбегая Данилка. За ним вслед повисла на шее Надюша. Маша и Анюта смотрели удивленно, но, увидев, как старшие обнимаются с пришедшим, и подталкиваемые матерью, несмело подошли, силясь узнать в этом бородатом человеке отца. Он обнял их, прижал к себе, и детские сердечки откликнулись: это папа, их папа. Его долго не было, они забыли его, но он пришел! Он будет теперь с ними.

Маленький Степушка застыл со своим чурбачком. Большие глазенки смотрели удивленно и пытливо. Ротик приоткрылся. Вдруг этот дядя подошел к нему, взял на руки. Только собрался малыш зареветь, как был подброшен к потолку сильными руками, подхвачен, расцелован. Он сидел на руках, и борода незнакомца щекотала его лицо. Малышу стало так уютно и тепло, что он радостно рассмеялся.

— Ну, вот и признал, — сказал с улыбкой Моисей. — Папка я твой!

Степушка уже трогал ручонками бороду, лицо, пытаясь выговорить незнакомое слово:

— Па-па!

Весь день малыши не отходили от отца. Младшие стремились не слезать с коленей, старшенькие прижимались и ласкались. Когда за окнами стемнело и счастливые дети уснули, муж и жена остались наедине. Они не размышляли о будущем, не расспрашивали друг друга о прошлых днях. Они пили счастье настоящего. Они теперь вместе и уже не расстанутся! Два гулко стучащих сердца слились в одно, и истосковавшиеся тела стали одним целым.

Радость освобождения была омрачена горечью скорбных вестей: в деревню стали приходиться похороны. Получили их и Леснеевы — на Михаила, и Михалёвы — на Василия и Ивана. Горе — не радость. Радостью делятся, ее проживают вместе. Горе каждая семья горюет в одиночку. Марию Захаровну словно придавили эти два листочка. Все время, когда ушли на войну сыновья, мать надеялась, молилась и ждала. Теперь у нее осталась только молитва. После слезной молитвы затеплилась вновь надежда, но уже другая — не на возвращение сыночков, а на милость Божию к ним, отдавшим жизни за свою землю. Господь воинов милует. Вот и ее Васенька и Ванечка уже в Небесных Войсках. Дай-то, Господь!

Постарела за эти несколько дней Мария Захаровна. Голову словно побелило невидимой кистью. Словно темные пряди вносили диссонанс в преобладающий серебристый цвет, и невидимый художник решил его убрать. Это горе постаралось. Где-то ее кровиночки? И могилки нет, чтобы прильнуть к ней и выплакать скорбь неизбывную. Она все чаще сидела неподвижно, безмолвно шевеля губами. Окликнет ее Исаак Иванович — вздрогнет, глянет на него, что-то ответит и сидит дальше. Его самого согнуло, сердце стало биться неровно, будто замирая и гулко ударяя.

— Ишь, мать-то в себя ушла. Вытягивать ее надо, а то засосет тоска, в уме бы не повредилась, — говорил он Моисею.

— Христину пришлю. Пусть по-бабьи с ней поговорит. А и помощь, однако, требуется: коней-то привел я, да в конюшне шаром покати. Только солома старая на подстил. Нужно сено из болот доставить. А мать с внуками посидит, пока мы корм коням навезем. Вот и полегчает ей на душе — с ними не заскучаешь.

...Работали споро. Моисей подвозил на санках сено по замерзшей топи. Сельчане принимали его в возы и везли в гумно. На заимке помогал Степан. Христина, Мария, другие бабы переключивали сено. Исаак Иванович был за возницу.

— Ну ты и засушил, дядька Моисей! — Степан присвистнул, увидев стога под навесами. — И крыши построил. Это ж сколько работы вложено!

— Дак известное дело: за летом зима приходит, а кто наготовил — как находит, — отшутился Михалёв.

— За день, похоже, не управимся.

— А кто нас гонит? На первое время навозим. А там лишь бы не метели, доставим. Они, родимые, нам и отслужат весной.

— Да, хлеб сеять надо будет.

— До того-то времени много, а вот конюшню подправить не лишне, — лицо Моисея стало серьезным.

— Дядька, тут-то в лесу и возьмем бревна. Теперь-то зачем твои постройки?

— А и правда. Зимний день короткий, да коли на печи не лежать, много успеть можно. Так, Степка?

— Ясное дело. — Степан чувствовал себя взрослым мужчиной.

Даром что семнадцатый год. Работал за двоих. Его одногодки и хлопцы помладше тоже всю мужскую работу тянули. Заменили отцов и старших братьев, многие из которых не вернутся домой. А хлеб сеять надо! Картошку сажать, скотину досматривать. И благо было матери иметь такую опору. В те суровые годы рано выросли дети. Глядя на старших, и малыши выполняли посильную работу по дому, не капризничали, обходились скудной однообразной пищей — жалели матерей. А они, матери, себя забыв, работали с зари до ночи, тянули деток. Отплакав над похоронкой, собирали волю в кулак и — к детям, к хозяйству, на поле. Но и утешение приобретали к старости — добрых, заботливых детей.

...В заботах и трудах прошла зима. Март тоже трещал морозами и белел, прогрелась земля под лучами теплого солнца и была готова принять зерно. Семена собирали по крохам по всей деревне. Из Бушовки и Демидовки тоже несли торбочки — все понимали, что, не урезав свой паек, останешься без хлеба на весь следующий год. Посевная была долгой: не хватало работников. Хлопцы-подростки, не доедавшие и худые, не могли работать в полную силу. Сложилось так, что и здесь нужно было основную тяжесть нести Моисею — ходить за плугом. Христина тоже трудилась в поле — сеяла, водила коня. Дома огород сажала. Детей на свекровь оставляла. Мария Захаровна в заботах о внуках забывалась. Казалось, черное горе отступало и тяжесть, сдавливающая сердце, уходила. Вот куда сгодилась теперь — только внуков смотреть. Бабушка! Исаак вон худо-бедно на полях сыну с невесткой помогает. Дома не привяжешь. А она отработала свое. По дому еще может потихоньку, а в грядках, где силы больше нужно, — одышка, сердце прыгает.

Мария опять задумалась, вспомнила Лешку Митрохина. Пришел он вчера домой без ноги. До поворота полуторка подвезла, а там уж сам на костылях. Настя стояла все, вглядываясь. Потом как узнала — кинулась бежать, закричала. Обняла его и сползла на землю, прижалась к ноге его... Стояли бабы и смотрели, а Лешка просить стал:

— Настуля, встань, люди смотрят...

— Ой, Лешенька...

К отцу бежали ребятишки, тоже плакали:

— Папа, папа вернулся!

Выплакалась Настя, да и улыбнулась: радость ведь! Живой!

...Непростым выдался 1945 год в деревне. Все ждали конца войны и возвращения с фронта мужей и сыновей. Налаженный репродуктор вещал радостные новости о победах наших войск в Европе.

— Добьют-таки гада, — дед Ерофей скинул кепку и смачно ляснул ею о землю, как бы в подтверждение своих слов.

— Ох, быстрее бы уж, — тетка Груша вздохнула, сынок у нее воевал.

— Кинисберг штурмуют, вскорости и Берлину каюк.

В репродукторе затрещало, и он замолк. Народ потихоньку расходился. Михалёвы-родители не выходили к правлению, новости им рассказывали Моисей и Христина. По утрам Данилка забегал — воды принести, дров. Хлеб стало тяжело печь Марии Захаровне. Невестка напечет, да с сынком и передаст. Сдавали родители, слабели.

К концу весны стали приходиться с войны сельчане. Рабочие руки были ой как нужны деревне! А они были наперечет. Полегли работники в чужой стороне...

Отплакала деревня, отголосила... И стала жить. Живому — жизнь, а погибшему — память. Но то и дело бабы, выходя со двора, оборачивались и вглядывались в даль дороги, что вела на станцию. Авось придет... Ведь бывало же, что похоронка пришла, а солдат возвращался. И каждая ждала, что такое чудо произойдет именно с ее мужем или сыном.

Вернувшиеся втягивались в жизнь деревни с ее трудами и заботами. Стосковавшиеся по плугу и косе руки работали с особым усердием и радостью. Главное — войне конец, а с работой они совладают, не пропадут.

...Моисей стоял на месте озера. Он и сам не понимал, почему его тянуло сюда. Детство подернулось дымкой, вспоминалось неясно, как в тумане виделись в памяти дом и усадьба. А вот озеро так и звало к себе. От него осталась только небольшая лужица — почти высохло озеро. Вот дождь пойдет — и опять заполнится оно, зеленая ряска затянет дно. Нечасто мог прийти он сюда — первый послевоенный год был сложным: нужно было засеять поля, не упустить сенокос. А работников немного. Из их деревни ушли воевать пятьдесят мужиков, а вернулись пятнадцать. Да и пятеро — кто без ноги, кто без руки. Вот и отсейся...

Солнце стояло в зените, на небе ни облачка.

— Эх, как же дождь нужен! — мысли Михалёва то и дело возвращались к больному вопросу. Посевы взошли и наливаться стали. Земля высохла, а дождя нет и нет.

Моисей двинулся к дому. Работы на полях замерли. Зной стоял нездешний. Солнце жгло нещадно.

— Уж, должно, к дождю так смалит, — говорили старики. Но дождя не было и не было. Христина вчера сказала, что зерна совсем мало, картошка закончилась. Куры ходят голодные — трава порыжелая и высохла. У них и было-то три курицы, да когда снесутся — вот и яичница для малышей. А тут и нестись перестали с голодухи. Зарубить их, что ли? Кожа да кости — хоть бульон какой-никакой.

Невеселые думки погнали Моисея в овраг возле леса, авось там какая трава осталась в низине? Он шел быстро, то и дело поглядывая на небо. Если б пошел дождь, пусть бы вымочил его с головы до ног. Моисей был бы только рад! Но безоблачное небо казалось тоже сухим и выгоревшим. Травы он не нашел, нарвал сухих цветов зверобоя и ромашки и отнес курам.

Новый день не принес никаких перемен. Теперь все дни были похожи один на другой. Да и никто уже не различал дни недели. День от ночи отличался только наличием солнца на небе, ночь — темнотой. Солнце весь день висело на безоблачном, словно выгоревшем от жары небе. Оно как будто получило задание — выжечь все живое. Теплое весной, горячее, дающее возможность расти всему живому летом, сейчас оно превратилось в мучителя, от которого нигде нельзя укрыться.

Жизнь как будто остановилась. Нигде не слышен был детский смех и возня, не торопились на поле и сенокос мужики и бабы — косить было нечего. Рыже-коричневые травы рассыхались и ужимались, обнажая пепельно-серую землю. Ни на полях, ни на огородах ничего не росло. Вода почти ушла даже из колодцев, ее берегли и пили понемногу. Дети не бегали по улице — все больше лежали. Изможденные, с серыми лицами, они напоминали маленьких старичков.

У Михалёвых в доме было тихо. Дети то лежали, то сидя смотрели в окно. Иссохшие — в чем душа держится — Христина и Моисей сидели на кухне. В их головах засела одна мысль: чем кормить детей? Давно съедены куры — Христина разварила их кожу и косточки в супах и понемногу давала малышам. Моисей уже исходил вдоль и поперек болото и дальний лес, где он жил с лошадьми. Только ничем не разжился — и там сухо и пусто. Даже птицы попрятались куда-то, как вымерли. Вот и сидели родители, не зная, что предпринять и где еще искать спасения от голода. Вместе с отсутствием пищи уходили и силы — утекали куда-то из недавно крепких, молодых тел. Да и с работой произошло то же самое — она исчезла. Труд, в эту пору иногда непомерный и нескончаемый, составлял весь смысл сельской жизни. Как теперь оказалось, он был и радостью. И покосы, и полевые работы, и женские хлопоты на кухне, и многое другое было залогом благополучия каждого дня, предстоящей зимы и всего года. В труде проходили все дни, его немного уменьшалось лишь зимой. И как радовалось сердце, созерцая плоды этого труда. Отними у крестьянина труд — и что останется ему?

Пыталась мать печь лепешки из березовых листьев и ржаной соломы, но у детей после них болели животы. Но Христина все равно их готовила, приправляя принесенными Моисеем черничником и земляничником. Из веток малины варила чай. Иногда отец приносил несколько мелких рыбешек — тогда дети получали по мисочке ухи. Родители довольствовались бульоном.

Михалёвы молились о дожде, о сохранении детей. Только молитва помогала им терпеливо переносить эту беду.

...Тени двигались по полю мимо березовой рощи. Падали и не вставали уже. Кто-то достигал деревни и падал возле чьей-то калитки. Это украинцы устремились в Белоруссию, надеясь найти спасение от голода. Обтянутые кожей кости, запавшие глаза — люди мало походили уже на людей. Не ведали они, что ничем не могут им тут помочь, что белорусские деревни тоже голодают. Но они все шли и шли. Падали, не оставив ни имени, ни места, откуда родом. Михалёвцы, бушовцы и демидовцы, вконец обессиленные, шли по окрестностям и собирали их тела. Опускали в безымянные, с великим трудом вырытые могилы детей, женщин, мужчин. Единственная работа осталась сельчанам — собирать эту страшную жатву смерти и отдавать последний христианский долг таким же, как они, страдальцам. Сегодня пришел их час перехода из земной юдоли в небесные обители, а завтра те, кто предаст их земле, могут сами упасть, как спелые колосья под серпом жнеца.

— Упокой, Господи, усопших рабов Твоих, их же имена веши, — молились живые над умершими. Спокойно, без эмоций. Они куда-то исчезли — все эмоции. Не было причин плакать, радоваться, раздражаться. Организм как будто отсекал все лишнее, на что тратились душевные и телесные силы, которые нужно было во что бы то ни стало беречь для одной-единственной цели: выжить, сколько возможно. Ради детей. Ради

родителей и супругов. И ради этого тоже — последнего долга христианским душам.

Великое дело — долг христианский. Даже в нечеловеческих условиях он держит человека, помогает человеком оставаться. Ты можешь не иметь ничего, быть лишенным пищи, быть тяжело больным, но пока в тебе теплится душа, ты по мере сил печешься о близких. А близкие, как известно, те, кто рядом, кого Господь послал тебе сегодня, может, даже на один миг.

Сон был липким и вязким. Несколько раз Христина просыпалась, садилась и осматривалась. Видя в полутьме знакомые очертания предметов, ложилась опять. Что-то темное и страшное надвигалось на нее вновь. Она пыталась скрыться, но оно преследовало ее по пятам. Женщина металась. Моисей проснулся, погладил ее по голове и успокоил. И вот она на красивом зеленом цветущем лугу. Ласковое солнышко приятно греет кожу. Летают пчелки с цветка на цветок, своим жужжанием умиротворяя и наполняя сердце какой-то радостью, ожиданием чего-то хорошего, как бывает только во сне. Вдруг поодаль Христина видит бабушку и дедушку. Они, молодые и улыбающиеся, машут ей руками. Она понимает, что зовут ее куда-то и нужно идти...

Женщина села на кровати. Необъяснимая связь сна и реальности требовала разгадки. Михалёва вспоминала давно ушедших маму, ее родителей и все события, связанные с ними. Память выхватывала яркими пятнами чувства, переживаемые тогда маленькой девочкой: любовь, забота близких, теплота и покой. Особенно четко вспомнился тот день, когда Христя в последний раз видела бабушку и дедушку.

— Моисей, Моисей, — тихонько потрепала за плечо мужа.

— Что? Темно еще, что ты? — он открыл глаза.

— Послушай меня. Ты помнишь, я тебе рассказывала про деда и бабу?

— Рассказывала. Приснились? — муж попытался притянуть жену к себе, но она не позволила себя уложить.

— Моисей, не говорила тебе, да и сама давно забыла. А теперь так явственно помню. Виделись мы с ними за день до того, как их забрали. Слова мне сказали они.

— Что сказали?

— Показали место у трех сосен и сказали запомнить. Мол, когда умирать будешь от голода — копай тут, хлеб найдешь.

— Хлеб? Как-то чудно...

— Моисей, нужно проверить. Не стали бы они просто так говорить такое.

Еле дождавшись рассвета, супруги взяли лопаты и отправились искать место, которое когда-то указали паны Вислоцкие.

...Три сосны за лугом, у одной срезана верхушка — должно быть, снарядом снесло. Между второй и третьей стали копать — земля как цемент. Моисей долбил ломом, а Христина отгребала лопатой груды. Когда сняли верхний слой дерна, дело пошло немного легче. Полметра вглубь выкопали.

— Христя, может, нет тут ничего?

— Ты думаешь, зря дедушка и бабушка говорить стали бы? — ни тени сомнения не было в голосе женщины.

— Так, может, уж нашел кто? Столько времени минуло... — Моисей сомневался.

Но под напором непоколебимой уверенности жены продолжал пробивать землю, одновременно прошупывая ее вглубь. Лом входил в толщу, проворачивался, вбивался рядом — и куски земли легко отходили. Вдруг он ударился во что-то твердое с характерным металлическим звуком. Михалёвы осторожно подкопали и обнаружили край какого-то черного предмета. Забыв про усталость, супруги постепенно освободили его от слежавшегося грунта. Их взору предстала большая, покрытая смолой бочка.

— Христя, неужели правда — хлеб?

— Должно так, бочки-то, где указано, лежат.

Делая подкоп для того, чтобы выкатить ее, Моисей и Христина наткнулись на вторую... Солнце уже стояло высоко, когда они, вконец обесиленные, присели под сосной отдохнуть. Пять огромных просмоленных бочек лежали в вырытом ими овраге.

— Как мы их выкатим? — Христина откинулась на землю. Даже сидеть у нее сил не оставалось.

— Ты полежи, милая, и иди к детям. Я схожу за отцом, за Григорием. Одолеем.

Длинные лаги из досок помогли выкатить бочки вверх. По ним же и загружали находку на воз. По одной возили во двор — кони слабы от бескормицы. Когда все бочки стояли в сарае, Моисей вскрыл одну. Осторожно подпилит ножовкой крышку, приподнял... и остолбенел. Внутри лежало янтарного цвета зерно. Вид у него был такой, будто его только вчера собрали и засыпали в эту бочку. Чистое, не тронутое плесенью и вредителями. Михалёв погрузил руки в бочку, медленно поднял их — золотые зернышки сбегали с ладоней. Он поднес их к лицу, прижал, сиюсь унять слезы. Стоящая рядом жена перекрестилась:

— Слава тебе, Господи! Благодарю тебя! Упокой, Господи, души рабов Твоих Анастасии, Василия! Спасибо вам, бабушка и дедушка! — тихо молилась и плакала Христина.

— Вытянем деток! Слава Господу! — шептал, стоя над зерном, Моисей.

— Явил Господь чудо!

Потрясенные супруги только и могли благодарить и молиться о родных, которые из тех далеких времен протянули им руку помощи и избавили от неминуемой гибели.

...В доме пахло хлебом. Малыши собрались на кухне возле печи и смотрели как замороженные, вдыхая забытый аромат. Лепешки из соломы не пахли. А сейчас даже с добавками из сухих трав и листьев тесто, запекаясь, наполняло хлебным духом, казалось, не только избу, а весь двор. Изголодавшиеся дети еле дождались, пока испечется и остынет хлеб. Они пальчиками дотрагивались до каравая, и им казалось, что он уже холодный.

— Мама, уже не горячий, — это Степка.

— Нет, милый, еще нельзя.

— Надюшка, Данилка, поиграйте пока с малыши во дворе.

Старшие вывели ребятню за угол дома, где была тень, и стали рисовать палочками на земле. Но все поминутно оглядывались на двери сеней: не покажется ли мама, не позовет ли уже кушать. Наконец их позвали домой. Дети уселись за стол и, не отводя взгляда, смотрели, как мама отрезает ломти от круглого каравая.

— Только кушайте понемногу, откусывайте маленькие кусочки, — мама каждому дала по ломтю и налила чай из земляничных листьев.

Ели тихонько и не спеша, не забыв в молитве поблагодарить Бога. Слова «хлеб наш насущный» звучали из уст детей с особым смыслом — вот он, хлеб! В этот день впервые за долгое время избу осветили детские улыбки. А счастливая мать, завязав в узелки по полкаравая, велела отнести деду с бабкой Михалёвым и деду Грише с Маней.

...Лето шло на спад. Перестало нестерпимо жарить солнце. Ветер уже не был таким горячим. Все чаще выбегали дети Михалёвых на улицу.

— А почему Мишка с Ванькой не выходят? — Надюша внимательно посмотрела на брата.

— Да и Клавы не видно. Пойдем к ним.

Данилка с сестрой пошли к соседской избе, постучали. Дверь открылась, и вышла худющая как жердь тетка Галя:

— Что вы, дети?

— А Миша и Ваня выйдут?

— Куды ж им? Лежат...

— А можно к ним?

— Идите, — тетка пропустила детей в хату.

— Мишка, Ванька, идем на улицу, — Надя с Данилкой подошли к лежащим на кровати мальчикам.

— Слабо нам, силов нет. Кушать надо бы.

— А ваша мама не спекла хлеба?

— Спекла лепешки из соломы, только рвет от них. И есть хочется, а поешь — хуже станет.

— А наша спекла вкусный! — Надя поделилась радостью.

— Настоящий?

— Самый настоящий!

— А откель же у вас мука?

— Не знаем мы. Папка сказал, Бог дал.

Мальчики лежали с ввалившимися глазами и с трудом говорили. Увидев, что глаза у них закрываются, сестра и брат ушли.

— Почему им Бог не дал хлеба? — спросила Надя.

— Не знаю, может, молятся плохо.

— Может. Взяли бы и попросили. Он бы и дал. Как нам.

Дети вошли в свой двор и стали помогать Анечке, Маше и Степке строить из палочек колодец.

Христина замочила немного зерна на кашу, подмела избу. Надо бы сходить к своим. Накинула свитку, открыла дверь и в сенях столкнулась с Галей.

— Христя, я к вам.

— Заходи, — вернулась в избу, пропустив соседку.

— Слыхала я, хлеб есть у вас, — слабым, с привздохом, голосом заговорила. — Мои-то детушки измаялись животом, должно, доходят родимые. Спасите, дайте зерна немного, — Галя упала на колени и протянула к Христине руки.

Вошел Моисей, взглянул на жену. Их взгляды встретились, и каждый увидел в глазах другого ответ на просьбу бедной матери.

Собрав фартук руками, стояла Галя и принимала в подол не зерно, а жизнь для своих детей. А муж и жена ничего не сказали друг другу. Они могли обходиться без слов, понимая все по глазам. Не знали они, когда голод закончится, когда приждут они урожая, коли и сеять нечем. Как не

знали и того, хватит ли их семье зерна до этого урожая. Но как не дать матери для детей? Как можно спасти своих и обрекать на смерть других? И Михалёвы давали.

После Гали пришла Глаша Синькова — насыпали и ей. После Глаши — Ганна Копытина, Настасья Зырина, Маня Содаль... Всем насыпали в подолы янтарные зерна. Кланялись бабы, благодарили, хватали за руки, чтобы поцеловать.

— Бога благодарите, — вырывали руки Михалёвы.

Неловко им было, что считают их спасителями. Один у нас Спаситель! А они просто делятся тем, что им послано. Этой неожиданной посылкой из прошлого.

В тихий сентябрьский день во дворе Моисей чинил конскую сбрую. Неподалеку играли ребяташки. Христина развешивала выстиранное белье. К калитке подошла очень худая женщина, держа за руку такого же изможденного ребенка.

— Помогите, — попыталась крикнуть, но из горла вышел только хриплый шепот.

Покачнулась, пытаясь схватиться за калитку, и рухнула, увлекая за собой девочку.

— Моисей, — Христина бежала к калитке.

Девочка лежала рядом с матерью и не мигая глядела на склонившихся. Мать не проявляла признаков жизни. Положив руку на шею женщины, Христина услышала слабый пульс.

— Она жива, помоги.

Моисей поднял на руки невесомое тело и отнес в дом. Девочку несла Христина. Малышка смотрела отрешенно. Стоило немалого труда уговорить ее открыть рот и влить туда немного овсяного киселя. Проглотив немного пищи, дитя уснуло. Ее мать еле смогли привести в чувство. Немного покормили, объяснили, что дочь спит, и тоже наказали поспать. Ребят родители попросили не шуметь и не беспокоить больных.

— Они долго не ели и совсем ослабли, — говорила им мама. — Пусть отдохнут.

— Что будем делать, Моисей?

— Ты и сама знаешь. Раз дошли живыми — выхаживать нужно.

Беженки оказались из-под Львова. Мать звали Ирина, а девочку — Ольга. Сколько они шли — не помнили сами. Пили воду из речек и луж, ели траву и листья. Изредка им давали сердобольные бабы, сами голодающие, хлеб из опилок и лебеды. Как дошли? Господь хранил. Все родные умерли. Муж и двое деток — в дороге. Одни они и остались. Все это через несколько дней смогли узнать от Ирины Михалёвы.

— Пойдем мы. Спаси вас Бог, что не дали умереть.

— Куда ж пойдете? Засуха пожгла все. Везде голодуха.

— Не знаю...

— Оставайтесь. Раз Господь привел — так тому и быть должно. Как мы, так и вы.

Глаза Ирины наполнились слезами:

— Я помогать буду, я уже смогу.

— А и что ж тут помогать, коли сама не стоишь на ногах. Окрепнешь — поможешь. А покуда и делов особо нет — огород пропал, в поле тоже погорело все. Перезимовать бы, а там уж нешто нарастет.

...И зиму, и весну, и лето жили Ирина с Олей в семье Михалёвых. Мать по мере сил помогала по дому Христине, девочка играла с детьми. По

весне ребятишки бегали на луг за диким щавелем для щей, собирали мяту и другие травы для отваров. Как могли участвовали в заботах семьи о хлебе насущном. Всякую зелень и травы добавляла Христина в хлеб и лепешки, варила и кисель из муки. Ирина варила суп с галушками, как дома, на Украине. Бабы так и приходили за зерном, когда неведомо было. Не могла отказать никому Михалёва. Бочки потихоньку пустели, а люди все приходили... Но, удивительное дело, зерна хватило до нового урожая. Оно уменьшалось, но совсем не заканчивалось.

— Хрестя, ты вчера отсыпала Алене зерно? — вошел в хату Моисей.

— Да, была она.

— Немного взяла?

— Да полный котелок.

— Так не видно, чтобы меньше стало.

— А что ж там увидишь с одного раза?

— Нет, Хрестя, уж давно замечаю я: пора уж выйти зерну, а оно все в той же мере.

— Милость Божия, — перекрестилась жена.

Видя явное чудо, они, не сговариваясь, встали на молитву. После Христина размышляла: получается, что найденное зерно не только их семью, но, почитай, всю деревню спасло. И эту женщину с ребенком, которой Господь судил дойти живой до их дома. Да воздаст Он бабушке и дедушке за их любовь и заботу!

...Моисей поправил сбрую у Ястреба и вывел его за ворота конюшни. Нужно было ехать в дальние луга за сеном. Конь приветственно зафыркал и, наклонив голову, ждал, что конюх его погладит. Михалев выделял этого коня, когда принял под свое начало табун. Серый, с темным хвостом и ушами, Ястреб напоминал ему Цезаря из детства. Такой же резвый и ласковый одновременно, конь привечал нового конюха и подчинялся ему беспрекословно. Каким-то неведомым хитросплетением генов и обстоятельств его мать Венера унаследовала черты арабских скакунов. Ее, раненую, оставили наступающие части наши в Лозах. Моисей выходил кобылу, и она принесла Ястреба. Конь совсем не походил на обычную тягловую лошадь. Порода чувствовалась во всем: в грациозной стати с тонкими длинными ногами, особой посадке головы, резвости нрава. Моисей старался не использовать этого коня на тяжелых работах, разве сено привезти или с каким поручением съездить в Буда-Кошелево.

Христина работала в правлении, помогала молоденькой Дарье, учила ее всему. Родители Михалёвы умерли в восьмую годовщину победы один за другим. Голод пережили, не старые еще, но как-то угасли, истаяли. Дети, как птенцы, покинули родительское гнездо и обзавелись своими семьями. Данила жил в Бушовке. Двое внуков уже подарил родителям — Ваню и Наташу. Работал в колхозе трактористом. Надежда с мужем и двумя детками — Сашей и Вовкой, жили в Демидовке. Оба работали на ферме. Степушка служил в армии. Анюта выучилась на бухгалтеру и работала в соседнем колхозе в Рубичах. Там познакомилась с трактористом Колей, за него и вышла замуж. Красивая, видная Анна мечтала о другой партии, но неотступность и доброта парня решили дело. С родителями осталась только Мария, девушка неприметной внешности, тихая и очень набожная. «Где найдет она себе пару?» — часто думала Христина о дочери.

А судьба сама нашла девушку. Говорят же, судьбу и на телеге не объедешь. Вот и Маша столкнулась с ней лоб в лоб, почти буквально. Шли они с двоюродной сестрой Катей из Буда-Кошелево через лес и встретились там с двумя парнями. Только и спросил один из них: кто родители и где живут? Вот и здравствуйте! На пороге жених с букетом полевых цветов. Сцена вышла довольно комичной и грозила закончиться не очень приятно, если бы не мудрость Христины Леонтьевны. Немало озадаченные и ошарашенные родители пригласили Константина, как представился жених, к столу и позвали дочь:

— Мария, кто это?

— Вчера встретились в лесу, когда с Катей шли.

— Он сватает тебя.

Маша смотрела на «жениха» округлившимися глазами и молчала. Во время чаепития Костя рассказал, кто он есть. По всему выходило — стоящий парень. Образован, трудолюбив, строит свой дом. Самостоятельно. Все это обсудили вечером. Родители не давали советов, сказали:

— Решай, Маша, сама, выходить или не выходить.

Мария решила: выходить!

Свадьбу сыграли после Покровов. На конях молодые съездили в сельсовет, записались и почти сразу после застолья уехали в новый кирпичный дом в Буда-Кошелево. Внутри еще не все отделано было, но кухня и комната готовы. «Остальное по ходу доделаю», — убедил тещу и тестя молодой муж. И остались Михалёвы одни... Степан из армии написал, что возвращается. Да не один, а с невестой. Встретили — худенькая, маленькая, скромная девчушка с веснушками. Несмело улыбается, зовет папой и мамой. Да и ошарашили молодые — поедут жить к невесте в Гродно. Вот и дождались...

Незаметно стали Моисей и Христина бабушкой и дедом. Теперь уж по всем статьям, как ни крути. Степан и рыженькая Оля ребеночка тоже ждут. В деревне кто помоложе, так и звали Михалёва — дед Масей. Что ж, пора пришла для жизни вдвоем — как в молодости. Только тогда недолго так жили — дети рождаться стали, а теперь уж — вековать. Разве съедутся когда дети-внуки, полон дом людей. Но одинокой стариковской жизни не случилось у супругов. Человек предполагает, а Бог располагает.

У Марии и Константина родилась доченька Светочка. Декретный отпуск маленький. Посидела с лялькой молодая мама, сколько положено, да и привезла бабе и деду, а сама — на работу. С тяжелым сердцем отдавала кроху, а что делать-то? И то легче, что недалеко Михалёвка от города.

...Посветлели лицами Моисей и Христина. Словно бы и морщинки у них разгладились. Как же, радость-то какая! Внучку Бог послал им на воспитание. Не залежишься теперь, не заскучаешь. Надо ребенку завтрак сготовить особо, малыши-то едят не все. И потетешкать, и понянчить. Родители приедут, нацелуют, навезут всяких лакомств городских, да и уедут с мокрыми глазами. А бабе с дедом — каждый день новые радости: то зубик вылез, то ножками пошла их девочка. А в один день слово первое сказала: «баб». Бабе и радостно, и горько: отвыкнет от матери дитя. Светочка засыпала под молитву деда и бабушки. И так ей спокойно-спокойно спалось, снились ангелы и теплые облачка, на которых она качалась, как на качелях. Моисей душою прикипел к внучке. Видел в ней себя: характер малышки рано проявился. Полуторагодова-

лая Светочка, надув губки, внимательно смотрела, как бабушка застегивает ей кофточку. Через два дня одевать себя не дала — пыхтя и сопя, натянула штанишки и застегнула сама кофточку. Полы оказались разной длины, но девочка не позволила исправлять результаты своих трудов. Вскоро идти одетым пришлось и коту Мурзику. В этом противостоянии двух натур победу одержала Светочка. Кушала тоже сама, держа по-взрослому ложку. На молитву становилась вечером — тоже кланялась и пыталась креститься. Христина сложила ей пальчики и своей рукой наложила крестное знамение. Научила и первой молитовке: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» Светочка, положив три поклончика, шла в кровать. Смотрела на бабушку и дедушку и незаметно засыпала под звуки молитвы.

Как же чудесно было Светочке жить у деда и бабы. В доме трется о ноги кот Мурзик. Во дворе ходит бусел. Его можно гладить, и он не боится. И хоть он и выше, чем Светочка, все равно можно дотянуться, если встать на цыпочки. Он дает потрогать клюв, перышки на спине. Бусел уже знает ее, Свету. Когда приходит кто чужой, птица взлетает в свое гнездо на груше. Светочка собирает под деревом белые перышки и играет с ними. А огород у бабы большой-пребольшой. И чего там только нет: и огурцы, и спелые помидорки, и кустики с ягодками. Но особенно любит девочка грядку с клубникой. Бабушка всегда просит: «Ягодки собери в мисочку, я помою». Зачем их мыть? Они такие вкусные прямо с кустика, такие блестящие и сладкие. А еще дедушка водил ее на озеро. Сказал ей:

— Это наше озеро, Светочка.

Такое красивое оно, как в книжке про слоненка. Вот у Витьки нет озера, и у Ленки нет, а у них с дедом есть! Свое!

А вчера приезжал дядя. Взял ее на руки и подбрасывал. Он такой добрый, и от него вкусно пахло. Привез ей большой мешок конфет. Все спрашивал:

— Светочка, не забыла меня?

Тут и бабушка:

— Светочка, кто к тебе приехал?

Девочка внимательно посмотрела и ответила:

— Дядя.

— Не дядя, а папа. Папа твой, Светочка.

— Папа, — повторила непривычное слово и увидела, что дядя-папа заплакал.

Конечно, конфеты — это хорошо. Но папа и мама далеко, и к ним не хотелось. А тут ей так чудесно жить с бабушкой и дедушкой. И они не плачут!

Бабушка купала Светочку в бане. Это было так весело: можно было плескаться в большом тазу, ловить игрушки, верещать, когда бабуля моет волосики. Зато потом она поливала головку пахучей водичкой — отваром из трав, заворачивала в большую простыню и вела в хату. А там — кувшин киселя из смородины и пироги! Не успела девочка покушать, как вошел папа:

— Света, у тебя братик родился. Поедем смотреть.

Девочка задумалась. Она не хотела уезжать, но посмотреть братика хотелось.

— Поедем.

Бабушка зачем-то собрала все ее одежды в большую сумку. Они с дедушкой вышли провожать и все вытирали глаза.

— Бабуля, дедуля, я скоро приеду, только посмотрю братика.

Маленький Виталик был таким крохой. Все время или кушал, или спал. Так смешно махал ручками и хватал Свету за палец.

— Видишь, какой хорошенький. Подрастет — будет с тобой играть, — сказала ей мама.

— Я уже посмотрела Виталика, теперь хочу к бабе.

— Светочка, мы теперь будем вместе жить. Все детки живут с мамой и папой. А в деревню будем приезжать.

— К бабе, к деду! — девочка расплакалась и не слушала никакие уговоры.

— Хорошо. Сейчас папа на работе. Когда придет, мы попросим у него, чтобы тебя отвез.

Света уснула и сквозь сон слышала, что кто-то разговаривает. Осталась до выходных девочка помогать маме с условием, что отвезут к бабе. В деревне, издали услышав звук отцовского мотоцикла, Светочка убежала и пряталась.

— Баба, деда, я все буду помогать вам. Можно, я буду жить с вами?

Немало пришлось приложить усилий родителям, чтобы уговорить дочку жить с ними. Мудрость, терпение, вера и любовь сделали свое благое дело — девочка ответила нежной привязанностью своим родителям. Но особая связь с дедушкой и бабушкой сохранилась у Светланы навсегда.

Каждый человек проходит свой путь, порой трудный и тернистый. Но великое благо и помощь — любовь к своим корням. Эта невидимая нить связывает живущих и ушедших. Она — опора и указующая рука в лабиринте жизненного пути.

Роман Айзенштат

О ПРОШЛОМ
НЕ СОЖАЛЕЮ...

Синдром Спинозы

У меня синдром Спинозы —
Обещаниям не верить,
Все обдумать, все примерить,
Даже смех и тот сквозь слезы.
Подвергаю все сомнению,
Критикую даже власти,
Целое делю на части,
К общепризнанному мненью
Прихожу не очень часто.
Даже то, что непреложно,
Для меня порою ложно,
Неприемлемо, неясно.
Сквозь логическую призму
Провожу чужие взгляды.
Оппоненты мне не рады,
Подвергают остракизму.
Оппонируют невежды,
Что живут в плену у догмы,
Потакать таким не смог бы...
Не оставляю им надежды!
Слышатся порой угрозы
Тех, кто мною недоволен.
Что поделать, я ведь болен,
У меня синдром Спинозы.

Диалог

— Скажите мне, а вы уверены,
Что идеалы не потеряны,
Что лучшему уже не сбыться
И потому не стоит биться
За дело то, что вроде правое,
И с виду только очень бравое?
Оно давно на ладан дышит.
За нас решает кто-то свыше.
— Я думаю, не все пропало,
Ведь жизнь пуста без идеала,
И, до конца ему служа,
Мы не оставим рубежа.
Злу на Земле не утвердиться,
Должно ведь что-то измениться.
Чтоб род людской не извести,
Пора нам жить по совести.

Дружили гармошка со скрипкой

Дружили гармошка со скрипкой,
Играли в умелых руках.
Гармошку встречали с улыбкой,
А скрипку — с печалью в глазах.

Владельцы их, пьющие оба,
Русак и галутный еврей.
Толстяк и, как спичка, худоба,
Совсем непохожи, ей-ей.

Что общего у музыкантов?
Запойная к музыке страсть?
А может, сдружились таланты,
Чтоб в жизни совсем не пропасть?

Скитались, порой голодали,
Довольствуясь скудной едой,
И горькое зелье вкушали
Из кружки заветной одной.

Их знали в поселках и селах,
И даже в глухих хуторах.
Один был с усмешкой веселой,
Другой — с вечной грустью в глазах.

Но все в этой жизни так зыбко,
А ненависть вовсе глуха.
Сгорела в Освенциме скрипка,
Гармошку порвал вертухай.

Сегодня я без водки пьян,
 Я пьян от недосыпа,
 В мозгу забористый туман,
 Он мысли все рассыпал.
 Живу без них, обрывки лишь,
 Отрывки сновидений.
 А раньше было — весь горишь
 И сколько наблюдений!
 Есть мнение о том, о сем,
 Идея за идеей,
 Сейчас же прямо лось лосем,
 Не понимаю, где я.
 Я жив иль это полужизнь,
 На уровне амебы.
 Твержу себе: «Держись, держись!» —
 Не опуститься чтобы...

Песенка стареющего

Старею, старею, старею...
 Все чаще хандрю и болею,
 В руке своей рюмочку грею,
 Да, время пришло, что не пью.

Старею, старею, старею...
 Людей понимая, жалею,
 О прошлом не сожалею,
 Судьбу ни за что не корю.

Старею, старею, старею...
 Но сердцем пока не черствую,
 Мне дорого все, чем владею,
 И «нет» объявляю нытью.

Старею, старею, старею...
 Все больше и больше седею
 И знаю, что вряд ли успею
 Обнять тех, кого так люблю.

Я прошу для людей милосердия,
 Знаю, выгляжу очень беспомощным,
 Сострадания к плачущим, стонущим
 И у неба прошу, и у тверди я.
 Мир веками страдал от жестокости,
 Но пришли времена электронные,
 Смерть находит пути изощренные,
 Чтоб лишить человечество стойкости.
 Человеком природа замучена,
 И смешалось, что ложно, что истинно.
 Сострадать! Ничего не проиграно,
 Над землей будет небо растучено.

Федор Конеv

ОПАСНЫЙ ЖЕНИХ

Роман

НАСЛЕДИЕ

По рассказам старой Маньки, которая была его повивальной бабкой, Прокопий родился в белую ночь с открытыми глазами. Манька разрезала ножницами пуповину, сполоснула ребенка теплой водой над деревянным корытом и закутала в шкуру молодого олешка, хотя роженица на этот случай припасла фабричные пеленки. Мальчик не плакал, как все новорожденные, а пристально смотрел на женщину, тогда еще не такую седую и страшную, и на лице его изобразилась мука. Ей приходилось принимать детей и прежде, но этот случай старуха вспоминала до последних дней и все говорила, как ей стало не по себе, когда черные глаза мальчика стали голубеть, а с лица сошло страдание. И так уж Маньке тогда неладно стало, что она вышла на улицу и только там успокоилась.

Бабушка Прокопия Лукерья умерла рано от какой-то странной болезни. Она часто кричала, будто ее черти разрывали изнутри. Старая Манька говорила, что бедную женщину погубила порча. Старуха слышала, что такие случаи бывали в старину. Видимо, старая Манька подумала и о том, что порча может передаваться по наследству. Уж очень странно, по ее мнению, появился на свет ее внук.

Мать Прокопия звали Ульяной. До материнства она была довольно живая, подвижная и смешливая девушка, очень работающая, из тех, что без дела не могут сидеть, а постоянно хлопочут, забываются недолгим сном и снова суется, крутятся, неумоимо чего-то ладят.

Неизвестно было, от кого понесла семнадцати лет девушка, которая никуда последние годы не ездила, а женихов по всей округе не было, одни медведи шастали по тайге. Правда, водился, по слухам, лешак в лесу... Но мало ли что болтают!

Эта неизвестность больше всего заинтересовала отца Ульяны, деда Прокопия. Это был пришлый человек. Он

появился в стойбище в самом начале пятидесятых годов. Никто не сомневался, что он человек беглый, о таких людях ходило много слухов. Осевший оленевод Ефимка сам видел в тундре длинные постройки за колючей проволокой. Он с оленьим стадом каслал мимо и все запомнил. Он говорил, что в тех бараках, по слухам, живут плохие люди, поэтому весь поселок окружен колючей проволокой, по углам стоят вышки и на них дежурят солдаты с автоматами. Ефимка даже видел, как этих людей вели колонной куда-то, может, на работу, тогда через тундру строилась железная дорога. Они были похожи на стадо оленей, потому что за ними шли конвоиры, как пастухи, и лаяли собаки, которых держали на поводках, потому что эти псы были очень злые в отличие от брехливых, но не кусачих лаек.

Поселяне пришлого человека выдавать милиции не стали, он был очень измучен и чуть не помер, а когда женщины выходили доходягу, им стало жалко его. Он оказался очень добрым, безобидным и работающим. К тому же он оказался своим, то есть тоже коми-зырянского роду. А разве своих выдают!

Этим беглым человеком был Матвей Мезенцев.

Все у него могло сложиться иначе, ходил бы в профессорах, жил бы в достатке, судьба для этого только разве ковровую дорожку не постелила. Но вот надо ж было ему с молодых лет увлечься поиском истины, что не всегда приводит к добру.

Родился он в городе Сыктывкаре в тридцатом году прошлого столетия. Был выходцем из пролетарской среды — сын техника лесозавода и разнорабочей того же предприятия. Этим анкетным данным в те времена придавали большое значение. Мальчик смог окончить школу и поступить в институт без всяких проволочек. К тому же Матвей оказался смышленным и старательным, в институте на него обратил внимание один из преподавателей. Этот человек занимался историей коми народа, его мифологией, его духовным развитием, имел научные публикации, был еще достаточно молод и многие надежды питал, будучи одержим наукой, иначе и не скажешь. Матвей стал его лучшим учеником.

В своей дипломной работе студент Мезенцев написал об огромном значении миссионерских стараний Стефана Пермского. По словам дипломника, выходило, что принятие христианства для коми было важнейшим, судьбоносным событием. Коми край стал частью Великого княжества Московского, а духовная жизнь народа вошла в надлежащее русло общечеловеческого развития.

За неделю до защиты дипломной работы арестовали учителя, обвинив его не то в национализме, не то в шпионской деятельности в пользу Англии. Замели еще несколько человек из института для полной профилактики. И, конечно, любимого ученика не могли оставить в стороне. На допросах все просили объяснить, почему дипломник столь большое значение придает какому-то попу и ни слова не говорит о спасительной роли Октябрьской революции в судьбе народа. Тогда было принято говорить о том, что большевики спасли северные народы от вымирания. Матвею так не казалось, потому и не писал.

Отбывать «заслуженный» срок Матвея отправили за Урал, в Лабитнанги. Так назывался небольшой поселок, окруженный лагерями, находился он недалеко от Оби. Туда довели ветку воркутинской железной дороги. А по ту сторону Оби продолжалась прокладка дороги в

сторону Енисея. Потом ее забросили. Но пока еще требовалось много леса. А вокруг же одна тундра. Матвей попал в команду заключенных, которую забросили на барже в верховья реки Сыни, где предстояло валить сосны и сбивать плоты, чтобы сплавить потом строительный лес по большой воде до самого Лабытнанги.

На лесозаготовке Матвей Мещеряков впервые увидел Уральские горы. Когда готовил дипломную работу, то читал в архивах о том, что часть его народа не приняла христианства и ушла в сторону Урала. Он даже мечтал со временем организовать научную экспедицию, пройти по следам предков. Его мечта сбылась — он оказался рядом с теми горами.

Казалось, они близко. Молодой ээк часто вечерами сидел у общего костра. Но слушать разговоры сотоварищей, чаще всего глухую грызню, (униженные всегда пытаются унизить себе же подобных) Матвею надоедало, он отходил в сторону и садился на поваленное дерево. Тайгу окутывал тяжелый сумрак, а солнце еще освещало снежные вершины гор, и они сверкали так радостно, будто там был рай. Всю зиму Матвей с товарищами валил лес, всю зиму он видел недалеко, казалось бы, горы, но до них было добрых полсотни верст полного бездорожья. Когда стала приближаться весна и кончились лютые морозы, в душе Матвея все сильнее стала пробуждаться мечта. Вершины гор так призывно сверкали, словно до Матвея тянулись от них живые лучи, окутывали душу и притягивали к себе.

Охрана оказалась не такой лютой, как в самом лагере, ее и меньше было, да и понимала она, что ээкам бежать некуда, никто не пройдет через тайгу до воли, скорее всего — достанется волкам. Но Матвея горы тянули с такой силой, что в одну лунную апрельскую ночь, когда все крепко спали, он скоренько собрался, да и пошел в сторону гор. Он даже не осознавал, что это побег, просто не мог иначе поступить. Днем на солнце снег отсырел, а ночью морозец прихватил его ледком. Шагать по насту было легко, и главное — следов не оставалось.

На третьи сутки истощенный Матвей вышел на кручу, с которой увидел долину с желтыми ядовитыми на вид дымами и догадался, что перед ним незамерзающие болота, через которые ему не пройти. Каторжная работа на лесозаготовке высосала его силы, он был худ и слаб настолько, что не решился идти дальше. Он смотрел на горы и впервые плакал. Он и в детстве не был нюней, а тут не сдержался.

Несколько успокоившись, Матвей заметил засечку на стволе сосны. Такие метки делают охотники на память. Он стал вглядываться и заметил вторую в шагах десяти. Но они вели в сторону от Урала. Однако другого пути не было, и по этим затесам он вышел к стойбищу, в котором обитало всего несколько человек. Его поначалу приняли настороженно, но вскоре привыкли.

Стойбище состояло из трех юрт, в ту пору жили в них четыре женщины и три старика. Кто моложе был, уехали куда глаза глядят из этой замшелой глуши. До этого стойбища летом на лодке не добраться, река быстра и порожиста, разве зимой на оленях, которым любые снега не помеха. Но никому на всем свете не было нужды до обитателей юрт. Если же самим понадобится дела в селе справить, так они знают дороги через тайгу, прогуляться труда не составит. Хотя до ближнего жилья далеко, тридцать верст, а то и больше.

Прижатое к реке тайгой стойбище находилось на высоком берегу, на холме, юрты не теснились, расположились вольно и при них были лабазы, амбары на столбах, как избушки на курьих ножках.

Юрты представляли собой деревянные срубы, крытые тесом, с одним узким, в толщину бревна, окошком, продушиной. Внутри никаких перегородок не имелось. Не было и потолка. У стены с окошком стоял низкий столик и при нем две скамейки высоты детского стульчика. В углу, неподалеку от двери, снаружи обитой оленьими шкурами, находился глиняный чувал, дым от которого расползлся по юрте и стоял плотным облаком в метре от пола, так что в рост не подняться, и обитатели ходили пригнувшись, а больше полулежали на шкурах, что были разбросаны вдоль стены и служили постелью. Оленью шкуру, кстати, так и называли — постель.

Люди работали на колхоз, то есть состояли на учете, но к ним начальство заглядывало исключительно редко. Чего оно там не видело? Пушнину и рыбу мужики привозили в поселок, что стоял ниже по реке, и сдавали там, взамен получая зарубки на ивовых палочках, означавшие трудодни. По числу этих мет раз в году правление колхоза выделяло муки, соли, сахара, но денег на это стойбище никогда не оставалось.

Помаленьку Матвей привыкал к жизни поселчан, и сильно помогло в этом то обстоятельство, что ему очень понравилась Прасковья, девушка с беличьими раскосыми глазами.

Но вскоре он уехал на упряжке оленей, ни с кем не попрощавшись. Люди на него даже не обиделись: сам пришел, сам ушел. Только всегда смешливая Прасковья даже улыбаться перестала. Она прятала лицо в платок и все время скучала. Его не было больше года. А через год с небольшим он вернулся и всем показал новенький паспорт. Жители стойбища тогда еще представления не имели о паспортах, они были колхозниками. Оказалось, что эта маленькая книжица была очень важной, она говорила о том, что в свое время человека осудили напрасно и теперь он полностью оправдан.

— Тогда зачем вернулся? — спросили его люди стойбища.

— Я отвык от того, как там живут, — ответил он с улыбкой.

Ему не поверили и снова спросили, зачем он вернулся.

— Мне очень нравится одна девушка, — признался он.

— Так бы и говорил! — облегченно вздохнули собеседники. — Теперь мы понимаем тебя.

В стойбище была только одна девушка, да три старухи. Гадать не привелось. Вот Прасковье и сказали:

— Будешь его женой. А мы поможем поставить вам юрту. А может, даже избу с печкой. Только у нас нет печника. И кирпичей тоже нет.

Девушка засмеялась от счастья.

...Прасковья умерла молодой. Матвей Мезенцев похоронил жену, когда дочке исполнилось пятнадцать лет. До этого он на зиму увозил ее в поселок в интернат, а после семилетки Уля безвыездно жила в стойбище, подолгу пропадая в тайге. Отец научил ее тому, чему сам научился, — ставить и проверять капканы, бить из ружья уток и ловить рыбу.

Потом девочка с мальчишескими повадками превратилась в завидную невесту. И вот как-то уже под осень женщины стали замечать, что походка девушки изменилась, стала Уля не такой порывистой, часто садилась и подолгу сидела бездельно, чего прежде не случалось, при этом лицо ее было задумчивым и даже каким-то испуганным. Манька зазвала девушку в свою юрту, тут же прибежали две другие женщины и все трое стали расспрашивать девушку, от кого она понесла. Грешным делом они подумали на своих мужей, хотя те уже были старыми и особой

прыти не проявляли в отношении жен. Но Ульяна всеми возможными клятвами заверила женщин, что мужики стойбища ни при чем, что они с ней состоят в родстве и на такой грех она никогда не пошла бы, но и назвать виновника не может, потому что не знает, кто он и как его зовут.

— Хоть с виду какой? — допытывались бабы. — Поселковый, может?

Но девушка только плакала и ничего не могла объяснить. А потом, скорее всего, для того, чтобы отделаться от женщин, стала говорить, что все случилось во сне, что она уснула под большим кедром и очень долго спала.

— Мог леший быть, — предположила Манька, но не при Ульяне, а только после того, как та ушла в свою юрту. — Больше некому.

И впрямь места были отдаленные, глухие...

Левый приток Оби, называемый Сыней, сбегает с Уральских гор и поначалу устремляется на юг, но где-то посредине пути одумывается и поворачивает в сторону океана, так что изгибается дугой, исток его находится на более северной широте, чем устье. Сыня растянулась на добрых четыреста километров, но всего на ее берегу стоят три деревушки и те с немногочисленным населением. Стойбище, в котором родился Прокопий, находится выше этих поселений, у самых истоков реки, где леса сохранились в первозданном состоянии.

Для женщин стойбища удивительным показалось то, что отец Ульяны обрадовался беременности дочери и как-то даже весь приободрился. Матвей Мезенцев все годы много бродил по тайге, пропадал на недели и, как признавался, ходил в горы. Что он там искал? Охотиться можно было и ближе, в тайге тогда дичи хватало, с пустыми руками разве последний шалопай приходил.

Однажды вернулся счастливым и стал рассказывать дочери, что в горах видел человеческие следы. Чему тут радоваться особенно? Но он свое твердил, что там никого не должно быть, а на снегу — следы. Дочь догадалась, что он по той же причине так сильно оживился, узнав, что дочь понесла неизвестно от кого.

— Ты же видела его, — допытывался он. — Как он выглядел?

Дочь смущалась и прятала лицо в платок.

— Не скрывай от меня ничего, — просил отец. — Я ведь тебя не осуждаю, доченька. Я догадываюсь, кто он. Ты только подтверди мою догадку.

Но Ульяна или на самом деле не знала, или приказано было молчать, но даже отцу не открылась, и странно это было. Только назвала место, где случилось с ней беспамятство, где якобы уснула под старым и могучим кедром, что стоит на высоком берегу реки.

— Не может того быть, — мягко упрекал отец, — чтобы ничего не помнила.

— Сон видела, — твердила она, — сон.

Но сама-то хорошо помнила, как обнимал ее очень сильный и молодой мужчина, как ей было хорошо, потому что он был добрый, ласковый, от него пахло лесом, и было очень щекотно от его бороды.

— Это был сон, — сказала Ульяна. — Потом проснулась. Я долго спала. Очень долго.

И Матвей перестал выпытывать, а сам про себя решил, что зятем его стал один из тех, что живут отрешенно от мира. Он с юности мечтал о встрече с ними. Но теперь не мог пойти в сторону гор, как бы того ни хотелось ему, потому что надо было поставить на ноги внука.

До школьного возраста (учиться начал в девять лет) Прокопий рос в мальчишеском одиночестве. У него не было друзей, он даже представления не имел о детских играх. Как только поднялся на ноги, стал ходить с матерью в тайгу, потом уже чуть подрос и промышлял самостоятельно. Лес для него стал привычным местом обитания, как для зверей. Он чувствовал в чащобах себя так же уверенно, как городской мальчик в благоустроенной квартире. Он даже не представлял, что можно заблудиться, этого просто-напросто случиться не могло с ним.

Много места в жизни занимала река, которая шумно бежала по каменистому руслу, но были на ней тихие заводи, омуты, где вода медленно кружила, была глубокой, и там водились жирные омули. Недалеко находилось озеро, это же были предгорья Урала, и там водились хариусы. С весны прилетало много уток.

Кроме леса, реки и озера, еще было небо, его присутствие Прокопий всегда чувствовал, потому что чудно было видеть восход солнца и его закат, сияние звезд и сполохи. Небо тоже было живым, как река, как деревья, как звери, как он сам, Прокопий. Но вокруг себя он видел не только жизнь, но и смерть. Умирили даже лиственницы, самые, казалось бы, живучие деревья, они падали, цепляясь ветвями за равнодушных соседей, и гнили на земле, зарастая мхом. Заряд дроби пробивал тело утки, и она падала на лету. Прокопий поднимал ее с земли и смотрел на застывающие глаза. Он думал о том, что птица только что летела, стремилась куда-то, а уже мертвая в его руке и ей никуда не хочется спешить. «Что же такое смерть? — задавался он вопросом и сам себе отвечал: — Жизнь — это когда чего-то хочется, а смерть — это когда уже ничего не хочется».

В природе он видел, как вылупляются из яиц утята, как волчица кормит свой выводок, как из корней вырубленной березы поднимается новый росток. А в стойбище никто не рождался, только умирали. Сперва одна юрта опустела, потом вторая. Прокопий еще вчера говорил со стариком Семеном, а сегодня тот лежал на оленьих шкурах, вытянувшись во весь рост, и губы его были сомкнуты. Он сохранил человеческий облик, но это уже был не человек. Прокопий хотел понять — почему? Как это произошло? Если руку Семена кольнуть иголкой, то ему не будет больно. Значит, смерть — это когда человеку совсем не больно.

Но как она получается? Где она у человека прячется — смерть? А если приходит, то откуда? И какое слабое место находит у человека? На охоте Прокопий всегда старался попасть в голову зверя или утки. Это уж точно — наповал.

Ульяна пугалась сына, когда он часами сидел над очередным покойником — раньше умерли мужчины стойбища, бабы оказались живучей — и о чем-то сосредоточенно думал. А он хотел понять, куда стреляет смерть. И он догадался.

Если дед Семен вчера говорил, а сегодня молчит, то потому только, что слова перестали рождаться. А слова рождаются в голове, это Прокопий по себе знал. Значит, то, что в голове — мозг — и есть уязвимое место. Смерть — это когда мозг перестает работать.

Не могло интересовать Прокопия и то, откуда сам-то появился. Если рано понял, что такое смерть, то о своем появлении на свет долго находился в неведенье. Он знал, что для рождения детеныша нужна не только самка, но и самец. Кто же был истоком его, Прокопия. Мать упрямо повторяла, что не знает.

- Но был же у меня отец? — допытывался семилетний Прокопий.
- Может, и не был, — вяло отвечала Ульяна.
- А как я мог без отца появиться?
- Ен послал мне на радость, — улыбалась мать.
- Я слышал про Ена. Это Бог. Он не мог послать.
- Тебе-то откуда знать! — сердилась мать. — Чего пристал? Родился

и живи.

Но он не хотел жить, не зная, кто его отец. Не получив ответа от матери, Прокопий обращался к деду. Матвей Мезенцев обнимал внука, думал о чем-то и говорил:

— И я б хотел знать.

Тогда Прокопий стал приставать с расспросами к Маньке. Та закрывала глаза и сидела молча, давая знать, что не собирается разговаривать. Но однажды она не спрятала свои глаза в морщины, а уставилась на Прокопия. Он молча ждал. Прошло много времени. Старуха все смотрела на подростка. А потом сказала:

— Он придет за тобой.

И больше ничего не объяснила, а Прокопию эти слова запали в самое сердце, и он уже после никогда не забывал, что отец придет за ним.

На восьмом году жизни Прокопий пошел в школу, которая находилась в Ошгорте, жил в интернате. Учительницей его стала Ираида Захаровна. Он был крупным мальчиком для своих лет, можно было дать все пятнадцать. Мальчишки побаивались его, не задевали, а девчонки, наоборот, держались ближе, зная, что добрый силач Прокопий не потерпит, чтобы их обижали.

Так прошло две зимы. Ираида Захаровна была очень довольна своим учеником и с удовольствием говорила коллегам, что мальчик на удивление способный, все схватывает на лету и очень трудолюбив, пока не сделает все домашние уроки, не выйдет на улицу. Когда выпадал досужий час, Прокопий вставал на лыжи и бежал в тайгу. Там ему было очень хорошо, даже лучше, чем среди людей.

Но в конце учебного года, где-то за неделю до летних каникул Прокопий заболел. В поселке фельдшерица ничего определить не могла, и повезли в районную больницу. А там врачи вообще перепугались и на вертолете отправили в Салехард, в окружную поликлинику. После долгих и разных консультаций медики пришли к выводу, что у него обострение шизофрении, которую излечить невозможно.

Да и что еще могли подумать врачи, если больной разговаривал с бабушкой Прасковьей, которая давно умерла, кричал на злых духов, якобы нападавших на него, и плакал над куском мяса, прося прощения у оленя. Больной ел только хлеб и пил воду, отчего худел, все больше и больше теряя жизненные силы. Больничное начальство решило отправить мальчика домой, чтобы лишняя смерть не легла в отчетность.

До Ошгорта Прокопия сопровождала даже медицинская сестра, а дальше ехать не было никакой оказии. И пришлось Прокопия устроить в покойчике медпункта, где стояли три кровати, и он провалялся до осени, до крепких заморозков.

Вел он себя не буйно, даже слишком смирно, при появлении кого бы ни было отворачивался к стене и не отвечал на вопросы. Но иногда посреди ночи начинал кричать и гонять духов, отмахиваясь от них руками.

— И ты уйди, бабушка Прасковья! — просил он со слезами и начинал хныкать. — Зачем ты опять пришла? Не надо, не подходи! Мне холодно.

Сердобольная Ираида Захаровна сильно переживала за мальчика, но с медиками не поспоришь, да и сама видела — мальчишка так исхудал, что не узнать прежнего крепыша, одни кости да желтая кожа. Осенью его все-таки отвезли на оленях по застывшим болотам до стойбища.

Увидев сына, Ульяна заплакала. Что-то она сразу поняла, и слезы полились по ее щекам, на лице застыла печаль, а рот она прикрыла уголком головного платка. Ей помогли уложить мальчика на шкуры возле стены, как раз на то место, где когда-то молча хворала бабушка Прасковья. Из тайги вернулся Матвей. Он долго сидел рядом с внуком. Лицо его сильно осунулось за это время.

— Так болеют редкие дети, — сказал дочери Матвей наедине. — Если не умирают, становятся шаманами.

Когда-то от матери Ульяна слышала, что прадед ее был шаманом и его расстреляли из-за этого, а теперь вот пришла очередь Прокопию страдать. Шаманский дар может оказаться не по силам мальчику, и тогда он его изведет. Ульяна не могла потерять единственного сына, но она не знала, как помочь больному, и в стойбище никто не мог помочь. Она лечила мальчика отварами трав, ягодными соками и в какой-то степени укрепила слабеющую плоть Прокопия. Мальчишка уже мог держать в руках нож и вытачивать всякую всячину. Его фигурки зверей и птиц даже забрали в школьный музей.

Но Ульяну пугали приступы, похожие на полное помешательство, которые хоть в неделю раз, да находили на сына. Тогда он выкрикивал какие-то незнакомые из чужого языка слова, боролся с духами, которые якобы кружили вокруг, и хватался за голову со стоном, словно там метались ветры. Глаза при этом были открытыми, но не видели ничего.

— Это я! — кричала Ульяна. — Твоя мама!

Но Прокопий не слышал и не понимал. Однако Ульяна и Матвей не отчаивались, а продолжали ходить за мальчиком. Правда, не знали, как лечат от такой болезни. На второй год, когда Ульяна уже сильно устала душой, ей пришлось в голову обратиться к тому, кто на один раз стал ее мужем. Но где и как его найти?

Ульяна обладала крепким природным умом, да к тому же с малых лет училась у самой великой вразумительницы — природы, так что сложила одно к другому и пришла к выводу, что отец Прокопия находится недалеко где-то, не в чужой заморской стране, а в той самой тайге, в которой она сама охотится. Девочкой ей приходилось слышать легенду о том, что в глухих лесах прячутся какие-то люди. Да и отец об этом знал, хотя не любил говорить вслух.

Она же видела, что отец все время что-то записывал в толстую тетрадь. Она даже тайком заглядывала в записи, но почерк отца оказался таким мелким, да еще он, видимо, нарочно старался корябать неразборчиво, так что слова не разобрать было. Она и спрашивала отца, что он пишет. Отец не скрывал правды, но и не раскрывал до конца. Мол, про таежный быт. О природе, мол.

А когда в лесу обнаружил следы и там, где не должны они были быть, то какое-то время не находил покоя, казался оживленным и даже бормотал:

— Они это, они.

— Кто — они? — спросила Ульяна.

Он смутился, потому что раньше ее не заметил.

— Да это я так, — повел рукой. — Придумываю разную ерунду.

Однажды Ульяна снова сунула свой любопытный нос в отцову тетрадь и, как прежде, не разобрала написанного, но заметила, что довольно часто повторялись два слова, которые были все время рядом и которые девушка все-таки прочитала, — «Зарни Ань». Это по-зырянски, а по-русски означало — Золотая Баба. Кто не слышал о ней в этих краях? Разве глухой.

Старики говорили, что ту Золотую Бабу берегут от жадных людей и безбожного начальства особые хранители. Один из этих стражей и был, вероятно, ее мужем, ласковые слова шептал и обещал не оставить в беде. Не так уж она крепко спала, чтобы тех слов не слышать. Да и сон ли это был? Не сладкое ли забытье?

Когда старая Манька осмотрела больного Прокопия и сказала, что недолго осталось мучиться парнишке, Ульяна не примирилась с судьбой. Тайком от отца, чтобы не помешал, усадила сына в сани и потащила в летнюю ночь по траве до одинокого кедра. Там она устроила пышное ложе из мха, уложила Прокопия и сама легла рядом. Наступила ночь, и Ульяна уснула. Когда же открыла глаза утром, то Прокопия рядом не оказалось. Опытной охотнице удалось обнаружить чуть приметные следы ног рослого человека. «Он не захотел меня будить, — горестно думала Ульяна, — а сына забрал. И, может быть, навсегда».

Она понимала, что Прокопий все равно умер бы и лучше не знать ничего о нем, а верить, что выздоровеет и когда-нибудь вернется к матери живым.

Прошла зима, очень суровая в том году, с долгими морозами и с большими снегами. Огонь в чувале не потухал, ночью приходилось подниматься и подбрасывать дров. И дров этих уходило так много, что не хватало уже и сил заготавливать, рубить и волочь из тайги на санках, да оледенелые чурки горели плохо, чадили и шипели, оттаивая.

К тому же Матвей стал все чаще жаловаться на ноги. Когда-то в лагере сильно простудил их. Теперь это дало о себе знать. Он боялся, что совсем обезножеет и будет обузой дочери, а ей и так трудно приходится. Но Ульяна успокаивала отца, что придет весна, потеплеет и болезнь отойдет. А там, смотришь, и Прокопий вернется здоровый и веселый.

...А с Прокопием вот что случилось. Что-то он очень долго спал, может, с месяц, а потом вдруг проснулся и ясно увидел каменные стены и своды. Это была небольшая пещера, похожая на берлогу. В ней было тепло. Углядев бородатого человека, Прокопий не испугался, словно сразу же и узнал. Бородатый был очень добрым, глаза его глядели на подростка мягко, не скрывая любви, так на него смотрела мать. Поначалу Прокопий только догадывался, а потом бородатый лекарь сам открылся в разговоре, что и впрямь отец мальчика.

По сравнению с Прокопием это был огромный человек, но двигался ловко и легко, голос его оказался густым, басовитым. Его светлые волосы волнами спадали на плечи, а борода лопатой прикрывала грудь. Обветренное коричневое лицо казалось вырезанным из толстой сосновой коры. Он помог надеть малицу, поднял на руки Прокопия, как пушинку, вынес на улицу через длинный узковатый ход и усадил

на теплое, согретое солнцем каменное сиденье в нише, в безветрии. Ниже покоились белые облака, занимая все пространство до горизонта. «Я оказался на небе», — спокойно подумал Прокопий.

— Ты Бог? — осмелился и спросил однажды Прокопий. — Мама говорила, что меня подарил ей Бог.

— Нет, я человек, — ответил бородач мягким голосом.

— Тогда почему не забрал к себе маму?

— Мне нельзя. Я служу Зарни Ань.

— Она кто, твоя жена?

— Нет, она богиня.

— Ты служишь богине и тебе нельзя жениться?

— Да, это так.

И он рассказал, что при богине Зарни Ань находятся десять человек. Все они зовутся хранителями. Он же старший над всеми, он главный тун, то есть главный волхв, и зовут его Харла.

— Теперь я тоже буду служить богине? — спросил Прокопий.

— Я мечтал, что будешь рядом со мной. Но у тебя другая доля.

— Почему?

Недалеко под ногами густо клубились облака. Прокопий сидел на скальном выступе, смотрел вниз. Облака напоминали снежную сугробистую равнину. И он думал о том, что под ними лежит земля, тайга стелется по земле, реки бегут среди тайги. Прокопий не знал, что отец выводил его на улицу только тогда, когда горы окутывали облака. Он почему-то не хотел, чтобы Прокопий видел, что внизу.

Здоровье уже наладилось настолько, что подросток стал забывать о болезни. Ему думалось и даже снились сны о таежных тропах, о большом озере, вода которого была темной от глубины, о быстрой речке, на берегу которой стояли юрты. В одной из них он когда-то жил, и там осталась мать. Он думал о ней и представлял, как она топит чувал, как варит в котле жаркое, как выходит на улицу и смотрит в сторону тайги. Он догадывался, что мать ждет его.

— Ты скучаешь по матери? — спросил отец.

Неожиданный вопрос застал Прокопия врасплох, он задумался и не сразу ответил:

— Не знаю.

— Как этого можно не знать?!

— Я думал о ней. Об озере думал. О речке думал.

— А сердце щемило, когда ты думал о маме? — улыбнулся отец и прижал руку к левой стороне груди.

Повторив его жест, Прокопий прислушался к себе. Под его ладонью билось сердце. Он чувствовал только эти удары и больше ничего. Он впервые догадался, что сердце с момента болезни не давало о себе знать. Обижался ли прежде, радовался ли — обо всем говорило сердце, там становилось хорошо или больно. А теперь там было пусто.

— Значит, я не ошибаюсь, — сказал отец, уставившись вдаль. — Ты будешь жить умом. Не сердцем.

— Почему?

— Такая твоя доля.

— У меня порча? Мама говорила, бабка Прасковья умерла от порчи.

— Ты не умрешь.

— Но у меня порча?

— Можно и так сказать.

— А еще как?
— А еще? У тебя дар. Ты шаман.
— Поэтому я не могу служить твоей богине?
— Да. Ей служат те, у кого доброе и жалостливое сердце. Ты готов умереть за людей?
— Зачем?
— Если этим можно спасти других?
— Пусть они себя спасают, а я — себя. Разве не так?
— Так считают те, кто живет умом, а не сердцем.
— А ты готов умереть за людей?
— Да, я готов, — просто и непритворно ответил отец.
— Тогда я хочу быть, как ты.
— Природа не спрашивает никого, как ей поступать, создала волком — вой, сотворила шаманом — терпи.
— Не хочу быть шаманом!
— Уже ничего не поправить, — сказал отец. — Но ты о другом подумай.

И Харла стал говорить о том, как много лет назад случилась большая беда в этих краях и весь его род погиб. Какая беда, отец не стал пояснять. Он признался, что хотел продлить род. Этого ему нельзя было делать, потому что нарушал обет, но зато теперь у него есть сын. Правда, Прокопий уродился другим, в роду были все светловолосые и голубоглазые. Однако осталась надежда, возможно, единственная.

— Пройдет немного лет. Меньше, чем пальцев на одной руке. И ты женишься. Надо, чтобы твой сын родился...

— Я понял. Похожим на тебя? Разве так бывает?
— Все зависит от той, кто тебе родит.
— А как я узнаю, что она та?
— Невесту найдешь в поселке. Помнишь свою учительницу?
— Помню.
— У нее растет дочь. Она должна родить тебе сына. Я хочу, чтобы так было.
— Откуда ты знаешь о дочери учительницы?
— Мы бываем среди людей, но всегда уходим. Ты запомнил мои слова?

Утром Прокопий проснулся под священным кедром, где оставила его мать. Он открыл глаза и понял, что оказался на земле, на которой жил прежде. Рядом оказались следы оленьих копыт и полозьев. Отец вечером напоил его чаем из трав. Теперь Прокопий все понял и стал смотреть на небо. Он так долго глядел, что глаза стали слезиться. Все ждал какого-то знака с высоты. Потом перестал ждать, поднялся и пошел домой. Прокопий подошел к стойбищу ранним утром, когда люди еще спали, прошел в юрту и приподнявшей от подушки голову Ульяне сказал:

— Я вернулся, мать.

Голос у него был бодрым, на ногах он стоял уверенно, не было и синюшной худобы. Но лицо его потеряло прежнюю мальчишескую припухлость и округлость, стало худосочным, словно кожу туго натянули прямо на кости. Что-то новое появилось и во взгляде, смолистые глаза смотрели, редко мигая, и казались пронзительными, словно у коршуна, который с великой высоты увидел мышь.

Со своей постели поднялся Матвей.

— Я вернулся, дед, — сказал ему Прокопий.

— Кто он? — спросил тихим голосом Матвей и пояснил: — У кого ты был...

Он был рад видеть внука живым и невредимым, но это не помешало ему, прежде всего, подумать о том, кто вылечил. Значит, и в самом деле есть потаенно живущие люди, о встрече с которыми он мечтал с юных лет. И Прокопий рассказал об отце, который служит Зарни Ань, то есть Золотой Бабе.

С того дня и так малоразговорчивый Матвей стал еще более молчалив и задумчив, а как-то завел с дочерью решительный разговор. Говорил о том, что она теперь не одна, ей будет помогать сын, а ему надо спешить, пока ноги носят, а то поздно будет. Колени на самом деле сильно стали досаждать. Но дочь и слышать не хотела об уходе, заявила, что никуда от себя не отпустит больного отца.

Но однажды ночью Матвей Мезенцев все-таки ушел в тайгу, прихватив толстую записную тетрадь, которую завел, как поселился в стойбище. Ульяна почему-то сразу решила, что он пошел к священному кедру, и по каким-то ей понятным признакам убедилась, что он там побывал. С высокой кручи Ульяна долго смотрела на долину, над которой желтели дымными столбами болотные испарения. Можно ли пройти через эту преисподнюю? И она подумала о том, что сама никогда бы не решилась, не в человеческих это силах.

Не вернулся отец и на третий, и на седьмой день. Но несколько раз приходил к стойбищу медведь. Что ему надо было? Собаки надрывались в лае, но косолапый не очень-то боялся их. Покружит на опушке и уйдет обратно в тайгу. Ульяна не решилась пристрелить зверя, хотя большого труда это не составило бы, но та же самая Манька сказала, что Матвей мог обратиться в медведя и что такие случаи в старину бывали.

Прокопий видел, как мать убивается из-за пропавшего отца, а сам не чувствовал в сердце никакой смуты. К отсутствию деда он быстро привык, почти сразу же. Отец говорил, что Прокопий стал шаманом, что в нем поселились недобрые силы, потому он не может быть хранителем. Но Прокопий представления не имел о шаманстве. Ни бубна, ни ритуальной одежды от деда и прадеда не осталось. Пытался вылечить ногу собаке, но ничего у него не получилось. Ночью призывал духов, но никто к нему не явился. Как-то в тайге долго призывал небеса, чтобы дождь прекратился. Но из этого камлания тоже ничего не вышло. Какой он шаман?

Но после одного случая Прокопий, к удивлению своему, убедился, в чем его дар. Жизнь его протекала в постоянных трудах — надо было промышлять зверя, ловить рыбу, бить дичь, заготавливать дрова на зиму, вывозить из леса, пилить, да еще ходить за олешками. Он наткнулся на отколовшихся от какого-то стада самца и пяти важенок, которых пасли теперь две его лайки. По весне маленькое стадо обещало нарасти приплодом.

Сразу по возвращении домой Прокопий стал сдавать пушнину, а охотником оказался удачливым и тем заинтересовал предприимчивого Ивана Комова. Вот с этим-то человеком и произошел случай, который заставил Прокопия задуматься о пользе своего дара.

Иван Комов был ушлым мужичком, в рот палец не клади, откусит и не признается. Сам невысокого роста, худощавый, лицо вытянутое, как лисья мордочка, а серые глаза откровенно говорят, что совесть — обуза лишняя. В силу своего изворотливого и хваткого характера Иван Комов очень даже выгодно устроился в райцентре — заведовал

приемом пушнины. И вроде бы дело это должно быть государственным, но его контора каким-то чудесным образом хоть и находилась под опекой исполкома, но была частной. Проще говоря, был он тем самым посредником, которых развелось в одно время тьма тьмушая.

Вот в его-то руки и попался Прокопий. Иван Комов сразу смекнул, что имеет дело с выгодным человеком — шкурки сдает отменного качества и помногу. К тому же, как скумекал Иван, ничего в рынке не смыслит. Прокопию наличные деньги особенно не нужны были, в тайге супермаркетов нет, что закупил в райцентре — муку, сахар, сладости, — то и отвез матери. А денег зарабатывал куда как больше, чем мог за раз потратить. Иван и стал брать те суммы на хранение, в присутствии Прокопия клал в сейф.

А деньги в то время обесценивались каждый день, через месяц сотня — труха. Приезжает, скажем, Прокопий, спустя полгода, просит из сейфа достать. Иван на голубом глазу выдает ровно столько, сколько положил, а сам уже успел эти деньги прокрутить в банке. Прокопий идет в магазин, требует товар, а ему выдают в десять раз меньше, чем раньше. И объясняют — деньги подешевели.

— Почему? — спросил Прокопий благодетеля.

— Я тут причем! — воскликнул Иван Комов. — Инфляция! Будь она неладна...

Что такое инфляция, Прокопий не знал и знать не хотел. Но он желал приобрести, скажем, на сто рублей столько же, сколько купил на ту же сумму полгода назад. Иван стал объяснять на пальцах, что происходит в государстве, когда от власти ушли коммунисты. Иван Комов был радешенек, что Прокопий так внимательно слушает, даже взгляда не отводит, но вдруг почувствовал головокружение.

Стояли на крутом берегу как раз над омутом. Тут сойм впадал в реку. И потянуло Комова в темную глубину. Так и прыгнул бы головой вниз, да ухитрился упасть на землю. Стоит на четвереньках и крутит головой, будто ему обухом по голове заехали. Поднял глаза и встретил сумрачный взгляд Прокопия, направленный на него. Дошло, видимо, до шустрого умом Ивана Комова, что это Прокопий мутит ему голову. О местных шаманах наслышан был.

— Я тебе крепкими деньгами платить стану, — жалобно обещал Комов, — не деревянными. Тебе хорошо будет.

Тут же с него и сошло наваждение. Вскочил Иван на свои резвые ноги и вырвал из кармана доллары:

— Крепче не бывает.

С тех пор Прокопий уважал только эти зеленные деньги, их меняли хорошо, одну бумажку выложишь, а отсчитают целую кучу. Прокопий давно мог уже построить хоромы, мебели закупить, ковры повесить на стены, радиоприемник поставить в красном углу, но матери нравилось в своей юрте, а он боялся от непривычной обстановки облениться и потерять природный нюх охотника. По причине своей нетребовательности Прокопий был довольно денежным человеком. К тому же Иван Комов, прокручивая их в банке, брал себе из процентов самый мизер, как говорил — на табачок. Так что Прокопий с каждым днем становился все более богатым женихом, но об этом мало кто догадывался, а сам он не придавал значения деньгам.

У него были другие заботы, не забывались слова отца о дочери учительницы. И Прокопий торопил время, чтобы наконец-то можно

будет жениться. Но время ему не подчинялось, проходило своей чередой. Людей в стойбище становилось все меньше. Были три охотника, остались двое, а затем только один — Прокопий. Настало такое время, когда в стойбище стали жить всего три человека.

Старая Манька еще могла говорить, и память пока не помутилась от старости. Но старуха уже не выходила на улицу, ее кормила Ульяна.

— Она скоро уйдет к предкам, — сказала как-то Ульяна сыну.

Тот к этому известию отнесся спокойно, как относился ко всему. Мать заметила, что после болезни Прокопий сильно изменился. Прежде его лицо менялось в зависимости от настроения, как у всякого живого человека. Теперь на нем было одно выражение — покоя. Прокопий никогда и ничему не удивлялся. Его ничто не могло рассмешить. Он не мог чем-то огорчиться. И у матери возникло такое подозрение, что сын ничего не чувствует, он только все понимает.

— Пора уже, — ответил Прокопий на слова матери о том, что Манька умирает.

Минуту он сидел, глядя под ноги, потом торопливо поднялся и вышел из юрты. Ульяна последовала за ним. Он ходко двинулся к юрте старой Маньки, порывисто открыл дверь и перешагнул порог. Когда Ульяна подросла, то увидела сына, который приподнял невесомую старуху за плечи и подложил под ее спину большую пуховую подушку. Теперь Манька, прежде лежавшая пластом, полусидела. Она попросила холодного чая. Прокопий поднес кружку к ее иссохшим губам. Она сделала несколько глотков.

— Ты можешь говорить? — спросил Прокопий.

Старуха кивнула.

— Память еще при тебе?

Манька снова кивнула.

— Когда-нибудь слышала о людях, которые живут в горах?

— О них нельзя говорить.

— Кто тебе это сказал?

— Мой отец.

— Он их встречал?

— Старики видели.

— Что это за люди, как ты думаешь?

Старуха закрыла глаза и сказала слабым голосом:

— Никому не говори о них. Так советовали старики. Нельзя о них знать.

Мать тоже ничего не знала о людях, которые живут в тайге и охраняют Зарни Ань, иначе — Золотую Бабу. Она только могла повторять, что у деда Прокопия была тетрадь, вся исписанная неразборчивым почерком, и там встречались эти два слова. Больше она ничего не знала. А Прокопий помнил слова отца: «Мы приходим к людям, но всегда уходим». Вроде так он сказал — мы. Значит, не один.

Прошло еще несколько дней. Однажды Ульяна встретила Прокопия у порога юрты и повела к старой Маньке. Та мучительно умирала, но была еще в сознании.

— Помоги умереть, — попросила старуха. — Я устала от боли.

— Ты чего это, бабка? — удивился Прокопий.

— Ты можешь, — сердито сказала старуха.

Жалости не было к старухе, Прокопий понимал, что пришел ее срок. Он думал о том, что смерть могла бы прибрать старую Маньку тихо,

незаметно, во сне, но захотела покуражиться, показать себя, какая она злыдня, и поугубить Ульяну с Прокопием. Надо было что-то делать.

Старая Манька прожила долгий век. Кроме своего стойбища, и селений-то не видела, знала только тех людей, что рядом жили. Мужу родила двух сыновей, старшего растерзал медведь, а второй умер своей смертью, но рано. У него остановилось сердце, он много пил. Потом помер муж, хороший был человек, ни разу на нее руку не поднял, даже по пьяному куражу, и всегда за столом лучший кусок оленины ей уступал. Век свой прожила она в трудах, а добра после нее никакого не осталось, истертые циновки разве да залежалые олени шкуры.

Прокопий помнил случай с Комовым, но не хотел брать смерть этой женщины на себя. Еще три дня мучилась бедная Манька. Старуха кричала на все пустое стойбище, и в ночи ее вопли были зловещи. Однажды Прокопий проснулся от шороха. Была белая ночь, и он увидел мать, которая прошла к двери и долго отворяла, стараясь не скрипнуть. В эту ночь особенно истошно вопила старая Манька. И вдруг умолкла. Стало совсем тихо. Через несколько минут вернулась мать и легла в углу, где всегда спала на шкурах. Прокопий прикинулся спящим. Но утром он первым делом пошел в юрту Маньки. На голове мертвой старухи лежала большая пуховая подушка. Мать даже не убрала, должно быть, испугалась своего поступка и убежала. Прокопий обернулся на шаги. В дверях остановилась Ульяна. Сын и мать смотрели друг на друга, и все им было ясно.

— Будем хоронить, — сказал Прокопий.

Они похоронили Маньку на старом кладбище, что было на версту ниже по реке, и остались одни в стойбище.

После ухода в другой мир старой Маньки мать стала печальной. Прокопий уходил в тайгу, она оставалась одна в стойбище. Когда Прокопий возвращался, она оживлялась на короткое время, но сыну не о чем и некогда было говорить с ней, занят был вечно, и Ульяна снова углублялась в свою тоску, сидела в углу на циновках и что-нибудь чинила из обуви или одежды.

На ее лице блуждала странная улыбка, зыбкая и неуверенная, как легкая рябь на воде. Прокопий с недавних пор стал замечать это выражение лица матери, и его оно беспокоило. Она находилась в забытии, в мечте. Прокопий, продолжая работу, поглядывал на мать и думал о том, что она еще совсем не старая и что в этом возрасте женщине нужен муж.

— В поселке Николай есть, — сказал Прокопий матери. — Детей нет. Жены нет. Юрты нет. Живет у брата. У того — семья. Николай брату не нужен. Он никому не нужен. Рыбу поймает, съест. Так и живет.

— Жалко человека.

— У нас стоят юрты. Никто не живет в них. Пусть приедет.

— Зачем?

— Женится на тебе.

— Ты хороший. Жалеешь мать. Я думала, ты не жалеешь.

— Я позову, он переедет. Там он никому не нужен.

— Не зови. У меня муж... Он придет.

Прокопий повесил сушиться сеть и пошел на берег реки. Там был невысокий обрыв, на краю которого Прокопий любил сидеть, свесив ноги. Внизу стремительно бежала вода, извиваясь между гладкими валунами, то разделяясь на отдельные потоки, то снова сливаясь. Если долго смотреть на бурный поток, начинает кружиться голова и почему-

то тянет вниз. Хочется соскользнуть с обрыва, чтобы вода подхватила и понесла. Из этих ощущений Прокопий сделал вывод, что не только жизнь, но и смерть обитает в мозгу. Только она спит, как зимой медведь в берлоге. Когда она просыпается, человек оказывается в ее власти, потому что она сильнее жизни. Способность же его, Прокопия, заключается в том, что он может в чужом мозгу разбудить смерть.

Он смотрел на бегущую воду, и голова его кружилась. Вот что, видимо, происходит с матерью, у нее заблудились мысли, они запутались, поэтому она потеряла здравый житейский смысл. Она могла идти на берег за водой и остановиться посреди короткой дороги, совершенно забыв, куда шла. Потом стала забывать, как называются простейшие вещи, например, спички или стол.

Вернувшись назад, Прокопий застал мать все в той же позе, она сидела на пороге юрты и смотрела усталыми глазами в сторону Урала. Должно быть, даже не заметила, что сын уходил и вернулся. Прокопий сел на толстую чурку около кострища и уставился на мать. Он хотел понять, что творилось в голове матери. Прокопий все должен был определять точно и конкретно, даже малой неясности не терпел.

— Не умирай, — сказал матери Прокопий.

Она очнулась от забытья, посмотрела на сына.

— Одному плохо будет, — сказала она. — Тебе жениться надо.

— Одному плохо, — согласился Прокопий.

— Привези жену.

— Надо ехать в поселок.

— Поезжай.

— И ты со мной.

— Зачем я нужна?

— Невесту посмотришь.

— У тебя есть невеста? Или еще не выбрал?

— Выбрал. Покажу тебе.

На самом деле Прокопий хитрил. Он хотел повезти мать в медпункт, там работает толстая тетка в белом халате. Если она не вылечит мать, то Прокопий повезет в райцентр. А там большая больница и много умных врачей.

— Я не поеду, — сказала Ульяна.

Уговаривать человека бесполезно, когда помутился ум. Прокопий при первой же возможности запряг в упряжку четырех оленей, чтобы легче им было тащить по земле нарты, и поехал в поселок. Он хотел в медпункте попросить лекарство, которое помогло бы матери успокоиться. Оленей оставил в лесу, на белой от ягеля поляне, а последнюю версту прошел пешком, неся на плече полмешка вяленой рыбы в подарок медичке.

Поселок составляли небольшие избы с подворьями, которые стояли вразброс, без всякой улицы. Еще советских времен постройки добротная школа выделялась среди них, как может отличаться городская женщина среди сельянок. Она была построена не из кругляка, а из привозного бруса и единственная сидела под шиферной крышей. Крайнюю угловую комнату с отдельным входом занимал медпункт. Туда и двинулся Прокопий.

Молоденькие девушки, должно быть, старшеклассницы мыли окна, заляпанные побелкой. Школа готовилась к сентябрю, уже завершался август. Миновав калитку, Прокопий остановился, заглядевшись на двух девочек в коротких платьях, которые снаружи вытирали тряпками

открытые створки окна. Они заметили застывшего с глуповатой улыбкой на лице Прокопия.

— Чего уставился? — спросила одна.

Это была дочь учительницы, о которой говорил отец. Прокопий знал ее еще девчушкой, когда ходила в первый класс. Была она небольшого роста, плотненькая, под кофточкой уже угадывались острые грудки. Но главное — у нее были светлые волосы и голубые глаза.

Из дверей школы вышла учительница Ираида Захаровна. Прокопий виделся с ней после болезни, поэтому она сразу узнала.

— Здравствуй, Прокопий! — сказала она, заслонив ладонью глаза от солнца.

Светловолосая девчонка хмуро и настороженно смотрела на Прокопия. Ираида Захаровна подошла к ней и обняла за плечи.

— Это моя дочь, — сказала она. — Зовут Анна.

— Я знаю, — продолжал улыбаться Прокопий. — Врача надо. Мать болеет.

— Мать болеет, а он лыбится, — насмешливо проговорила Анна.

— Уехала медичка, — сказала Ираида Захаровна. — За лекарствами в райцентр. Нынче утром.

Прокопий перестал улыбаться и опустил голову.

— Как ты, Прокопий? — ласково спросила Ираида Захаровна. — Как живешь?

— Хорошо живу.

— Мать болеет, а ему хорошо, — хмуро сказала Анна, в голосе прозвучали нотки враждебности.

Прокопий поднял на нее взгляд.

— Анна! — чуть повысила голос Ираида Захаровна. — Перестань. Этот мальчик подавал большие надежды. У меня такого способного ученика и не было из местных. Потом заболел... Прошу, не груби.

— Еще совсем глупая, — мягко сказал Прокопий Анне и перевел взгляд на Ираиду Захаровну. — Немного подожду.

— А потом? — с вызовом спросила Анна.

— Жениться будем.

— Надежды он подавал! — фыркнула девушка и вскинула голову. — Дурак!

Порывисто повернулась и пошла к подруге. Что-то сказала той, обе рассмеялись.

— Совсем еще глупая, — миролюбиво вздохнул Прокопий.

С укором глядя на него, Ираида Захаровна покачала головой.

— Она еще ребенок, — сказала учительница. — Совсем не умеешь разговаривать с девушками. Мне так жаль, что бросил школу. Тебе сколько теперь? Должно быть, восемнадцать.

— Еще нет.

— Переехал бы в поселок. Позанималась бы с тобой.

— Зачем?

— Тебе нравится быть малограмотным?

— Я не малограмотный.

— А какой ты?

Прокопий опустил мешок с рыбой к ногам Ираиды Семеновны.

— Я умный, — сказал Прокопий и кивнул на мешок. — Пусть Анка ест рыбу. Тоже умная будет.

После этих слов он повернулся и пошел прямо в лес, никуда не сворачивая и не сбиваясь с направления. Потом уже, сидя на верткой

нарте, Прокопий перестал думать о встрече с голубоглазой Анкой, потому что почувствовал тревогу. Когда показались юрты, он сразу понял, что там уже никого нет.

Мать ушла в тайгу. Она не вернулась и на следующий день. Могла пойти за сушняком и заблудиться, у нее же плохо работала голова. Прошла неделя, и год минул, а мать не вернулась. Теперь Прокопий жил один в стойбище. Да собаки. Они остались от прежних хозяев и плодились. По ночам они выли. Из тайги отвечали волки, словно о чем-то договаривались.

Потом наступила зима. Уже много ночей Прокопий провел один в юрте. Он ждал, что вернется мать. Не раз просыпался и прислушивался к тому, что происходило за стенами. Иногда ему чудились чьи-то шаги.

В темноте Прокопий видел только тлеющие угольки в чувале. Он выбрался из-под толстого стеганого одеяла, набитого утиным пухом, и подполз к очагу. Нащупав в темени заранее запасенные поленья, бросил на мерцающие угольки и стал раздувать огонь. От старания зашумело в ушах, но язычки пламени уже охватили сухие березовые дрова, и Прокопий поднялся на ноги.

При зыбком свете огня различил валенки и сунул ноги, потом натянул на себя малицу и вышел на двор. Там тоже была сплошная темень, потому что звезды и луна спрятались за тучи, а мерзлая земля все еще оставалась бесснежной.

Собаки лаяли на разные голоса, что-то тревожило их со стороны леса. Прокопий и проснулся-то от их хриплого и злобного лая. К ногам подбежал, учуяв хозяина, Черныш, поскулил, потыкался носом и снова ринулся в стаю, чтобы вместе со всеми надрываться от ярости. Если бы к стойбищу подошли волки, то ответили бы на собачий брех, но в лесу было тихо.

В темноте слышалось настороженное хорканье олешек, которые сбились в один клубок и жались к стене юрты. Что испугало их? Кто потревожил собак? Да мало ли кто! Может, медведь подошел, шатун. Толковые звери уже залегли в берлоги, но в семье не без уродца, какой-нибудь шалопай запозднил или еще по какой другой житейской причине неприкаянно бродит.

А то ведь есть еще и леший. Ему тоже в холодном лесу неуютно. Видел днем, сколько мороженой рыбы Прокопий привез на нарте, и зарится на чужую добычу. Собак он разбрасает, если захочет, однако ружья боится, другой опаски для него нет.

Ружье висело около дверей, Прокопий взял его и выпустил в воздух два заряда, которыми было оно заряжено, чтобы вспугнуть нежеланного гостя. После этого пошел спать, но перед тем, как погрузиться в сон, подумал о том, что пора жениться, одному скучно. «Мать не вернется, — подумал он. — Она пошла мужа искать. Может, нашла».

Утром Прокопий походил на опушке и по следам выяснил, что побывал какой-то человек. Почему не зашел в юрту? Гостем был бы. Но, может быть, он хотел посмотреть со стороны, переехал Прокопий в поселок или нет. Что ему одному-то жить?

Вернувшись к юрте, Прокопий заарканил трех важенок, запряг в упряжку, только потом перекусил, поел мороженой рыбы с чаем, надел новый спортивный костюм фирмы «Адидас», а поверх серый пиджак, который был удобен тем, что имел четыре кармана. Малицу Прокопий выбрал праздничную, мало ношенную, подпоясался тасмой, охотничьим

поясом, обул новые пимы, пошитые вперемежку из черных и белых оленьих лап, стянул их пониже колен подвязками.

Поначалу ехал по тайге, держась поближе к берегу. Через три версты бурливая река выбегала на равнину и там смиренно уходила под лед, который был крепким и ребристым от схваченной вмиг морозом ряби, олени по нему бежали в удовольствие.

Ираида Захаровна не ждала гостя. В субботний день она собралась постирать и уже загрузила белье в машину. В кухне был полный беспорядок, да и сама она с подоткнутым подолом и закатанными рукавами выглядела не солидно. А тут заваливается бывший ученик.

— Здравствуйте!

Ответив на приветствие, Ираида Захаровна поспешно стала приводить себя в порядок и даже набросила на голову платок, закрутив концы на шею.

— Какими ветрами тебя, Прокопий, занесло? Давно что-то не видать было? Как ты?

Прокопий сел у порога на пол, скрестив под полой малицы ноги. Рядом лежал мешок с мороженой рыбой.

— Надо в кладовку, — сказал Прокопий. — Это тебе.

Он вытащил из мешка лисью шкуру и бросил к ногам Ираиды Семеновны. Та всплеснула руками, восхитившись подарком, и быстро подхватила. Однако учительская жилка дала себя знать, Ираида Захаровна, лаская рукой пушистый мех, умильно спросила:

— И за что же мне такой дорогой подарок?

— Родней будешь.

— Это с какой стороны, Прокопий? — насторожилась Ираида Захаровна и округленными глазами уставилась на гостя.

— Жениться хочу.

— Это хорошо, Прокопий. Пора. Невесту нашел?

— Анка будет.

— Какая Анка? — не догадалась сразу Ираида Захаровна, потому что никогда любимую дочь так не называла.

— Почему — какая? — нахмурился Прокопий. — Твоя дочь.

— Она же еще школьница, — с упреком произнесла Ираида Захаровна, думая о том, как бы отвадить Прокопия от этой глупой мысли и не обидеть.

— Весной кончает школу.

— Ей еще учиться надо. В город поедет.

— Зачем? Хватит учиться.

— Что ж ты ее выбрал? Других нет? Чем уж она так понравилась?

— У нее светлые волосы. Глаза голубые.

— А характер? Ты же не знаешь, какой у нее характер.

— Какой?

— Уж больно самостоятельная. Не захочет, не заставишь.

— Захочет. Мне жениться надо.

— Хочешь, невесту найду? Есть у меня на примете. В соседнем поселке живет. Уж такая хорошая, такая трудолюбивая. У меня училась.

— Не хочу.

Прокопий поднялся с пола и показал на мешок.

— Куда?

Не дожидаясь ответа, вышел в сени и в углу высыпал рыбины, как поленья, а мешок свернул и сунул подмышку. Ираида Захаровна стояла в открытых дверях, холодный пар у ног заползал в дом.

— Скажешь Анке — весной увезу, — обернувшись на крыльце, сказал Прокопий.

— Хорошо, скажу.

Что-то испугало Ираиду Захаровну, оттого заторопилась с ответом, потом пыталась угадать, отчего оробела, но толком не разобралась. Скорее всего, смутил взгляд Прокопия, глаза показались особенно черными и колючими. От острого взгляда парня голова закружилась. Ираида Захаровна считала себя интеллигентной женщиной, к тому же начитанной, однако суеверно относилась к шаманам, хотя знала о них понаслышке.

С первых лет жизни на Севере, такие же, как сама, приезжие люди предупреждали, что к местным жителям надо относиться осторожно. Они только с виду безвредные и уступчивые, а за обиду могут беду наслать. Мол, есть среди них шаманы, которые знают всякие наговоры, и было немало случаев, когда они пользовались колдовством. К примеру, продавщица обвешала хантыйку да еще обсчитала, а через неделю по ее лицу прыщи пошли. Она все сбережения потратила на курорты, а не вылечилась, пока не покаялась перед той покупательницей, как ей посоветовали добрые люди. Другой человек украл гребные весла у местного рыбака и с тех пор, как сядет в лодку, так перевернется, еле спасут. Он уже и к воде стал бояться подходить, но захлебнулся от ложки супа. При всей своей грамотности Ираида Захаровна не осмеивала эти рассказы.

В северном поселке на берегу Сыни Ираида Захаровна оказалась по воле затейливой судьбы. В семнадцать лет она по любви, по первой и сумасшедшей, вышла за лейтенанта-связиста, которого после училища отправили служить в Тюмень. Там счастливая Ираида закончила педагогический институт и вовремя успела, потому что мужа перевели на Север с повышением в звании. Так они попали в поселок, в котором родилась первая и единственная дочка, названная Анной. Муж умер относительно молодым, не достигнув пятидесяти лет. Ираида Захаровна осталась с двенадцатилетней дочкой, родители да и брат Владимир звали к себе в город, но она не захотела ехать. У нее в поселке был дом, была обожаемая школьная работа, она привыкла к Северу, полюбила здешних людей и лучшей доли не собиралась искать, искушая судьбу. К тому же ее третий раз выбрали в поселковый совет, и она не могла в силу своего воспитания пренебречь доверием народа.

Неожиданное сватовство Прокопия выбило из колеи Ираиду Захаровну, и все у нее в этот день пошло из рук вон плохо. Стиральная машина поработала и затихла. Оказалось, что отключили электричество. Теперь оставалось ждать семи часов вечера, раньше тока не дадут. Решила заняться уборкой, но тут же поняла, что глупо наводить чистоту, не закончив стирку. Села проверять тетради, накануне проведя диктант, но заметила, что пропускает ошибки, и отложила ручку.

Сидела, уставясь в пустоту, и растерянно думала, что ее милая девочка, ее кровиночка уже стала невестой, пусть не нынче и не через год, но все равно скоро выйдет замуж, а куда иголка, туда и нитка. Когда-то кудрявый лейтенант увез Ираиду Захаровну из отчего дома в далекие края, а теперь Анну поманит за собой заезжий молодец — и не остановишь. Ираида Захаровна не хотела, чтобы дочь оставалась на Севере. Пусть не привыкает...

Она хотела, чтобы Анна окончила институт, устроилась на работу в теплых краях и обязательно в городе. Там больше перспектив, а в поселке, кроме школы, некуда ей пойти. Рыбалкой и промыслом заниматься?

В поселке прежде была семилетняя школа, теперь осталась начальная, среднее образование дети получали в райцентре и жили в интернате. Там находилась и Анна. В этом году она сдавала на аттестат зрелости. Ираида Захаровна подумала написать письмо дочери и рассказать, как приходил Прокопий свататься, но раздумала. Пусть этот случай останется тайной, никто не должен знать, люди злы на языки.

Конечно, в дурном сне только может присниться, что Ираида Захаровна выдает единственную дочь за Прокопия, и тот увозит ее в тайгу, чтобы Анна жила в юрте с дымным чувалом, почти в первобытных условиях, без телевизора, без людей. Тюрьма и та не так страшна, чем такая доля. Как же Прокопия отучить от глупой мысли?

...Окончив с отличием школу, вернулась из райцентра в поселок Анна. Ираида Захаровна встречала на берегу. Речной трамвайчик уткнулся носом в прибрежный песок. Матрос подал сходни. Первым сбежал по нему Сережа Ложкин и принял чемодан Анны. Сережа учился с ней в одном классе, стал плечистым, крепким парнем, и невольно Ираида Захаровна подумала — вот тебе и жених.

Сама того не зная, она оказалась недалеко от истины — Анна и Сережа дружили, а в последние месяцы были почти неразлучны. Анна уговаривала Сережу поехать поступать в один институт, приобрести одинаковую специальность, чтобы даже работа связывала их интересы. Но Сережа пока не выбрал, куда ехать, намерен был годик отдохнуть от учебы, родители не бедные, не будет им в тягость. Но Анне пока не говорил об этом, чтобы не расстраивать раньше времени.

После долгих сомнений Ираида Захаровна все-таки решила предупредить Анну, потому что Прокопий обязательно появится повторно, и передала случившийся разговор. Анна посмеялась и сказала матери:

- Да я уеду учиться. Только он меня и видел, недоумок.
- Прокопий не должен знать, куда ты уехала.
- Говоришь об этом так серьезно, будто...
- Он не простой, доча. Мне так показалось.
- Какой-то смешной разговор! Что значит — не простой?
- Скорее всего, шаман.
- Ты серьезно, мама?
- Совсем не шучу.
- Да пусть он только появится! Пусть заикнется... Я его с крыльца спущу.

И дочь не стала попусту терять времени на пустые слова, всерьез не приняв тревогу матери. Она даже с жалостью подумала, что ее любимая мама начинает стареть — раньше не верила в разную чушь, не была суеверной, а думала отчетливо и ясно, как и положено педагогу.

Появления Прокопия ждать пришлось недолго. Буквально на третий день после приезда Анны он пристал к берегу, вышел из лодки, одетый в короткую кухлянку, подпоясанную тасмой, и обутый в легкие замшевые сапоги-нюкиваи. Он походил на средневекового лучника, такой же тонкий в талии, быстрый и подбористый.

Анна издали увидела его с крыльца, выйдя отряхнуть половик. Матери дома не было, как всегда пропадала в школе. Анна потерянно оглянулась, увидела Сережу, который как раз выходил со своего двора, и обрадовалась. А когда он проходил мимо калитки, явно направляясь к реке, позвала:

— Сергей, подожди!

Он только теперь заметил ее и улыбнулся. Он собрался на охоту, за плечом — ружье, собака вертится у ног.

— Тимофей ждет, — сказал он, мягко предупреждая, что торопится к другу. — Уже, наверно, в лодке.

— Подождет.

— А что случилось?

— Пока ничего. Но все может быть. Я не говорила тебе.

И она коротко рассказала, что Прокопий приходил сватать ее, что намерения у него самые серьезные и нужна его, Сережина, помощь.

— Да ладно тебе! — принял за шутку ее исповедь парень. — Потом поговорим. Пойду, а?

— Ну, хоть поздоровайся с моим женихом, — усмехнулась Анна.

В калитку проходил Прокопий. Сережа сел на ступеньку крыльца и поставил ружье меж колен. Анна застыла в дверях и выжидающе уставилась на гостя. А тот остановился в четырех шагах от Сережи и сказал:

— Уток бить нельзя. Зачем ружье?

— А тебя что, в надзор поставили? — недружелюбно отозвался Сережа. — Начальником стал?

— Охота сейчас запрещена, — стоял на своем Прокопий. — Стрелять будешь, ружье отберу.

— Да кто ты такой? — вскочил с угрожающим видом Сережа, который был на голову выше Прокопия и гораздо шире в плечах.

— Я — Прокопий.

— Ну и что?

— Ну и все.

— Чего пришел? — встряла в разговор Анна, чувствуя, что еще немного и раздерутся петухи.

— К тебе пришел.

— Что за дело?

— Пусть он уходит, — Прокопий показал пальцем на Сережу.

— А если я не хочу, чтобы уходил?

— Надо, — мирно сказал Прокопий.

— Какие у тебя могут быть секреты? — сказал Сережа, снова опускаясь на ступеньку и располагая ружье между колен.

Задержав на Сереже взгляд, Прокопий посмотрел на Анну и спросил:

— Тебе мать говорила?

— Передала, как приходил свататься.

— Ему сказала? — Прокопий кивнул на Сережу.

— А он мой жених, — дерзко заявила Анна. — Я от него ничего не скрываю.

Можно было ожидать, что после такого заявления Прокопий уберется восвояси. Но тот не растерялся, не смутился, как должно было случиться, а оставался невозмутимым.

— Он не может быть твоим женихом, — вежливо пояснил Прокопий.

— А ты можешь? — улыбнулась Анна.

— Только я могу. Так надо.

— Ну, чучело! — Сережа покрутил головой.

— Да ну вас, ребята! — Анна даже развеселилась. — Какую мы чепуху несем!

Она сбежала с крыльца, легонько стукнула Прокопия в грудь кулачком.

— Эй, Прокопий! Не дури. Прошу тебя. Да не собираюсь я замуж. Мне учиться надо. В институт поступать.

— Зачем учиться? — Прокопий пожал плечами и дотронулся до головы. — Там все есть.

— Особенно у тебя, — не удержался от язвительного замечания Сережа.

— У меня все есть, — подтвердил Прокопий, потому что в этом не сомневался. — Я знаю — Анка будет моей женой.

— Ему в дурдом надо, — определил Сережа и поднялся. — Ладно, меня Тимофей ждет.

Глаза Прокопия заметно потемнели.

— Тимофей нехороший, — сказал он.

— Ты хороший! — засмеялся Сережа, не глядя на Прокопия.

Если бы он знал правду, был бы осторожней. Для Прокопия существовали великие понятия — «хороший» и «плохой». Прокопий знал, что плохо на свете не должно быть.

— Проводи меня, Анна, до берега, — предложил Сережа, чему девушка очень обрадовалась, потому что не хотела оставаться с Прокопием.

Они пошли рядом, а Прокопий поначалу смотрел вслед, а потом тоже пошагал к реке, потому что там стояла его лодка. Ему не очень понравилось, что Анка пошла с этим парнем, а не осталась с ним. Он как раз собирался сказать девушке, что скоро приедет за ней и увезет в свою юрту, где хорошо.

С невысокого глинистого яра дорога сбегала на песчаную косу, вдоль которой стояли лодки. Уже давно не было дождей, и река была тихой. Она становится бурным потоком во время таяния снегов и после обильных ливней, а в обычную пору успокаивается и бежит с веселой торопливостью, прытко, но позволяет даже на веслах плыть против течения. А на моторке труда не стоит подниматься вверх по реке.

— Поехали с нами, — озорно предложил Тимофей Анне, когда она остановилась у дюралевой лодки с подвесным мотором на корме.

Как раз в это время рядом проходил Прокопий к своей моторке. Анка смотрела на Сережу, поэтому не заметила взгляда Тимофея. А Прокопию сильно не понравился этот откровенный взгляд, которым Тимофей скользнул по фигуре девушки, чуть задержавшись на коленках. Этот человек вызывал у Прокопия глухое неприятие, и он не понимал, что связывает такого грамотного Сережу — десять классов кончил! — с этим неприятным типом. Да и Тимофей старше лет на восемь.

В поселке посмеивались над ним, потому что трижды женился на пекарше. Женщины были разные, но все как одна пекли для деревни хлеб. Что-то они в последние годы часто менялись, одна уедет, другая прикатит на смену. А Тимофей при пекарне и завхоз, и грузчик, и истопник. Месяца не пройдет, а новая пекарша уже под одной крышей с Тимофеем — гражданский брак.

— Ну, как можно с ним дружить? — удивлялась и Анна.

— Да я на охоту, на рыбалку, — отвечал Сережа. — Что тут такого?

Но ни Анна, ни Прокопий не догадывались о том, что на самом деле Сереже было интересно с Тимофеем, как ни с кем в поселке. С ровесниками не любил общаться, потому что они ему казались наивными, все еще мальчишками, Сережа обогнал их в развитии. Из всех жителей поселка только Тимофей привлекал интерес Сережи, потому что он один говорил с ним о женщинах, которые юношу

занимали все больше и больше, однако опыта еще не было никакого. Правда, с Анной два раза целовался, но ему уже не только этого хотелось. Тимофей рассказывал, чем занимаются наедине мужчина и женщина, а воображением Сережа обладал пылким и мысленно то же самое постоянно проделывал с Анной, потом страдал от напрасного возбуждения.

При этом он заметил, что другие девушки не вызывали в нем таких желаний, хотя с ними он чувствовал себя куда раскованней, чем с Анной, которая была воспитана маманей в самых строгих правилах. Хрупкая с виду, она обладала таким сильным характером, перед которым Сережа пасовал. Как-то однажды дал чуть волю рукам и тут же получил отповедь.

— Не смей! — отпрянула Анна и уставилась на него колючими глазами. — Никогда. Понял — никогда! Если еще хоть раз посмеешь, я не знаю, что сделаю. Я тебе поверила. Ты хоть понимаешь, что это значит для меня?

Пришлось оправдываться, что ничего дурного не держал в голове, получилось случайно. Тогда она в манере своей обожаемой матери поучительным тоном сказала, что все можно только после свадьбы. Сережа считал ее старомодной, но от того она еще больше привлекала.

В том, что робеет перед Анной, Сережа не признавался Тимофею, стыдился. Тот о женщинах говорил так вольно и с таким мужским превосходством, что ему хотелось подражать. Для него женщины были каким-то подобием дичи, за которыми надо охотиться. Он называл их — подруги. Это было его любимое словечко.

— Нет такой подруги, — говорил Тимофей, — которая бы не хотела нашего брата. Природа требует свое. Вот что ты должен усвоить прежде всего. А это означает — будь всегда уверен. Только сопляки отступают от цели.

Сам он представлял собой ничем не приметного мужичка, вечно небритого, небрежно одетого, словно умышленно не следившего за собой. Но зато на его одутловатом лице неизменно блуждала похотливая улыбочка, а глаза смотрели с таким нахальством, словно он, Тимофей, превосходил всех мужчин на свете. Человеком он был, видать, неимоверного самомнения. И это тоже нравилось пока еще неуверенному в себе Сереже.

В тот раз на берегу реки события развивались довольно быстро и привели к той беде, которая случилась. После приглашения Тимофея поехать с ними Анна повернулась к Сереже и спросила:

— А куда вы собрались?

Сережа ответил, что едут проверить сетки, а заодно пострелять уток и назвал места, обильные в эту пору ягодами.

— А вы подождете, я только переоденусь да лукошко возьму? — загорелась охотой Анна.

В легком платьице, в котором была, комары заели бы. Девушка не раз ездила на моторке с Сережей и по грибы, и по ягоды, так что никакого опасения и в голову прийти не могло. Сережа для нее был ручным, а Тимофей хоть и старше годами, да силой куда слабее. Так что защита была надежная. Даже не подумалось ни о чем плохом.

Анна побежала к дому, а Прокопий забрался в свою лодку, которая стояла в десяти метрах, но не спешил заводить мотор, копошился чего-то. Ему не понравилось, что Анна так легко согласилась ехать с этими парнями, и он хотел убедиться, так ли это будет. А Тимофей, то ли не

стесняясь Прокопия, ни во что его не ставя, то ли уверенный, что тот не слышит, завел нехороший разговор. Прокопий чутким охотничьим слухом каждое слово уловил.

— Смачная телка! — сказал Тимофей, глядя вслед девушке. — Я бы тянуть не стал. Это дело откладывать нельзя. Тебе сколько уже! Я сам в первый раз — в двенадцать лет. Родная тетка выпившая была, затащила в постель. Я ей за науку по сей день благодарен. Вот и тебя учу уму. Меня жизнь помотала, кой-какого разума набрался. Первое правило — не выпускай из рук синичку. Попалась — твоя.

Вырос Тимофей в городе, побывал в детской колонии, поступил в торговый техникум, но не одолел и подался на Север за длинным рублем. Богатства не нажил, на одном месте не задерживался, искал, где потеплей да наваристей, а такие щели — как сам говорил — уже другие клопы заняли. Теперь вот завела судьба на Сыню и подарила пекарню. Пятый год оседло живет, это для него большой срок.

— Была у меня подружка, — вспоминал Тимофей. — Вроде твоей. Огурчик, скажу, дотронуся — захрустит. А я сплеховал. Все откладывал — никуда не денется. А тут меня загребли менты. Мы с ребятами обчистили магазин. Мне было пятнадцать лет. До сих пор простить себя не могу за промашку. Колонию забыл, а этот случай помню. Кому-то ж досталась! Вот уж, наверно, меня благодарил! Не будь лопухом, Серега. Бери, что само в руки лезет.

Почему-то Прокопий ожидал, что Сережа после таких речей кинется с кулаками на Тимофея, но тот молчал и только криво усмехался. Они уже уложили в лодку, что нужно было, а теперь сидели на борту и ждали Анну. Тимофей острым охотничьим ножом стругал палку, не для дела, а чтобы руки занять.

— Они ведь какие? — философствовал Тимофей. — Как шурогайчики, только и норовят ускользнуть из рук. В городе ухажеров много, уведут из-под носа. Попомни мое слово. А когда ты их лишил кое-чего, становятся шелковыми. Будет за тобой, как нитка за иголкой. Выйдет замуж как миленькая.

— Да не собираюсь я жениться!

— Тем более.

— Что — тем более?

— Не выпускай птичку. Отвезу в охотничий домик. Оставлю на время. Ты и поладишь с ней. Мужик ты или нет? Ну! Отвечай!

— Мужик, мужик...

— Вот и лады! Главное, обещай жениться.

К ним бежала Анна в синем спортивном костюме, в платочке и с корзиной в руке. Прокопий понял, что медлить ему нельзя. Недоброе задумали парни. Надо сказать Анке. Но ведь она ему не поверит, эти двое на смех поднимут.

— Захватила бы больше тары! — крикнул Тимофей. — Там ягод — море!

Ребята поднялись на ноги, стояли близко друг к другу, подбежавшая Анна остановилась тоже рядом, плечом касалась плеча Сережи. Вот они оттолкнул лодку, запрыгнут в нее, Тимофей дернет за шнур, мотор взревет и понесет Анну к беде.

Все трое улыбались, прямо мир да лад, но вдруг в какой-то момент лицо Сережи перекозилось, налилось злобой. Анна ничего понять не успела, как накинулся Сережа на Тимофея, схватил за грудки. Анна дико закричала и стала разнимать ребят. А Сергей уже вцепился в горло

Тимофея, и тот хрипел. В один клубок все трое сплелись будто. Но того, что случилось дальше, Прокопий никак не ожидал. Сережа вдруг рухнул на колени, хватаясь за нож, который торчал из груди с левой стороны. В последние минуты Прокопий не видел этого ножа в руке Тимофея, а тот им отбил от Сережи и теперь отступал назад, суматошно отмахиваясь, как от наваждения, потом увидел Прокопия своими побелевшими от страха глазами и закричал:

— Ты же видел — он первый!

Анна билась в истерике над неподвижным Сережей. От деревни бежали какие-то люди.

Потом Тимофея милиция, конечно, забрала и увезла в райцентр, а Сережу всей деревней похоронили. Анна после пережитого потрясения безутешно плакала, говорила, что жизнь ее кончилась, что без Сережи ничего она не хочет больше — ни есть, ни пить. Как-то уже после похорон сидела на берегу реки, не видя от печали белого света. А тут над головой прозвучал голос:

— Не плачь. Он плохой был.

Оказался Прокопий.

Анна только глянула на него и огрызнулась:

— Убирайся!

— Тимофей тоже плохой, — сказал Прокопий.

— Ты зато хороший, — вскочила Анна. — Глаза бы не видели!

— Я хороший, — согласился Прокопий.

Но Анна не стала его слушать, а бросилась бежать к дому. Ираида Захаровна обняла дочь, гладила по волосам.

— Опять этот Прокопий! — расплакалась Анна. — Хочу уехать.

Тогда Ираиде Захаровне пришла счастливая мысль.

— Поедешь к деду Захару, — сказала она. — Там дядя Володя. Они все-таки мужчины. Любят тебя. Что-то посоветуют. Как-то помогут устроиться. А что я одна?

Конечно, следователь подробно расспрашивал и Анну, и Прокопия как главных свидетелей убийства. Но дело было такое очевидное, что тянуть следственную волокиту было совестно. Суд получился довольно скорый, и Тимофею дали по закону долгий тюремный срок, так что Анна имела все права уехать из поселка, ничто ее не удерживало. Но так полагала она, а Прокопий думал иначе.

Он опять заявился в гости.

— Уезжает Анна, — нарочито приветливо встретила его Ираида Захаровна и приняла гостинец — связку сушеной рыбы. — Дедушку надо навестить, Прокопий. Дедушка старенький, по внучке скучает.

— Далеко? — спросил невозмутимый Прокопий.

— Что далеко, Прокопий?

— Старенький дедушка?

— За Москвой, — махнула рукой для ясности Ираида Захаровна.

— Хорошо, — кивнул Прокопий.

— Ты всегда был толковым, — обрадовалась Ираида Захаровна, что так все легко уладилось. — И учился легко. Если бы не болезнь! Очень я за тебя переживала.

— Хорошо, — повторил Прокопий, пропустив мимо ушей ее слова. — Я тоже поеду.

— Куда? — так и села Ираида Захаровна.

— К дедушке.

— А зачем?

— Так надо. Анка уедет, не приедет. Я привезу обратно.

Что тут сказать? Трудно сообразить. Пожала плечами, вяло улыбнулась, спросила, не хочет ли чаю.

— Нет, — ответил Прокопий. — Подышать надо.

Он вышел и сел на крыльцо. Прибежала от подружки Анна, увидела Прокопия, растерялась.

— Иди домой, — показал головой на дверь Прокопий. — Мама ждет.

— А что случилось?

— Она скажет.

Поначалу Анна, узнав о намерении Прокопия от матери, хотела выбежать на улицу и побить Прокопия кочергой.

— Вот же прилип! — ругалась она. — Черт болотный!

Потом задумалась. А рядом сидела Ираида Захаровна и тоже думала. Одну Анну в дальнюю дорогу опасалась отпустить. Сама ехать не могла, на ней висел ремонт школы. Как быть? По телевизору показывают, страх берет, столько людей пропадает. В одном городе друг за дружкой исчезали девушки, милиция с ног сбилась, ничего не выяснила. Так вчера опять сообщили — еще одна пропала. Случится такая беда с Анной, Ираида Захаровна не переживет. А Прокопий хоть и мал ростом, но парень надежный. Что ни говори — охотник. Если медведей валил, так с бандитом уж подавно управится. Его только научить, чтобы за Анной следил, ни на шаг не отпускал. Довезет девочку до родни, а там видно будет. Дед с дядей что-нибудь придумают. Анна все объяснит.

А сидевшая рядом на скамье Анна уже знала, как отвязаться от Прокопия. Когда речной трамвайчик приходит, он явится на берег. Не убежать. Но есть же лодка. По течению-то спуститься чего стоит! Ночью села, отчалила, только он и видел ее. Этот план показался Анне удобным, но тут всполошила догадка. Девушка выбежала на крыльцо и спросила Прокопия:

— Так и сидеть будешь?

— Буду.

— И долго?

— Ждать буду.

— Чего ждать?

— Тебя ждать.

— А может, не сегодня поеду.

— Все равно.

— Может, через три дня. Все сидеть будешь?

— Буду.

— Ты же ненормальный!

Убежала в дом, хлопнув дверью. Матери сказала:

— Он не уйдет с крыльца.

— Не уйдет, — согласилась Ираида Захаровна.

И мать поделилась с дочерью своими соображениями. Анна сразу вспыхнула:

— Не поеду я с ним!

Но к вечеру остыла, прикинула, что одной и впрямь опасно ехать, согласилась с матерью. Приоткрыв входную дверь, Анна деловито позвала:

— Иди ужинать. Эй!

Когда отец сказал Прокопию о беловолосой дочери учительницы, то не догадывался до конца, кому он толкует. Едва ли всерьез наставлял,

скорее всего, говорил предположительно, к примеру как бы, имея в виду, что род можно выправить, если жениться разумно. Но Прокопий намеки не улавливал, он все понимал буквально. Как сказал отец, так и будет, если даже понадобится головой пробить кирпичную стену. И во всем он был такой. А происходило это с Прокопием потому, что умом жил, а душа при этом спала. И это не диво дивное. Людей с дремотной душой на свете немало, как сухостоя в больном лесу. Но Прокопий при этом имел характер. Он, как стрела, с пути не сворачивал. И если бы знал Харла, то был бы осмотрительней.

Дальше райцентра Прокопий никогда не ездил. Но в райцентре чувствовал себя привычно. Первым делом отвел Анну в интернат. Там уже детей не было, разъехались на летние каникулы, но сторожиха тетя Глаша устроила Анну в своей комнатенке, даже обрадовалась гостье.

— Переночуешь, а утром будет «Метеор», — сказала она и поставила чайник на электрическую плиту.

Сам Прокопий направился к Ивану Комову и попросил без лишних объяснений:

— Деньги давай.

— Сколько? — полюбопытствовал Иван.

— Много, наверно.

— Все, что ли, забереешь? — испугался Иван. — Тебе на что?

— Ехать надо.

— Далеко собрался?

— Дальше Москвы.

— Чего там потерял?

— Зачем спрашиваешь? Деньги давай.

— Не спеши. Прикинуть надо. Деньги счет любят. Между прочим, заказ есть. Из Тюмени я недавно. Человеку на дачу медвежья шкура нужна.

— Нужна — будет, — спокойно ответил Прокопий. — Зимой будет.

Между тем Иван достал какую-то штуку вроде портсигара, открыл, стал пальцем тыкать в кнопки, пощелкал сколько-то, почмокал губами и покачал головой.

— Сколько ж тебе дать? — задумался Иван. — Но так и быть — выделю с запасом. Особенно не швыряйся деньгами-то. Я тебе российскими даю, сподручней будет. Менять не надо.

— Немного такими, немного нет, — потребовал Прокопий.

— Дело твое, хозяин — барин. Могу дать и долларами. А все-таки куда едешь? С чего вдруг?

— С невестой еду к дедушке. Он старенький. Посмотреть надо — живой или помер.

— Ни фига себе! Женишься?

— Жениться буду.

— Кто ж невеста? Из поселковых?

Прокопий назвал Анну и пояснил:

— Дочка учительницы. Знаешь Ираиду Захаровну?

Иван раскрыл рот, да так и застыл. Прокопий важно повернулся и пошел, сунув деньги в замшевый мешок, в котором умещались все его дорожные пожитки.

Однако невеста держалась иного мнения, замуж никак не собиралась и подругам объясняла, что Прокопий едет по делу в город Салехард, а ее попросили поглядеть за ним, потому что человек он без дорожного опыта.

Сама же, мол, собралась к родственникам погостить и присмотреться к той жизни. Конечно, мол, и учеба на уме.

Вопреки ожиданиям Анны, ее подопечный показал себя с неожиданной стороны. Если бы девушка не знала, что Прокопий дальше райцентра нос не высовывал, то приняла бы его за очень даже опытного путешественника. Он вел себя в незнакомой для него обстановке так уверенно, что Анна уже не лезла со своими объяснениями, а полностью отошла от забот и ехала, как барыня, для которой все сделает слуга.

В дороге Прокопий ничему не удивлялся. Только на короткую минуту застывал с отрешенным видом и тут же начинал действовать соответственно ситуации. Это и раньше с ним так бывало. Иван Комов как-то повел в кино. Прокопий немного испугался, когда на белом полотне появились живые люди. Он стал соображать, откуда они появились, и заметил луч, который исходил из квадратного окошка. Прокопий поднялся и пошел в проекторную будку. Он попросил киномеханика показать, откуда возникают люди, и долго рассматривал пленку.

Оказалось, что все просто: на экране бегали тени тех маленьких человечков, которые застыли в квадратах на пленке. Когда горит в юрте керосиновая лампа, то от самого Прокопия тоже падает тень на стену. Если Прокопий двигается, то и тень тоже. Вот и вся загадка! Прокопий вернулся в зал, сел на свое место и много смеялся, хотя шла не комедия. Ему было весело оттого, что он все хорошо понял — по экрану двигались тени, а не настоящие люди.

Когда перед ним тот же Иван включил телевизор, то Прокопий в первую очередь стал искать луч, но не обнаружил. Тогда он рассмотрел телевизор со всех сторон. Он заметил огоньки внутри. Вот в чем хитрость! Луч спрятали в ящик. Он все понял, и ему стало скучно. Прокопию не понравилось смотреть телевизор, там говорили о чем-то таком, что его не интересовало.

Точно так же, впервые увидев поезд, Прокопий на минуту обомлел, таким он показался большим. Потом разобрался, поезд состоял из нескольких повозок, которые назывались вагонами, их тянули не лошади и не олени, которым была бы такая работа не по силам, а машина. В райцентре были автомобили, поэтому Прокопий знал, что у них внутри есть двигатель, который и крутит колеса. Чтобы вагоны катились друг за другом, а не в разные стороны, они стояли на рельсах.

Еще на железнодорожном вокзале Прокопий довольно быстро освоился и выяснил, что билетов на поезд может не всем хватить, а тогда сиди и жди в зале ожидания целые сутки. Очередь у кассы была велика. Анна запаниковала, стала причитать, что им ни за что не достанутся билеты. Очередь сразу вдвое разбухла, как только окошко открылось. Прокопий почесал голову и хмыкнул. Он двинулся к двери, на которой было написано «Посторонним вход запрещен». Прокопий прочитал надпись, школьную науку еще не забыл. Там не было сказано, что Прокопий посторонний, поэтому он открыл дверь и попал в коридор. Увидев несколько дверей, Прокопий выбрал ту, что вела в комнатку кассирши.

Женщина так и не поняла, что произошло. Она увидела в дверях невысокого человека с какими-то странными, колючими и неподвижными глазами.

— Это еще что такое? — грубым голосом спросила она.

— Мне два билета.

— Вон отсюда! — крикнула она.

И почувствовала, как закружилась голова, как все поплыло перед глазами.

— Какие билеты? — спросила она.

— Самые хорошие.

И она поспешно оформила два купейных билета на нижние места, получила деньги, а когда маленький человек ушел, закрыла окошко кассы. Она схватилась за голову и сидела так сколько-то, чувствуя, как возвращается ясность. Почему-то подумалось о двенадцатилетнем сыне, которого утром сильно поколотила, опять учительница жаловалась. Она пожалела, что била мальчика книгой по голове. Плохая она мать, плохая...

В вагоне Прокопий освоился тоже быстро. Какая ни вставала задача, ему стоило задуматься, извлечь из головы понимание, и тут же он знал, как надо поступить. Может быть, именно в той поездке Прокопий пришел к убеждению, что все знания заложены в мозгу заранее и любое можно вытащить при необходимости. Анна, которой приходилось с мамой ездить и к родным, и в Крым на отдых, терялась куда больше, но с Прокопием не было никаких забот. Захотела чаю — уже стакан дымится на столе. Увидела в окно, как бабы продают горячую картошку, уже Прокопий на перроне. По вагону понесли мороженное или газеты, остановится в дверях купе коробейник, а Прокопий уже смотрит на Анну. Та кивнуть не успеет, а он уже понял, купил по одной разные издания и положил на столик. В первый день узнал, что есть вагон-ресторан, и водил обедать только туда.

— Да кто он вам? — спросила соседка, пожилая крашенная женщина, когда Прокопий вышел из купе. — Все смотрю и никак не пойму.

— Друг, — ответила Анна и уставилась в окно, давая понять, что не настроена разговаривать.

— Таких друзей не бывает, — заметил муж женщины, важный и молчаливый товарищ.

— Значит, брат, — сердито ответила Анна.

— Ну, милочка! — не поверила женщина. — Вы даже разных национальностей.

— Ухажер, — протянул муж женщины. — Вот кто!

— Ну, девочка моя! — прижала пухлые руки к животу женщина. — Зачем он тебе? Ты красавица.

— Затем, — обиделась Анна за Прокопия. — Он богатый. Очень-очень!

У мужа и жены лица стали одинаковыми и выражали почтительное понимание.

Даже в Москве, которая оглушила шумом и поразила суетой Анну, невозмутимый Прокопий освоился быстро. Казалось, что машины и люди сорвались с какого-то неведомого старта и понеслись к финишу, причем половина в одну сторону, а вторая — в другую. Наверно, это надо было, чтобы на одной из сторон не образовалась пустота. Всю Москву, конечно, понять трудно, очень уж она большая. Наверно, всю-то никто пешком не исходил. Но Прокопий не раз видел в лесу муравейники. Иной раз остановится и смотрит сверху, как, должно быть, Бог на землю. А тут он сам муравей. И надо ловко шнырять, зная свою дорогу.

Продолжение следует

Микола Метлицкий

СОНЕТЫ ЧЕРНОБЫЛЯ

1

Судьбы тропу опутала полынь,
И жизни путь навеки горечь скрыла.
И осенью пустынною уныло
Летел печальный журавлиный клин.

Воспоминанья, словно из картин,
Стремилась в лоно счастья легкокрыло,
Там память дни былые закружила,
Пунцово рдея гроздьями калин.

Вдруг безвозвратное вернулось время,
И словно смертное исчезло бремя,
Сельчане шли протоптанной тропой.

Я видел их. И день их разгорался.
Наш Бабчин песней жизни упивался.
И не было реальности другой.

2

По лиственному ситцу — в лес, молчком.
Хрустит дорога скудно, сиротливо.
Стеною ели, как мираж тоскливый,
Горбатятся за ближним озерцом.

Течет река Судьбы. Ее пловцом
Признать себя душа все не желает.
А ветры грозно шепчут, завывают,
Как будто божий свет — перед концом.

И рыщет смерть по выселенным хатам.
И зла зерно сочится черным ядом,
Всемирной ожидает посевной.

Скрипит натужно жизни колымага.
Глядит слепое око саркофага
Из-под брови графитной чумовой.

3

Погост кусты акаций оплели.
Кресты от краски вымыты дождями.
И полосуют молнии крестами,
И жнут просторы умершей земли.

Немые звезды душу обожгли:
Раздутые всемирными ветрами,
Твердят, что ты — участник вечной драмы
С названьем «Жили-были, да прошли...».

Спадает небо ядерной шугой,
Доказывая: нет земли другой,
Ей жить в душе твоей — святой иконой.

Ступая за прозрачную чертой,
Согласно ты киваешь головой
И стылую дыханьем греешь зону.

4

Замшели окна вязкие болот
В земле пропали. Поле, словно сетка,
Каналами разрезано на клетки.
Лучом невидимым по ним в поход

Шла смерть, неся просторам дивных вод
Опустошение. Дуб — житель редкий,
Взметнулся ввысь. А дым смертельный, едкий
Уже пополз все дальше на восход.

Погибла Гала. Ядерным посевом
Над каждым цветиком и каждым древом
Пролился страшный памятный апрель.

И смотрят в небо с одичавших клеток
Глаза цветов и листья чахлых веток —
А смерть шагает, словно бы модель.

5

Лисиный холм синее сон-травой.
Не всколыхнется даже птичьим пенем
Измученный бедой простор весенний,
Застыла тишина в дали густой.

И только небо кистью огневой
Закат окрасит. Пастушок же звездный
Сойдет с небес — тогда гримасам грозным
Не будет счета над землей седой.

И ужаснутся власти смерти. Здесь она
Все родники перетрясла до дна
И шествует с косою одиноко.

Но лишь проснется пламенный рассвет,
Цветок небесный шлет ему привет
И смотрит в мир — весны живое око.

6

Бунтует Припять в омутищах пенных,
Средь низких лоз — свет как кристалл.
Но обезлюдил лодочный причал.
Бук краснеет на воде смиренно.

И вихрем смерти носятся рентгены,
На сотни лет гнездо сплела беда,
И водный плес вдруг умер навсегда.
Плывет Харон, лишь он теперь нетленный.

Он гонит челн дорогой синей водной
Под небом безразличным и холодным
И гордо вскинул мудрую главу.

Давно он занят промыслом успешным,
А я, смирившись, все ж опять зову
Сей ад — радзімай, есть во мне надежда.

7

Земля моя не ластит злаков волны,
Она не слышит вечный зов весны.
А ветер, как гамак, качает сны,
Полынь-тоска пронзает горше молний.

Плывет Планета наша в выси сонной.
В космической дали как будто гам...
Услышьте нас! Но кто услышит там?
Мы совершили зло... Молчите, полно!

Мерцает тускло звездный мир холодный,
Он знает, что наступит час бесплодный,
Погибнет животворная Земля.

Сгорит от облучения безвинно,
Погубит век безмолвия рутина,
Под пеплом все живое схороня.

Виталий Кирпиченко

ДНИ СТОЯЛИ ЖАРКИЕ...

Рассказ

2 7 апреля 1986 года было воскресенье. Я вернулся в субботу из командировки и решил позаниматься с машиной. День выдался на славу. Такие редко бывают в Беларуси. Тепло, солнышко. Благодать! Я снял колесо, и тут меня позвала к телефону жена.

— Товарищ полковник, вам предстоит срочно убыть в командировку, — говорил мне дежурный по управлению. — Командировка может быть длительной. Захватите с собой средства индивидуальной защиты.

— Но средства в штабе! И что это за срочно-бессрочная командировка? Куда? Зачем?

— Украина. Район Чернобыля. Там что-то случилось на атомной электростанции. Не исключена диверсия.

«А я-то тут причем? — хотел я возмутиться. — С каких это пор я стал специалистом по атомным станциям или диверсиям?» Но не возмутился. Значит, какая-то связь, еще не понятная мне, есть.

— За вами уже вылетел вертолет Ми-26, через полчаса он будет на «Липках».

Быстро приладив колесо, я побросал в сумку под зудение жены свои привычные вещи, попросил соседа проехать со мной до аэродрома и загнать потом машину в гараж.

Мчались мы по проспекту со скоростью, за которую бы меня наказали гаишники, но их, на мое счастье, нигде не было. Так же лихо влетели на поле аэродрома, на котором выделялся наш вертолет. Около него прохаживался, поглядывая на часы, полковник Маслов.

— Запуск! — кивнул он экипажу и обратился ко мне: — Средства защиты взял? Плохо. Принесите чей-нибудь противогаз! — Это уже к замполиту эскадрильи майору Мочанскому. Тут же мне принесли противогаз, и мы взяли курс на Чернигов.

Маслов тоже толком ничего не знал. Сообща прикинули, что вертолеты, а их готовится большая группа, понадобятся для работ на станции.

Пролетали над красивыми местами. Уже везде зелено, по-весеннему свежо и подвижно. Реки и озера разлились широко и вольно. Вот прочертил гладь, как вспорол грудью, селезень, рана на воде медленно, но заметно затягивается. Пасутся стада. Идиллия, да и только!

В Чернигове мы узнали, что взорвался один из четырех реакторов, срочно надо его обезвредить, потому что выброс в атмосферу — ужас! Как это сделать, никто пока не знает, но всем понятно, что без вертолетов тут не обойтись.

На аэродром слетались вертолеты. Из прилетевших офицеров и прапорщиков я составил группы подготовки вертолетов, назначил старших, определил задачи. Были вертолеты из полков Украины, Закавказья, на пути из ЗаБВО... Форма одежды самая разнообразная. Кого в чем застали, тот в том и прилетел: кто в спортивном костюме, кто в рыбацкой робе. Воскресный все же день.

Около полуночи собрали в классе предполетных указаний начальников и старших от всех округов. За трибуной был начальник штаба воздушной армии генерал Ивашкин, мне он знаком по Германии, там мы часто с ним встречались в одном из полков, который подчинялся ему как командующему авиацией общевойсковой армии, а я бывал там как направлонец от воздушной армии. Словоохотливый был мужик. Командир полка о нем тогда говорил:

— Ничего парень, но говорить мастер.

Только на месте слова «говорить» было у командира другое слово, покрепче, и оно хорошо вписывалось в эту краткую характеристику своего начальника.

— Товарищи офицеры! — начал свое выступление Ивашкин. — Положение очень критическое! Катастрофа мирового масштаба! Самое плохое, что никто не знает, что делать. Вы знаете, как трудно работать с гражданскими; я уже не вытерпел, покрыл их матом, только потом они зашевелились. Короче, ученые Европы и Америки, и наши тоже, говорят, что надо забрасывать реактор бором, песком и свинцом. Как это сделать, кроме нас с вами, никто не придумает. Времени на раздумье и раскачку у нас нет, завтра мы должны уже приступить к работе. Полигон определен в десяти километрах от АЭС, туда свозят уже песок, завтра же там будет свинец и бор. Кто надумает, немедленно ко мне, если я буду даже в туалете! Пока есть один вариант — сбрасывать груз в реактор с висения.

— Но это же верная смерть! — высказался полковник из Киева. — Там же смертельная доза!

— Предложи лучший вариант, — повернулся в его сторону Ивашкин.

Обсуждение проблемы приняло хаотичный характер, говорили все, не слушая друг друга.

— Надо бросать через люк. Загружать тележки и быстро их опрокидывать...

— Кто их там катать будет? Негры?

— Надо экипажи снабдить спецзащитными комбинезонами...

— Тут с обыкновенными не разберутся наши тылы, по два срока носим...

— Надо с внешней подвески бросать, с прохода...

— Опыта у нас такого нет, а горло реактора узкое, всего метров десять. Кругом линии электропередач и прочие коммуникации...

— На десять вертолетов дается заводом один крюк. После каждого сброса его искать в реакторе?

— Подначки оставим при себе. Чем мы можем заменить этот ваш злосчастный крюк?

— Теперь он наш общий. Их надо тысячи. Сложная токарная работа.

— Не такая она и сложная, можно еще упростить. Только кто будет делать? Наши полки и реморганы не потянут, и металла надо тонны.

— Дело государственное: подключат заводы. К утру мне на стол чертежи, схемы, рисунки, что угодно. Выберем вариант, — подвел итоги собрания Ивашкин.

Утром был карандашный набросок цилиндрической болванки с приваренным кольцом, за которое должен крепиться парашют, заполненный песком, бором или свинцом. На заводах эту конструкцию еще упростили, но не намного, а через несколько часов на военный аэродром Чернигова маленький грузовичок привез первую партию горячих еще крючьев. Примерили, испытали, годится.

Сел Ан-12, сполз с полосы и у одной из рулежек сгрузил гору парашютов. Самолет заполз на полосу и улетел, натужно взвывая моторами, а у холма остался маленький росточка генерал из десантных войск. Он, как бессменный часовой, всегда оставался при своих парашютах. Посмотришь туда днем, вечером, в ясную погоду, в дождь — он всегда рядом с холмом из парашютов маленькой вешкой торчит. Подъезжают «Уралы», загружаются парашютами и уходят за границу аэродрома, а маленький генерал, отметив что-то в блокноте, остается на своем посту в ожидании нового рейса самолета и грузовиков. Чем он питается, где спит, когда отдыхает, никто не знал. Как ни посмотришь в ту сторону, то увидишь зеленый холм и рядом маленького стойкого генерала.

Вокруг Чернобыля были разбросаны вертолеты, и я по долгу своей службы был в ответе за все, что было связано с вертолетами и полетами. Однажды недалеко от станции, где был какой-то временный штаб руководства, ко мне подошел командир вертолета Ми-24рхр (специальный вертолет радиационной и химической разведки) в весьма возбужденном состоянии и обратился как к последнему звену, которое может чем-то помочь.

— Товарищ полковник, скажите хоть вы им, что так нельзя работать! Мы сегодня только пять раз пролетали над реактором. Как такси нас используют! Мы понимаем, что нужны данные. Так определитесь, что нужно, и соберите их в одном вылете, передайте другим специалистам, соберите всех. Не успеешь сесть, как они бегут уже и требуют лететь опять. Мы говорим, что были только там, возьмите сведения у тех, кто только что прилетел, они и слушать не хотят. Мы за один день получили больше пятидесяти рентген каждый! Вертолет наш только по названию соответствует, а защиты экипажа никакой, он как сито!

— Боюсь, что ничем помочь вам не смогу, меня, как и вас, не поймут, сочтут за труса или еще что пришьют. Но я на совещании обязательно об этом скажу Ивашкину, пусть он там наведет порядок.

— Ивашкин? Да его там пинают как хотят! Мне один из тех, кого мы возили, сказал, что Ивашкина отчитывали, как напроказившего двоючника, а он только мямлил что-то в ответ.

С защитой экипажей, действительно, был непорядок. Вертолет во время пролета над реактором прошивался лучами насквозь, и то снаряжение, что было у каждого члена экипажа, защищало не больше, чем

марлевая накидка от холода. А выброс был адский! Я несколько раз пролетал над реактором и видел, как стрелка бортового дозиметра ударялась об ограничитель справа на шкале. Относительное спасение нашли сами экипажи, когда на полигон подвезли листовой свинец. Тут уж каждый бросил себе на сиденье лист, да по бокам кое-где приспособили.

На полигоне было создано из «партизан» (призванных из запаса военнообязанных) несколько групп, они подсоединяли парашют к крюку на вертолете и загружали в него мешки с песком и бором, закидывали свинцовые бруски. С последними сразу дело не пошло: бруски прорывали полотно парашюта и шмякались в пыль среди человеческого муравейника. Бог милостив: никого не пришибли! Потом кто-то из «партизан» предложил обрезать купол, а на стропы привязывать слитки. Это снизило, но не исключило число падений увесистых болванок.

Дни стояли жаркие, пот заливал лицо, разъедал кожу, скапливался в респираторах. Дышать было трудно, потому и висели они у многих под подбородком, как у лошади торба с овсом. Во многом было заметно пренебрежение элементарными способами защиты. Люди не видели губительных лучей и не боялись их, тем более что на здоровье жаловаться пока грех, оно, кажется, нисколько не ухудшилось. Чешется кожа, хрипит горло, побаливает голова, но разве этого раньше ни у кого не бывало? Ерунда все это!

Воздух на полигоне переполнен озоном, ноздри чувствуют его жесткость. Пыль, поднятая винтами вертолетов, не оседает, она густым облаком окутала землю, копошащихся на ней людей, закрывает солнце и небо.

Через несколько дней закончился свинец в слитках, потом листовой, появился в мешочках по 10 килограммов — это свозили со складов и охотничьих магазинов дробь. Мне, охотнику, больно было смотреть, как тоннами она исчезает в прожорливом жерле новоиспеченного Молоха, но ничего не поделаешь. Ради спасения человечества чем не пожертвуешь!

Работали от рассвета до темна. Спали по три-четыре часа. В густых сумерках заруливали вертолеты на стоянки, их слегка обмывали солдаты химрасчетов водой (называлось это дезактивацией), техники и механики заправляли и готовили их к следующему дню. Спать ложились за полночь, вставали в четыре. Завтрак, аэродром, полигон, реактор, радиоактивная зараза — и так до бесконечности.

В комнате нас было четверо: трое нас из БВО и примкнувший к нам Чичков Олег, бывший наш, белорус, но потом уехал в ЗабВО за полковником. Олег — шептун, таких часто называют директорами паники или еще чем-то похожим, но он хороший. С ним случился маленький конфуз: из вертолета, на котором должен был лететь Олег, выскочил борттехник-грузин (вертолет принадлежал ЗакВО), зашвырнул в поле свой шлемофон и с напором заявил:

— Нэ полэчу з вашим Чичиковым! Вклучи-выклучи! Сам нэ знаэт, чого хочэт!

Со смехом и прибаутками уладили этот инцидент, правда за Олегом закрепилась после новая «фамилия» — Чичиков.

Нас всех одинаково ночью бил озноб, боролись с ним мы просто: полстакана спирта, чуть воды, пучок зеленого лука, обмакнутого в крупную соль, корка черного хлеба — и под одеяло. Озноб оставлял нас до следующей ночи.

Что ценно было: нам никто не мешал работать. Не было шифровок, запрещающих летать каждый день и помногу, мы могли снимать с одного вертолета агрегаты и ставить их на другой. Вертолеты взлетали и садились в скопище народа, в облаке непроглядной пыли. К нам никто не прилетал и не приезжал не только из Москвы, но и из округов. Стали появляться позже, когда реактор пыхтел под коркой из свинца, песка и бора и не выбрасывал в воздух клубы заразы. Нужно отдать должное, вели себя приезжающие с опозданием начальники тактично, обходились малыми замечаниями, упрекали кое-в чем, в силу привычки, и улетали с чувством выполненного долга. Однажды привезли нам чертежи на ватмане. Мой старый товарищ и сокурсник по Иркутскому и Киевскому училищам, теперь киевлянин, полковник Авенир Никонов, наморщив лоб, долго всматривался в чертежи, а потом изрек:

— Это вы привезли по ошибке выкройки какой-то швейной мастерской.

— Ошибки не может быть, — с гонором заявил курьер. — Да, это выкройки, но не для портных, а для вас. Вы должны по ним рассчитать количество листового свинца и срочно заказать его установленным порядком, а потом раскроить и оборудовать вертолеты, принимающие участие в ликвидации последствий аварии на АЭС!

— Как длинно и бестолково, — закусил удила Авенир. — Можете повторить еще раз? Ничего не понял. Какие выкройки, если наши вертолеты уже в свинце, как ящерицы в панцире? Поздно там проснулись. Или это на будущее?

Хорошо запомнился день 9 Мая. Решили чуть пораньше закончить работу, помыться в баньке, да принять перед сном боевых сто граммов за Победу. В десять часов вечера мы с Масловым были уже в комнате, копались в сумках, отыскивая из белья, что почище, как вдруг влетел Олег, глаза выпучены, они и так у него не маленькие, а тут по площадке.

— Все! Конец! Реактор взорвался! Это конец!

Нас с Масловым как обухом огрели по голове. Мы застыли с не нужными нам уже тряпками в руках. Это сообщение не было для нас такой уж неожиданностью, и раньше ходили слухи, что бухтит и клокочет силушка под коркой и что должна когда-то вырваться она наружу. Но как-то все сходило, и мы успокаивались. И вот оно пришло. Не успели даже помыться, сменить белье, что было бы кстати, теперь-то маловероятно, что нам повезет и мы выкрутимся в очередной раз.

По тревоге уехали на аэродром, выпустили на разведку Ми-8. Ждем с физиономиями обреченных. Минуты кажутся вечностью, надежд никаких. Из динамика слышится радиообмен. Пока ничего нельзя понять, все в оранжевом облаке. Это прорвались газы из реактора, подняли пыль, и в свете прожекторов выглядит, как взрыв. Все нормально! Ну, что ж, поживем еще, потопчем матушку-землицу! Баньку проехали, но от боевых ста не откажемся!

Работы с вылетами поубавилось, и мы стали думать, как избавить вертолеты от загрязнения. Большой фон давали двигатели, они засасывали радиоактивную пыль внутрь, забивали ею пористые вставки корпусов турбин и компрессоров, и «выманить» ее оттуда ничем нельзя было. Впрыскивали при работающих двигателях в заборники воду, спирт. Результат нулевой. Попробовали заменить воду песком. Получается что-то, но до допустимого уровня, даже для военного времени, далеко. Мы работаем вместе с группой инженеров НИИЭРАТ, они делают науку, мы

им помогаем. Графики, таблицы, выводы и предложения нужны сейчас, могут пригодиться и в последующем — упаси, Бог, от этого!

Решили как-то во время таких исследований купить воды и еще чего-нибудь съестного в ближайшем селе, там был магазинчик. Поехали на уазике с открытым тентом. Никонов не стал снимать с себя чулки и прорезиненный плащ, под его подбородком болтается респиратор. Остановились у магазина, и тут же, как в сказке, около нас выросла толпа. Люди косо поглядывали на большеногого молчаливого Никонова, очевидно, принимая его за американского специалиста по атомной энергетике, а нас засыпали вопросами: что случилось? Чего ждать еще? Можно ли пить молоко? Есть ягоды? Косить траву? Что будет с нами дальше? Мы поинтересовались, был ли у них в деревне кто-нибудь из района хотя бы, может быть, по радио или телевизору сообщали что-либо нужное и полезное? Никого не было, никто ничего не слышал. Мы, что знали из науки об оружии массового поражения, обо всем, что могло им пригодиться, поведали, посоветовали чаще мыть руки и тело, закрыть окна и форточки, отправить куда-нибудь подальше из этих мест женщин и детей...

С питанием, организацией питания и у нас не было порядка. Врач на совещании говорит: «Личный состав кормить на аэродроме нельзя, там кругом радиация! Надо возить всех в столовую». Тыловик: «Это же мне надо всех мыть, переодевать, потом уже кормить». Ивашкин: «На это уйдет уйма дорогого времени. Не годится!» И в течение дня питались, кто чем мог: кто-то грыз припасенную корку или пряник, кто-то пил молоко или кефир, у кого-то появлялся шматок сала.

Насколько много было проглочено нами заразы, узнали мы, когда через полгода хотели передать Ростовскому заводу для первого ремонта вертолет Ми-26. Его долго мыли и чистили всем полком, всеми имеющимися порошками и смесями, но тем не менее завод не принял его, заставили перелететь на военный аэродром, чтобы не загрязнять заводской. Там группа специалистов под моим руководством терла и мыла его еще неделю. Приняли. Со скрипом, оговорками, но приняли. Только никто из рабочих завода не подошел к нему ближе, чем на пушечный выстрел. Профсоюз поставил условия дирекции, по которым каждого рабочего, согласившегося поработать на этом вертолете, считать чуть ли не героем, осыпать деньгами и почестями. Дирекция не приняла этих условий, и вертолет, как и все остальные в полках, сгнил на отведенном могильнике.

В первый год, да и в последующие многие участники этой эпопеи, их называют еще «ликвидаторами», ушли в мир иной или стали инвалидами. На примере одного полка, где больше всего молодых офицеров, было заметно, как подкосил людей Чернобыль. Из розовощеких крепышей они превратились в бледных, одутловатых, уставших людей.

Почти всем ликвидаторам дали льготы по статье 19 Закона Республики Беларусь, но позже Президент их отменил.

Мои личные заслуги оценены по достоинству, я награжден орденом «За службу Родине в вооруженных силах СССР» III степени. Если бы и обошли с наградой, я бы и тогда не был в обиде, ведь не за ордена и медали служил.

Вадим Спринчан

В безлюдной зоне — цезий и плутоний...
Над хатой подобием креста
Нависла ель. И вспомнил я Христа
И кровь его на лбу и на ладони.
Неужто путь к спасению — тщета?

Над перекрестком четырех дорог
Клубилась в поле атомная пыль.
Там всюду чертов страх — чертополох
И гибелью чреватый чернобыль.

И был вдвойне печален там погост,
Средь поля жизни, а вернее — смерти.
В ту ночь Господь затеплил свечи звезд
На траурной небесной тверди.

...Случится ль чудо в ядерную эру,
Воскреснут ли земля, река и лес?
Дай, Господи, спасительную веру.
Мы все теперь несем незримый крест —

С одною целью, сердцу не чужою
На скорбном человеческом пути, —
Не просто выжить — выстоять душою,
Любовь и свет бессмертья обрести.

26 апреля 1990

ЧЕРНОБЫЛЬ И ВРЕМЯ

Тамара Ковальчук

**ЗДЕСЬ ТИХО БЬЕТСЯ
В БЕРЕГ ПРИПЯТЬ**

Деревня, которой почти что и нет

Кто рискнет такую веру развенчать и низвести,
Тот не мерил эту меру и не пробовал нести...

И. Царев «Тобол»

Без проблем в деревню еду, чтобы вновь увидеть свет
Материнского обеда через уйму дней и лет,
Только стены магазина да стоят в рядок столбы,
Свесив провода невинно на акаций колких лбы.

Где с тревогой в берег бьется Припять — милая река,
И, как прежде, к солнцу рвется вся семейка ивняка.
Где от улиц, переулков лишь остался пепла смрад,
Журавлиной песне гулкой старый клен-кряхтун не рад.

Где стоял дом, там лишь ветер лижет сочную траву,
Оставляя ряд отметин, над которыми реву.
Из земли нога колонки, потеряв свой вид, торчит,
Будто памятник сторонке, будто вечный страж и щит.

Только аист ладит деток, кормит с раннего утра
И кричит лисица где-то у заросшего двора
Старожила дяди Коли, здесь оставшегося жить.
Он любовью к предкам болен. Не порвать той связи нить!

Мой дом родной

Мой дом родной... Мой дом... Мой дом.
С каким он выживал трудом?!
С какую болью нес свой крест,
Став обелиском здешних мест?!

Губами старых оконниц
Он целовал голодных птиц,
Ютил и грел слепых котят,
За то пусть боги век простят.

Ему ль, ослепшему, смотреть
На края сгинувшего треть?!
Ему ль, в трубу трубя, взывать,
Ему ли ждать меня и мать?!

Ладонью сгнившею дверей
Он охраняет от зверей
Полов скрипучих полотно,
Кровать, накрытую рядном.

Живет в нем дух семьи моей...
И по прошествии всех дней
Ему так нужен детский смех
И радость, боль живущих всех.

Травой и мхом сырым объят
Его фасад до самых пят.
Но стона нет!.. Присев, молчит,
Калитку выставив, как щит..

В который раз прощаюсь с ним
И вижу, как мой дом раним,
Забытый, брошенный, пустой...
Не возродить в душе покой!

Чернобыльская деревня

А мне опять деревня снится
С названьем чудным Конотоп.
Над ней лечу бескрылой птицей
И вижу слез людских поток.

Здесь улиц нет давно просторных
С веселым хохотом ребят.
Взамен лишь ветер дует в горны
Да захороненные спят

Дома, беседки и сараи,
И дуб, и яблоня, и клен.
Когда-то все казалось раем,
В который каждый был влюблен.

Здесь тихо бьется в берег Припять,
Врачуя боль земли родной.
Но тем страданиям не выспеть,
Оплаченным большой ценой.

Деревня есть... И нет любимой!..
Она, живя, давно мертва!..
Все реже сон пронесит мимо
Тех мест, что помнятся едва.

В облученной постели

Перестаньте, ветры, злиться,
Над погостом выть ночами —
Не взлетит жизнь синей птицей,
Не блеснет озер очами.

Вам не знать ли веснам цену
С бриллиантовой капелью,
Для которых рощи — сцены
С соловьиной нежной трелью?

Вам не помнить ли в апреле
Взрыв, накрывший полпланеты,
Душный запах сосен, елей
В ярком зареве рассвета?

Седовласый лес доселе
В одиночестве ютится.
В облученной спит постели
Рек прозрачная водица.

Анатолий Резанович

БОЛЬ ДУШИ

Новелла

В жизни проходит все. Но остается память. Она стучится в душу, будит мысли, плачет о былом. И я вспоминаю.

Хата на отшибе, сад, крапива у плетня.

Я еще сплю, а уже чувствую запах меда и свежего парного молока. Слышу голос бабки: «Потише, старый!..» Дед, накурившись, приглушенно и виновато кашляет. Мне становится жалко его, и я встаю, выбегаю на крыльцо и долго гляжу, как из-за сада выкатывается желтовато-красное, похожее на огромный спелый шиповник солнце. Его свет золотит листья деревьев, играет на перезревших тяжелеющих вишнях, искрами рассыпается по росе.

— Внучек! — зовет бабка.

Я будто не слышу: стою и увлеченно смотрю на горделивый подсолнечник, сохнувший лук, белолобого лопухого щенка, играющего с концом веревки, которая висит на плетне...

Увы, время безжалостно. У меня уже нет бабки с дедом. Совсем постарела, покосилась их хата. Высыхает некогда цветущий сад.

Осталась от стариков память да Библия, глядя на которую, слышу набожный голос бабки: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки...»

Память не изменяет. Ее не хочешь, не принимаешь, ее прогоняешь, а она все равно приходит.

И я опять вспоминаю.

Паводок.

На многие-многие километры вокруг разлились талые воды. В их густой синеве весело плещутся мириады солнц. Они игриво кружат вокруг деревьев и кустов, на ветках которых распускаются зеленые, желтые, багряно-коричневые

почки. Только-только появившись на свет, они смотрят на мир большими и добрыми глазами, с нежностью отдаются в объятия каждому теплому дыханию ветерка, радуясь, что родились и живут на этом свете.

Вешние воды отдают первым теплым дождем. Они успокаивают и придают силы.

Лишь у закрытого шлюза, где лежит грязновато-красная куча ядохимикатов, как-то пустынно и неуютно. Не видно зелени и почек. Из воды торчит одинокий почерневший ствол то ли осины, то ли ольхи, да плавает большой дохлый линь, выставив кверху взбухший гнилой живот — немое, скорбное свидетельство беды.

Густая синева вешних вод медленно окрашивается здесь в цвет ржавого железа...

Память постоянна, как мир. Она во мне. Она вокруг меня.

И я в который раз вспоминаю.

Поле. Необъятное поле. Оно уходит за горизонт и где-то там, далеко-далеко, как будто сливается с небом.

Поле только что вспахано. Земля на нем черная, жирная, пахнет свежим жнивьем. По низинам стелется пар. Гляжу на него, и мне кажется, что поле дышит. Оно — живое!

— Э-ге-гей! — радостно кричу я, заглушая птичий гомон.

За мной наблюдает отец. Довольный, он улыбается, замечает:

— Хорошо на поле, просторно.

— Хорошо, — соглашаюсь.

— Жалко, что многие не видят этой красоты, уезжают в города, — продолжает как бы между прочим отец. — Отвыкают от наших сельских забот, забывают свои корни. А человек без корней что щепка на воде. Куда ветер, туда и плывет. Так-то...

— Я не уеду, — уверенно говорю я.

Отец сомнительно качает головой, долго молчит, тяжело вздыхает...

Память преследует меня днем и поднимает среди ночи. В пространство тьмы она вдруг врывается стремительной звездой, а в прозрачность света входит черной тучей.

И я снова вспоминаю.

Лес.

Последний зимний день. Он киснет, слезится. От радости, взлетев на самую высокую сосну, поет бойкая синица. Внизу, на старом пне, пробует свой картавый голос ворона. Долго, раскрыв веером разноцветный хвост, прохаживается глухарь по поляне, рисуя на снегу опущенными упругими крыльями замысловатые узоры.

Из-за кустов я внимательно слежу за глухарем и, когда он останавливается, настораживается, спускаю курок двухстволки. В мгновение тишина рассыпается. Глухарь нелепо подпрыгивает и падает на бок, кровавая и без того мокрый чернеющий снег...

Вскоре темнеет. На мрачном небе появляется бледная луна. Кажется, что она смотрит на землю из перевернутого глубокого колодца.

Постепенно луна желтеет, наливаясь водянистой краснотой и становится похожей на чей-то зловещий глаз. Становится страшно. Я ускоряю шаг: «Домой, домой...»

В какое-то мгновение оглядываюсь. Кровавый взгляд далекой и холодной луны смеется и как будто говорит: «От судьбы не уйдешь». Я смотрю на часы. Стрелка показывает за полночь. Наступает весна 1986 года, весна, повенчанная с Чернобылем.

Близится непроходящая боль моей души...

Александр Анюховский

**ПОДВИГ ТВОЙ
БЕСКОРЫСТЕН
И СВЕТЕЛ!**

Бей, звонарь, с колокольни в набат

К 40-летию трагедии на Чернобыльской АЭС

Бей, звонарь, с колокольни в набат,
Звон тревожный разлей не жалея,
Чтобы души, в момент цепenea,
Ощутили Чернобыля ад!

Разбуди убаюканных сном.
Мирный атом останется мирным,
Если дать по рукам всем настырным,
Кто играет с ним, как с огнем.

Сорок лет и забылось ужель?
Я не верю, что может забыться,
Как земля зараженная злится
В тот кричащий от боли апрель.

Был убийца коварен и тих.
Были люди совсем не из стали,
Но пред ним как железные стали,
Погибая за жизни других!

P. S.
Пусть слова в утешенье звучат:
«Над Чернобылем фон безопасный!»
Но как хрупок наш шарик прекрасный...
Бей, звонарь, с колокольни в набат!

ЧЕРНОБЫЛЬ И ВРЕМЯ

Чернобыль

О, земля Беларуси святая,
Много знавшая горя и бед,
Будто Феникс, порой умирая,
Еще краше рождалась на свет.

Зарастали лесами воронки,
Заживали разрезы траншей,
И смотрели глазами ребенка
Васильки на раздолье полей.

Но однажды цветущей весной
Не враги к нам ордой забрели,
А невидимой черной бедою
С радиацией ветры пришли.

Облака проливались дождями,
Заражая поля и леса,
Отселяли людей деревнями,
Удаляя навек адреса.

На сегодня Чернобыля имя —
Символ боли, трагедий, потерь.
Как для мира болит Хиросима,
Кровоточит Чернобыль теперь!

Скрипит телега

Скрипит телега. Не спешит лошадка.
А вдоль дороги — дивный запах трав.
Мне на душе спокойно так и сладко.
Дремотно погружаюсь в полуявь.

И греет солнце. Волосы ласкает,
Запутавшись в них, легкий ветерок.
Кукушка где-то не спеша считает
Мои года, даруя щедрый ее срок.

Лошадку дед легонько погоняет,
Газетной самокруткой дымит.
Он морщит лоб, о чем-то размышляет,
И хмурится, когда нога болит.

Дед — фронтовик. Войною покалечен.
Прошел сквозь жерло яростных боев,
Чтоб я вот так был весел и беспечен
И слушал вечерами соловьев.

Дорога вьется средь полей широких,
Из-под колес летит густая пыль...
Жаль, не вернуть тех дней уже далеких.
Они теперь то ль небыль... то ли были!

Я Родиной с детства дышу

Я Родиной с детства дышу!
Я в ней растворился туманом,
Весенним цветочным дурманом,
И ей надышаться спешу.

В разлуке порою грущу,
Ребенком оставшись без мамы.
Рассветов чужих панорамы
Я в сердце свое не впущу.

Льет дождь или падает снег —
Желанная и в непогоду,
Моя Беларусь для народа —
Защитный от зла оберег!

Героям Чернобыля

Так всегда говорят о героях:
— Он наградой не грезил совсем,
Только Родины имя святое
Выше жизни ценил, как тотем!

Есть герои не только на фронте,
В мирной жизни их тоже видал.
Кто такие? Скажу я, извольте:
— Кто в Чернобыле жизни спасал!

Он тушил в эпицентре реактор
После взрыва ночного ЧАЭС.
Человек! Как единственный фактор,
Как античный герой Ахиллес!

Победил! Усмирил! Обезвредил!
Зверь Чернобыля загнан в нору.
Подвиг твой бескорыстен и светел!
Пусть сияет зарей поутру!

Наталия Костюченко

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Чернобыль... после черной даты 26 апреля 1986 года стал известен всему миру. Чернобыльник — растение, являющееся разновидностью полыни, которого очень много в междуречьях Днепра, Припяти, Десны и Сожа. Оно дало название этому украинскому поселку, расположенному в низине Полесской низменности, неожиданно ставшему знаком, символом беды.

Нередко именно об этой земле, загрязненной радионуклидами после катастрофы на Чернобыльской АЭС, говорят: «Свершилось», когда цитируют Откровение Иоанна Богослова из Нового Завета: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки...»

Событие, произошедшее 40 лет назад в Чернобыле, действительно трагическое, можно даже сказать, историческое, изменившее не только сознание, но и разделившее саму жизнь людей на периоды дочернобыльский и послечернобыльский.

Что происходило с человеком, с животными, растениями и с окружающей их средой на территориях, прилегающих к Чернобылю? Каким образом возвращаются к жизни? Чем был вызван интерес к этому краю со стороны исследователей и ученых многих стран мира?

Чернобыль... О чем он вещает человечеству сегодня? 40 лет спустя?

Не раз побывав в Хойникском и Брагинском районах Гомельской области, я сделала, пусть и субъективный, анализ некоторых ситуаций, явлений и событий.

Зубры. Мозырский район. Октябрь, 2004 г.

Одним из населенных пунктов, который однажды посетила, были Хойники, где находятся дирекция, координационный и научно-исследовательский центр Полесского государственного радиационно-экологического заповедника, образованного на наиболее сложной и опасной в радиационном отношении территории зоны отчуждения (216,2 тыс. га).

Зона отчуждения — это 30-километровая от Чернобыльской АЭС зона, откуда в 1986 году было эвакуировано население, а также территория, с которой проведено дополнительное отселение в связи с плотностью загрязнения почв стронцием-90 свыше 3 Ки/км², а плутонием-238, 239, 240, 241 свыше 0,1 Ки/км².

Разговор с ведущим охотоведом заповедника Сысой Григорием Ивановичем впечатлил.

— Полесский государственный радиационно-экологический заповедник, находящийся на территории трех административных районов — Хойникского, Брагинского и Наровлянского, — уникален. Аналогов ему нет во всем мире, — рассказывал Григорий Иванович. — Недаром от делегаций из разных стран (Италии, Германии, Франции, Бельгии, Дании, Швейцарии, Японии) мы просто не могли «отбиться». Многие, кто побывал в заповеднике, признавались, что в его пределах, откуда ушел человек, они испытывали странное психологическое состояние, возможно, вызываемое необычной тишиной, почти безмолвием. И это состояние в итоге сводилось к единственному желанию: побывать там еще раз. Пересекая границу заповедника, человек словно попадает в другой, непривычный для него мир, — признавался охотовед. — Он завораживает, запоминается, оставляет необычный отпечаток в душе. И тот, кто соприкоснулся с этим миром, отмечает: туда тянет.

— Что же там может быть такого удивительного, если кругом — уничтожающая жизнь радиация? Неужели удивляют мертвые деревья и травы, малочисленные больные звери и птицы? А то и двух- или трехголовые мутанты, которых, как говорят, немало развелось в зоне, — с иронией отреагировала я на признание собеседника.

Обыкновенный лось. Деревня Дроньки. Хойникский район. 2004 г.

Болотная черепаха. Деревня Аравичи. Хойникский район. Июнь, 2005 г.

— Кто говорит? — возмутился Григорий Иванович. — Слышали мы про таких умников, которые, не потрудившись ступить за порог, ничего своими глазами не увидев, уже все знают! Покажите мне хотя бы одного человека, обнаружившего здесь, в заповеднике, мутантов? Может быть, где-то такие и найдутся, но среди наших работников, которым о жизни в зоне известно не понаслышке, таких нет. Я, например, охотовед, но мутантов не видел.

То, о чем поведал Григорий Иванович дальше, не просто удивило и взволновало. Я, взрослый человек, словно оказалась под гипнозом, неким сильным воздействием рассказанной сказки.

— Это сказка? — так и спросила я.

— Это правда.

Вот что я от него услышала.

Заповедник... Территория, где было ликвидировано 34 колхоза и совхоза, прекращено существование 485 поселков и деревень, а 70 из них уже навсегда захоронены, «закопаны» в землю. («Капоранку закопали», — говорила в год катастрофы на АЭС о своей родной деревне моя бабушка). Заповедник — это и 2,5 тыс. км² бывших сельхозугодий, перешедших во владение диких животных. Это и 13 тыс. км колючей проволоки. Заповедник — зона, границы которой оградили людей от радиации, а животный и растительный мир, загрязненный радионуклидами, от человека.

Какие же изменения произошли здесь после аварии на АЭС?

Картина, которую вырисовывал охотовед, поражала воображение:

— На земле бывших сельхозугодий идет самовосстановление. На осушенных болотах, превращенных в результате мелиорации в пыльные пустыни, — а когда-то их называли «легкими Европы» — наблюдается интенсивное заболачивание. После отселения людей поля, луга и болота стали бурно зарастать травами, кустарниками и деревьями. Все это, как результат отсутствия антропогенного воздействия на природу, не могло не сказаться на животных и птицах. Они резко увеличили свою численность.

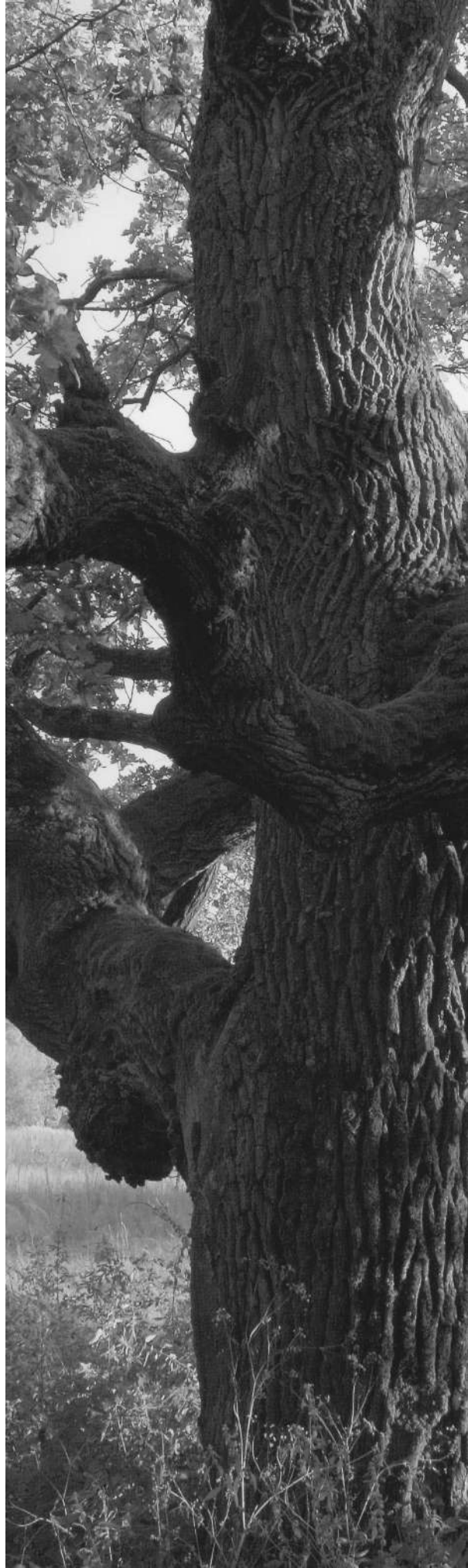
Сегодня на территории заповедника обитают лоси, косули, кабаны, олени. И их в десятки раз больше, чем до трагедии.

В 1966 году сюда из Беловежской пуши завезли 16 голов зубра, сейчас их — более двухсот. Видели и медведя, тогда как последнее упоминание о медведе на Полесье было в 1914 году. Образовал здесь на полянах свою колонию и орлан-белохвост (гнезда достигают до двух метров в диаметре и полутора метров в высоту). Эта редкая крупная птица, размах крыльев которой — до 2,6 м (приблизительно средняя высота от пола до потолка), занесена в Красную книгу. Серая неясыть, степной орел, беркут, черный и белый аисты, большая белая цапля, бесчисленное количество уток и лебедей. Лебедь-кликун, относящийся к виду, который находится на грани исчезновения, впервые появился в Беларуси в 2003 году. Гнездовья этого красавца — тоже в заповеднике. Неудивительно в этой зоне и встреча с болотной черепахой, где образовался природный резерват для ее сохранения, т. к. черепаха — животное водное, питается головастиками, пиявками, моллюсками, которых на болотах несметное количество.

Почти треть Полесского заповедника занимает Припять и ее пойма. Здесь бесчисленны старицы, заливные луга, что поспособствовало возникновению плантаций чилима (водяного ореха) — растения, также занесенного в Красную книгу. Сальвиния (плавающий папоротник) — еще один исчезающий вид, его тоже теперь много в заповеднике.

В итоге что мы наблюдаем? Заповедник напоминает настоящий природный оазис, где огромное количество зверей, бесчисленные гнездовья птиц, редкие виды растений. Здесь много воды и кормов. Зона высокого радиоактивного загрязнения живет... Почему? Потому, что там нет людей.

Дуб. Пойма реки Припять

Птенец серой неясыти. Деревня Борщёвка. Хойникский район. 2004 г.

Напрашивается страшный вывод... И вопрос: нужен ли человек вообще природе?

Не за ответом ли на этот вопрос едут туда, в зону, ученые и исследователи со всего мира? А известный белорусский документалист и биолог Игорь Иванович Бышнёв снял здесь потрясающий фильм «Чернобыльские джунгли».

Охотовед подарил мне фотографии, сделанные Игорем Бышнёвым, на одной из которых он держит в руках черного аиста, а на другой — протягивает руку к птенцу серой неясыти, пристроившемуся на жердочке под крышей хаты выселенной после аварии на Чернобыльской АЭС деревни.

Фото Игоря Бышнёва.
Из личного архива Григория Сысы

Журавли. Возле деревни Новосёлки. Хойникский район. Август. 2004 г.

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

ВАЛЕРИЙ
СЛАУК:

«Я СТАРАЛСЯ
ДЕЛАТЬ
В ИСКУССТВЕ
ТО, ЧТО МНЕ
НРАВИТСЯ»

Творчество Валерия Слаука — уникальное явление в отечественном искусстве. Время показало, что он принадлежит к созвездию белорусских графиков первой величины. В своих произведениях художник предстает думающим творцом с безграничными фантазией и изобретательностью. Заслуженный деятель искусств Республики Беларусь Валерий Слаук — иллюстратор, который понимает и любит фольклорное и литературное наследие как Беларуси, так и других стран.

— В советское время было такое предложение. От каждой республики молодежь, которая подает надежды, получает стипендию Союза художников СССР в Москве, и на два года там определяется работа. И я, помню, в 1978 году стал стипендиатом. И в год на два месяца были такие сборы. Со всего союза собиралось около семидесяти художников. Дом творчества Сенеж или Дом художника — так называлась эта организация.

— **Тогда такой вопрос: есть мнение, что в 1970—1980 годы графика была востребована, в том числе и в финансовом плане...**

— Да, было такое.

— **А когда наступили 1990-е, и особенно после распада**

СССР, графика потеряла в цене. Но вы все-таки остались графиком. В чем причины? Не было ли желания уйти в коммерческую живопись? Какие у вас были внутренние мотивы?

— Никогда об этом не задумывался, я как плыл по течению, так и плыву. Видимо, я по складу такой человек, не было у меня желания углубляться в анализ своей жизни.

— **Значит, графика была органична самой вашей натуре?**

— Можно и так сказать. Многие мои знакомые по Москве поспивались, поумирали, кто-то жив. То, что происходило тут, по

сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом было немножко провинциальным. А там люди были более политизированные. Хотя по характеру разные — кто-то и сейчас преуспевает. Последние несколько лет я не ездил в Москву, а так ездил.

— Кого из белорусских графиков хорошо знали в СССР?

— Георгия Поплавского и Арлена Кашкуревича, а больше из белорусов особенно никого. А Слаук — кто я там? А вот сейчас уже немножко знают. Сейчас я и для московских издательств какие-то работы сделал.

— Давайте поговорим о вашем становлении как художника. Я где-то читал, что Евгений Кибрик, знаменитый советский иллюстратор, хорошо отзывался о вашем раннем творчестве.

— Да, я знаю Кибрика, Кибрик — это другое поколение.

— Вы могли бы назвать каких-то художников, которые вас вдохновляли, на творчестве которых вы учились?

— До поступления в белорусскую Академию искусств я был самоучкой. Я любил это дело, и мне очень повезло поступить. Получилось так, что у меня Василий Шарангович был заведующим кафедрой. А я любил фантастику на космические темы, какие-то портреты, какие-то иллюстрации. В общем, я привез кипу работ показать и показал. Он

сказал, что вряд ли я поступлю, но надо рискнуть — попробовать.

— И все-таки кого вы воспринимали своими учителями в период обучения? Доре, Домье?

— Нет. Этих имен я не знал. Но я знал Арлена Кашкуревича, его творчество. А до армии еще купил книжку Герберта Уэлса «Машина времени», и там были размещены мастерские рисунки Арлена пером. Мне понравилось, что Арлен полностью попадает в то, о чем Герберт пишет. Бывают хорошие иллюстрации, но они мало связаны с текстом, бывает, что художник тынет одеяло на себя. А у Арлена — легко и свободно и точнейшее попадание в то, что написано. Кроме Кашкуревича, мне с детства запомнился такой иллюстратор — Аминадав Каневский. Я до сих пор его помню. «Приключения Буратино» — черно-белая работа, которую он во время войны делал. После войны у него появился цвет. Вот его иллюстрации мне запомнились, также творчество Владимира Сутеева. Иллюстрации Сутеева — это иллюстрации к «Чиполлино», к русским народным сказкам и многому другому. Повлияли многие, но я сейчас не могу вспомнить точно по фамилиям. Кибрика, конечно, помню, это иллюстрации к «Тилю Уленшпигелю», до сих пор эта книга у меня хранится. Если говорить о европейской школе... я не запоминал имена тогда. Вот Гюстав Доре — это великолепный художник. Мать у меня работала техничкой в школе, и из библиотеки она мне приносила и Доре, его иллюстрации к сказкам братьев Grimm, потом я уже обратил внимание и на иллюстрации Доре к Библии, и к «Дон Кихоту».

НАПОСЛЕДОК
ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗДАНИЯ

ЗА СТРОКОЙ АВТОГРАФА

НИНА
КОСИЛОВА

Автографы, дарственные надписи, маргиналии делают книгу уникальной, придают ей особую историко-культурную ценность. В библиотеках и частных собраниях такие книги входят в фонд редких.

В фонде Национальной библиотеки Беларуси хранится экземпляр книги «Путешествия Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году» (печатано при Горном Училище 1786 года), на котором имеется предположительно автограф Александра Сергеевича Меншикова (1787—1869), правнука Александра Даниловича Меншикова: «*Из книг была князя Александра Сергеевича Меньщикова Подарена*».

Александр Сергеевич Меншиков — военный и государственный деятель, адмирал, почетный член Петербургской Академии наук и Российской Академии, участник русско-турецкой войны, крупных сражений в войне с Наполеоном. Известно, что Александр Пушкин встречался с Александром Меншиковым, расспрашивал его о прадеде, когда работал над «Историей Петра I».

Интерес представляет не только дарственная надпись, но и сама подаренная Александру Меншикову книга, содержащая исторические сведения, относящиеся к белорусской земле. В ней дано описание маршрута императрицы в 1778 году после присоединения новых земель к империи. Маршрут проходил через 240 населенных пунктов, в том числе Мстиславль, Кричев, Славгород (Пропойск), Чериков, Чечерск. О Мстиславле, например, приведены такие сведения: «*Жителей в нем состоит до 5000 обоих полов душ, и до 600 обывательских домов. Купечество его отправляет торг пенькою и хлебом в Ригу*»; о Черикове: «*В нем две Греческие церкви, Жидовская школа, и более 300 обывательских домов. Жителей числится обоих полов*

более 3000 душ». Чечерск отмечен как город, в котором много зажиточных купцов и хороших ремесленников и т. д. К слову, суда, на которых совершалось плавание, были построены из белорусского мачтового леса белорусскими крепостными крестьянами на Кричевщине.

Александр Сергеевич Меншиков был страстным собирателем книг, его пятидесяти тысячная библиотека — одна из лучших в России — была предметом зависти библиофилов. Многочисленными раритетами собрания восторгался библиотекарь Императорской Публичной библиотеки Антон Ивановский, окрестивший Меншикова адмиралом-библиофилом.

После смерти Александра Сергеевича библиотека перешла к сыну Владимиру, который унаследовал и собрание своего дяди Николая Меншикова, флигель-адъютанта Александра I, и намеревался издать каталог, а книги передать в общественное пользование, но дальнейшая их судьба неизвестна.

Уместно будет сказать и несколько слов о библиотеке Александра Даниловича Меншикова. Из источника «*Реэстр посланным в Москву книгам, описным в пожитках Меншикова...*» известно, что в ней были книги по артиллерии, морскому делу, истории, политике, архитектуре, философии, главным образом, на французском языке, но данный реэстр представляет собой описание лишь части библиотеки Меншикова. Первое выявленное упоминание о книгах Александра Даниловича зафиксировали «*Ведомости Приказной палаты по Петербургу*» в марте 1704 года. Согласно им, к губернатору (Меншиков был первым

губернатором Петербурга с 1703 по 1727 годы) поступили 62 трофейные книги на латинском и шведском языках.

Библиотеку Меншикова обслуживали библиотекарь Василий Васильев и несколько переплетчиков, переплетавших царские указы и письма (для этого приобретались бархат, атлас, сукно, ленты). Книги покупали по указаниям князя, кроме того, издания присылали и дарили. В 1716 году Александр Данилович получил от Петра I подарок, в сопроводительном письме император писал: *«Меин фронт, посылаю к вам презент — книгу огородную и дому»*. Еще одну

книгу от государя Меншиков получил в 1720 году, о ней было написано: *«Посылаю вам книгу трудов моих»*. Петр I отправил издание *«Книга Устав морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море»*.

Отмечу, что собрание Александра Даниловича Меншикова не было единым, книги находились в его дворцах — в Петербурге, Москве, Кронштадте, других местах. Судьба библиотеки князя неизвестна, установить местонахождение книг не представляется возможным из-за отсутствия владельческих надписей, помет, экслибриса.

Кстати, имя Александра Даниловича Меншикова связано с Беларусью. В 1717 году он купил Горы-Горецкое имение, которое через десять лет было продано графу Антонию Михалу Потоцкому, а спустя еще десятилетие конфисковано и передано в казну. Кроме того, Меншиков считал, что его родовое имение могло находиться в окрестностях Орши. В середине 1710-х годов он даже пытался отыскать его, но военные действия изменили местность, и ничего найти не удалось.

Франц Крюгер.
«Портрет Александра Сергеевича Меншикова» (1851)

Андрей Сухарев

НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ МНИМОЕ

Это интересно

Бог полюбил птиц и создал деревья.
Человек полюбил птиц и создал клетки.

Жак Деваль

Мы часто слышим, что важно уметь правильно расставлять приоритеты, формулировать и определять жизненные ценности. Философы и социологи отмечают изменчивость и динамичность жизненных ценностей в зависимости от социальных и личностных факторов. В современном быстро меняющемся технократическом и интернет-информационном мировом сообществе осмысление указанных категорий приобретает особую актуальность. Прежде всего это связано с состоянием нашей планеты Земля, которая сегодня болеет из-за огромных техногенных нагрузок и неправильного эгоистического мышления значительной части землян.

В Вечной книге — Библии — находим универсальные ориентиры и установки для безопасной жизнедеятельности человека. В данном случае мы используем Библию не как религиозный культовый предмет, а как общепризнанный, наиболее древний источник универсальных знаний. Одной из ключевых заповедей является пожелание людям жить в радости на своей Земле. Исследователи подсчитали, что слово «радость» встречается в Библии более 200 раз. Само слово «Евангелие» означает благовестие, радостную весть. Стало быть, по замыслу Творца, нам была передана Земля с достаточно комфортными условиями проживания на лоне неописуемо красивой природы.

Так радостно ли живет человечество? Правильно, по-разному. Наряду с положительными аспектами, можно обнаружить и общие негативные тенденции. Например, по данным

исследований в последние десятилетия значительно возросло количество тревожных, депрессивных людей; психические заболевания постепенно выходят на первое место среди всех других заболеваний и др. Можно провести простой эксперимент: задержитесь на некоторое время в аптеке и вы увидите, что многие люди нуждаются в успокоительных препаратах, снотворных средствах, антидепрессантах. Статистика в США показывает, что две трети всех посещений врача обусловлены симптомами, в основе которых лежит стресс. Получается, что вроде как не до радости. Человечество устает, более того, приобретает хроническую усталость, эмоциональное выгорание от высокого темпа жизни, возросшей конкуренции на рынке труда, стремления любой ценой поддерживать свой социальный и материальный статус.

Бурная научно-техническая эволюция — прогресс — способствовала развитию утилитарного мышления, порождению неумеренного материального потребления. Сложилась порочная система: больше произвести — больше употребить. В целом нормально. Но производство требует все новых невозобновляемых природных ресурсов. Земля устала, она просит передышки, она может не выдержать. Она задыхается, ее легкие забиты вредными выбросами промышленных предприятий, вода морей и океанов насыщена растворенным пластиком и др. А тут еще Запад подбросил очень зловредный принцип «намеренного устаревания», при котором в конструкцию изготавливаемой продукции сознательно закладываются элементы, значительно сокращающие срок их использования, с целью вынудить население чаще менять автомобили, бытовую технику и другие вещи.

Дети и молодежь стали все больше зависеть от материального мира взрослых, стремиться к обладанию символическим престижным набором: продвинутый велосипед, навороченный ноутбук, модные шмотки, дорогой «айфон», квадроцикл и др. Осознание части из них невозможности в ближайшее время достичь желаемого социального статуса может вызывать агрессию, депрессию, состояние глубокой разочарованности.

Бог предвидел подобный расклад действительности, и в Евангелии (Мф. 6:25) людям доводится, что для них является истинно ценным, а что мнимым: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды?»

Здесь Творец подсказывает главные личностные ценности: душа (все духовное), тело (здоровье, в том числе и психическое). В материальном — грань между сверх необходимым и достаточным количеством для комфортного существования. Приобретение дополнительных материальных ценностей и благ требует от человека больших усилий, которые порождают заботы, тревогу, разочарование и отвлекают от главного — радости бытия. В своем знаменитом романе «Дон Кихот» Мигель де Сервантес описал питание небогатого испанского дворянина в средние века: значительная часть его доходов уходила на похлебку из овощей с говядиной и винограет, который ему подавали на ужин; по пятницам он постился, обходясь тарелкой вареной на воде чечевицы, зато по воскресеньям лакомился жареным голубем. В праздничные дни дон Кихот надевал кафтан из тонкого сукна, бархатные штаны и сафьяновые туфли, а в будни носил костюм из грубого сукна домашней работы.

АВТОРЫ НОМЕРА

Гуринович Федор Федорович

Родился в 1950 году в деревне Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в городе Солигорске.

Аврутин Анатолий Юрьевич

Родился в 1948 году в Минске. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета. Автор свыше тридцати книг поэзии, прозы и переводов, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международных литературных премий имени Михаила Лермонтова, имени Марины Цветаевой и других. Обладатель «Золотого Витязя — 2022» в жанре поэзии и «Золотого Витязя — 2025» в жанре перевода. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Награжден орденом Франциска Скорины и одноименной медалью. Живет в Минске.

Кузьмичева Анастасия Сергеевна

Родилась в 1974 году в Минске. Автор книг стихов и рассказов на английском и русском языках «Киты Беларуси», «По ту сторону», книг «Быть может меня приютят...», «Тишина», «Невозможное Возможно», «Крик муравья», «Королева мыслей», а также книги «IMPOSSIBLE POSSIBLE» на английском языке. Лауреат Евразийской международной литературной премии и других премий и конкурсов. Живет в Минске.

Багданович Людмила Николаевна

Родилась в 1970 году в Берестовицком районе Гродненской области. Окончила факультет библиотекovedения и библиографии Минского института культуры. Автор «Этнаграфіі маёй вёскі». Имеет публикации в республиканских СМИ. Живет в деревне Вороны Берестовицкого района Гродненской области.

Айзенштат Роман Ефимович

Родился в 1946 году в Минске. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, журналист. Автор нескольких сборников стихов, а также текстов песен, в том числе и белорусских композиторов. Обладатель нескольких международных литературных наград и премий. Член ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Израиле.

Конев Федор Егорович

Родился в 1935 году в селе Мужы Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Автор книг прозы

«Сполохи» и «Снегопад». Участвовал как автор сценариев в создании более двадцати фильмов. Умер в 2025 году.

Метлицкий

Микола (Николай Михайлович)

Родился в 1954 году в деревне Бабчин Хойникского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Заслуженный деятель культуры РБ. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь имени Янки Купалы, специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства, Международной литературной премии «Алаш» Союза писателей Казахстана. Умер в 2021 году.

Кирпиченко

Виталий Яковлевич

Родился в 1936 году в деревне Толстовка Иркутской области (Россия). Окончил Иркутское военное авиационно-техническое училище, Киевское высшее инженерно-авиационное училище. Прозаик. Автор книг «Волчье место», «Над окошком месяца», «Планета псов и ягнят» и др. Живет в Минске.

Спринчан

Вадим Брониславович

Родился в 1950 году в Гомеле. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор поэтических сборников «Земля и звезды», «Свет неделимый» и др. Работал заведующим редакцией поэзии в издательстве «Мастацкая літаратура», заведующим отделом поэзии журнала «Полымя». Живет в Минске.

Ковальчук

Тамара Васильевна

Родилась в 1963 году в деревне Конотоп Наровлянского района Гомельской области. Окончила Республиканский институт профессионального образования. Автор более 20 книг поэзии и прозы для взрослых и детей. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в городе Осиповичи Могилевской области.

Резанович

Анатолий Иванович

Родился в 1958 году в деревне Рубель Столинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Прозаик, публицист. Автор многих художественных и публицистических книг на русском и белорусском языках. Популярность у читателей получили романы и повести «Отшельник», «Полынь-вода», «Когда всплывут золотые апостолы», «О чем играет пианист» и др. Живет в Минске.

Анюховский

Александр Владимирович

Родился в 1976 году в городе Горки Могилевской области. Окончил Белорусскую государственную сельскохозяйственную академию. Автор сборников стихов «Давайте о любви поговорим», «Моей жизни и строки, и строфы». Имеет призовые места в различных литературных конкурсах. Живет в городе Осиповичи Могилевской области.

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

На обложке: Охотовед Сыса Григорий Иванович. 14 км от реактора.
Деревня Борщёвка. Хойникский район. Июнь, 2004 г. Фото Игоря Бышнёва

Подписано в печать 10.04.2026. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 540. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2026
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2026
© УП «Мастацкая літаратура», 2026